2072-7607

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина»

ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

Научный журнал

Выпуск 3 (62)

Рязань 2022

УЧРЕДИТЕЛЬ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина»

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) 20 марта 2018 г. Реестровая запись СМИ **ПИ № ФС77-72456**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Я. М. Колкер, главный редактор, канд. пед. наук, доц., проф. каф. лингвистики и межкультурной коммуникации (Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина),

Е. С. Устинова, заместитель главного редактора, канд. пед. наук, доц. (Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина),

С. Ю. Потапова, д-р филол. наук, проф. (центр немецкого языка – партнер Гёте-Института, Международная академия бизнеса и новых технологий, Ярославль),

В. Н. Степанов, д-р филол. наук, проф. (Международная академия бизнеса и новых технологий, Ярославль)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Н. А. Ахренова, д-р филол. наук, доц. (Государственный социально-гуманитарный университет, Коломна),

В. Н. Бабаян, д-р филол. наук, доц. (Ярославское высшее военное училище ПВО),

Ван Цзиньлин, д-р филол. наук, проф. (Чанчуньский университет, Чанчунь, Китай),

Л. Г. Викулова, д-р филол. наук, проф. (Московский городской педагогический университет),

А. Н. Гордей, д-р филол. наук, проф. (Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь),

Г.-Г. Дрёссигер, д-р филол. наук, проф. (Каунасский филиал Вильнюсского университета, Литва),

С. Т. Золян, д-р филол. наук, проф. (Институт философии и права Национальной академии Армении, Ереван, Армения),

А. А. Колесников, д-р пед. наук, доц. (Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина),

Т. Я. Кузнецова, д-р филол. наук, проф. (Северный государственный медицинский университет, Архангельск),

С. А. Ламзин, д-р пед.наук, доц. (Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина),

Е. Г. Логинова, канд. филол. наук, доц. (Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина),

Л. Н. Лунькова, д-р филол. наук, доц. (Государственный социально-гуманитарный университет, Коломна),

Альберто Манко, д-р филол. наук, доц. (Университет L'Orientale, Неаполь, Италия),

Е. Л. Марьяновская, канд. пед. наук, доц. (Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина),

Л. А. Милованова, д-р пед. наук, проф. (Московский городской педагогический университет, Москва)

А. Д. Петренко, д-р филол. наук, проф. (Институт иностранной филологии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, Симферополь),

А. М. Поликарпов, д-р филол. наук, проф. (Северный (Арктический) федеральный университет, Архангельск),

А. А. Решетова, д-р филол. наук, доц., проф. (Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина),

Т. С. Серова, д-р пед. наук, проф. (Пермский государственный технический университет),

О. В. Соколова, д-р филол. наук, старший научный сотрудник (Институт языкознания РАН, Москва),

В. В. Фещенко, д-р филол. наук, старший научный сотрудник (Институт языкознания РАН, Москва),

Д. М. Храбскова, канд. филол. наук, доц. (Институт иностранной филологии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, Симферополь),

О. Г. Чупрына, д-р филол. наук, проф. (Московский городской педагогический университет, Московский педагогический государственный университет),

И. М. Шеина, канд. филол. наук, доц., проф. (Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина).

Журнал выходит 4 раза в год.

С 01.12.2015 г. **входит в перечень российских рецензируемых научных изданий**, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Адрес и телефон редакции: 390000, г. Рязань, ул. Свободы, д. 46;
тел.: (4912) 21-57-23, e.ustinova@365.rsu.edu.ru

Ссылка на журнал «Иностранные языки в высшей школе» обязательна.
Редакция не всегда разделяет мнение авторов.

Подписаться на журнал можно в любом отделении связи.
Подписной индекс издания № 55170 в каталоге «Объединенный каталог Пресса России»

© Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина», 2022

© «Иностранные языки в высшей школе», 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел I
Анализ дискурса с позиций когнитологии и лингвокультурологии

Ахмади Л.
Лексическая насыщенность как лингво- и социокультурная характеристика англоязычного научного текста 5

Вековищева С. Н., Кожевников Г.
Образная эвфемия в текстах с религиозной семантикой и ее межъязыковая передача 18

Разливинская Н. А.
Тексты мемориальных досок как языковая форма объективации коммеморации в городском дискурсивном пространстве (на материале английского языка)..... 26

Фещенко В. В.
Синтаксический эксперимент в поэзии и в лингвистике 37

Чекмаева Н. А.
Диалог с академическим сообществом: дискурсивный анализ стенограмм лекций 46

Чупрына О. Г., Короткевич Д. О.
Когнитивно-матричный анализ репрезентации концепта *Бразилия* в дискурсе СМИ (на материале газет The New York Times и The New York Post) 54

Раздел II
Анализ языковых единиц в лингвокультурном и переводческом аспектах

Бредис М. А.
Факторы адекватного перевода на русский язык пословиц разноструктурных языков 63

Лю Байвэй
Стратегия перевода названий чая и вина как культуроспецифических единиц (на материале романа «Сон в красном тереме») 72

Никитюк А. Г.
Адаптация англицизмов в современных французских и итальянских IT-терминосистемах (сопоставительный аспект) 79

Ососкова А. С.
Структурно-семантические и лингвокультурологические особенности этномаркированных диминутивных наименований лица в английском языке 87

Раздел III
Детский билингвизм в динамике его формирования

Потапова С. Ю.
Ранний детский билингвизм: поиск подходов к исследованию 97

Требования к публикациям и правила представления рукописей авторами 104

TABLE OF CONTENTS

Part I
Discourse Analysis from the Cognitive and Linguocultural Perspectives

Ahmadi, Leila
Lexical Richness as a Lingua- and Socio-Cultural Feature of English Academic Writing 5

Vekovishcheva, Svetlana ; Kozhevnikov, Gleb
Associative Euphemisms in Texts with Religious Semantics
and Their Interlingual Interpretation 18

Razlivinskaya, Nataliya
Texts of Memorial Plaques as a Linguistic Representation of Commemoration
in the Urban Discursive Space (Based on the Material of the English Language) 26

Feshchenko, Vladimir
Syntactic Experiment in Poetry and Linguistics 37

Chekmaeva, Natalia
Dialogue in Academic Discourse: Discursive Analysis of Public Talks Scripts 46

Chupryna, Olga ; Korotkevich, Daria
Cognitive-Matrix Analysis of the Representation of the Concept Brazil in Mass-Media Discourse
(Based on the Newspapers The New York Times and The New York Post) 54

Part II
Language Units as a Linguocultural and Translation Challenge

Bredis, Mikhail
Factors of Adequate Translation into Russian of Proverbs
from Typologically Diverse Languages 63

Liu Baiwei
The Strategies of Translating the Names of Tea and Wine as Culture-specific Items
into Russian in “A Dream of Red Mansions” 72

Nikitiuk, Aleksandr
Adaptation of English IT-Terms in Modern French
and Italian IT-Terms Systems (Comparative Aspect) 79

Ososkova, Anna
Structural, Semantic, and Linguocultural Peculiarities
of Ethno-Marked Diminutive Designations of a Person in English 87

Part III
Child Bilingualism in the Process of its Formation

Potapova, Svetlana
Bilingualism in Early Childhood: Approaches to Research 97

Requirements to the papers submitted (in Russian) * 104

* Available in English at: http://fljournal.rsu.edu.ru/en

РАЗДЕЛ I

АНАЛИЗ ДИСКУРСА С ПОЗИЦИЙ КОГНИТОЛОГИИ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ

Иностранные языки в высшей школе. 2022. № 3 (62). С. 5–17.
Foreign Languages in Tertiary Education. 2022;3(62):5–17.

Научная статья
УДК 811.11-112
DOI: 10.37724/RSU.2022.62.3.001

Лексическая насыщенность как лингво- и социокультурная характеристика англоязычного научного текста

Лейла Ахмади
Волгоградский государственный университет, Волгоград, Россия
leilaahmadi@outlook.com

Аннотация. В настоящей работе изучается опыт написания научных текстов на английском языке как фактор, влияющий на лексическую насыщенность текста, а также определяется зависимость лексической насыщенности научного текста от того, является ли его автор носителем английского языка. Основное внимание в исследовании уделяется трем показателям лексической насыщенности: лексической плотности, лексическому разнообразию и лексической сложности, которые рассматриваются в опубликованных научных статьях, составленных авторами-носителями русского языка и авторами-носителями английского языка с опытом написания научных текстов, а также в неопубликованных исследовательских работах, подготовленных студентами-носителями английского языка в качестве начинающих авторов научных текстов. Исследование проведено с использованием качественных и количественных данных, полученных в результате анализа трех корпусов текстов, включающих 120 научных статей и исследовательских работ в области лингвистики. Результаты показали незначительные различия в проявлении лексической плотности и сложности научных статей, написанных авторами-носителями языка и авторами-неносителями языка. В результате анализа было выявлено, что статьи, написанные начинающими носителями языка, по разнообразию лексики аналогичны статьям неносителей английского языка, имеющих опыт создания научных текстов. Настоящее сопоставительное исследование на основе корпусов текстов подтверждает гипотезу о том, что фактор носителя языка не играет решающей роли в проявлении лексического разнообразия, а опыт написания научных текстов оказывает большее влияние на их качество. Результаты исследования могут найти применение при обучении английскому языку в академических и исследовательских целях, а также могут получить практическое применение при изучении стилистики, обучении представления данных в текстовой форме носителями и неносителями английского языка в научном дискурсе.

Ключевые слова: лексическая насыщенность, научный текст, носитель языка, опытность, лингвистика.

Для цитирования: Ахмади Л. Лексическая насыщенность как лингво- и социокультурная характеристика англоязычного научного текста // Иностранные языки в высшей школе. 2022. № 3 (62). С. 5–17. DOI: 10.37724/RSU.2022.62.3.001.

Original article

Lexical Richness as a Lingua- and Socio-Cultural Feature of English Academic Writing

Leila Ahmadi
Volgograd State University, Volgograd, Russia
leilaahmadi@outlook.com

Abstract. This study aimed to investigate the role of nativeness and expertise on lexical richness in English academic writing. The focus of the study was on three measures of lexical richness, i.e., lexical density, diversity, and sophistication in the published research articles written by native Russian experts and native English experts, as well as the

© Ахмади Л., 2022

unpublished research papers written by native English postgraduates as novice academic writers. A mixed-methods research study was conducted on three corpora comprising 120 research articles and academic papers in the field of linguistics. The findings showed slight variation in lexical density and sophistication of research articles written by native and non-native expert writers, whereas the variety of vocabulary employed by non-native expert writers was found to be on par with that of native novice writers. The present corpus-based comparative study reinforces the notion that nativeness does not play a decisive role in lexical richness and that academic expertise has a more significant impact on the quality of academic writing. The findings of this study have pedagogical implications in teaching English for specific purposes as well as practical significance in the study of stylistics and textual representations in scholarly discourse.

Keywords: lexical richness, academic writing, nativeness, expertise, linguistics.

For citation: Ahmadi L. Lexical Richness as a Lingua- and Socio-Cultural Feature of English Academic Writing. *Inostrannye yazyki v vysshej shkole* [Foreign Languages in Tertiary Education]. 2022; 3(62):5–17. (In Russ.) DOI: 10.37724/RSU.2022.62.3.001.

Введение

Словарные (лексические) знания считаются основой эффективного речевого общения и являются важным показателем качества научных текстов; чем богаче и разнообразнее вокабуляр, используемый в тексте, тем выше его качество [Nation, 2013] и вероятность получения более высокой оценки [Vögelin [et al.], 2019]. В последние десятилетия значимость лексических знаний для качества текстов, написанных неносителями английского языка, вызывает большой интерес ученых. Лексическая насыщенность научных публикаций является одним из наиболее надежных показателей глубокого знания автором лексики, она оценивает умение автора использовать лексику, то есть определяет, насколько хорошо автор знает слова [Daller H., van Hout R., Treffers, Daller J., 2003]. Лексическое разнообразие (diversity), как правило, относится к соотношению различных типов слов к общему количеству токенов (tokens) — отдельных значимых слов в тексте или отрезке текста заданной длины, выбранном в качестве образца, то есть это соотношение числа разных слов к общему числу слов в анализируемом отрезке текста (type-token ratio, далее — TTR). Лексическая плотность (density) относится к соотношению содержательных слов: существительных, прилагательных, глаголов и наречий, к общему количеству слов. Лексическая сложность (sophistication) — это доля относительно неординарных или своеобразных слов в тексте. Научная разработанность вопроса доказывает, что данные три показателя, несомненно, связаны с качеством текста (о лексическом разнообразии см.: [Gebril, Plakans, 2016], о лексической плотности: [Gregori-Signes, Clavel-Arroitia, 2015], о лексической сложности: [Higginbotham, Reid, 2019]).

Лексическое разнообразие измеряет количество различных слов, используемых в тексте. Чем больше автор привлекает разные типы слов и избегает повторения употребляемых слов и фраз, тем большим лексическим разнообразием обладает текст. Несмотря на высокую частотность использования показателя TTR для определения лексического разнообразия текста, его нередко называют неудовлетворительным и нестабильным показателем лексического разнообразия, поскольку он устойчив для кратких текстов, а от длины текста зависит надежность результатов определения лексического разнообразия текста. Ранее М. Ковингтон и другие исследователи предложили новый подход к измерению лексического разнообразия под названием MATTR (the moving-average type-token ratio) [Covington, McFall, 2010]. MATTR вычисляет средние значения TTR для последовательных сегментов выборки заданного размера токена с целью измерения лексического разнообразия. Размер сегмента токенов регулируется: он может составлять 500 слов или меньше для стилометрии и обнаружения повторений, или до полной длины самого короткого текста, подлежащего анализу для определения размера словарного запаса. Для получения окончательного значения расчетные TTR усредняются (подробнее см.: [Covington, 2007 ; Covington, McFall, 2010]). MATTR предназначен для облегчения работы исследователей при вычислении среднего значения показателя TTR с различными выборками независимо от длины текстов. Достоверность MATTR подтверждена исследованиями (например: [Fergadiotis, Whright, West, 2013 ; Wu, Huang, Tsai, 2019]), что позволяет обоснованно использовать MATTR в настоящей работе для измерения лексического разнообразия текстов.

Лексическая плотность относится к сложности слов и их употреблению в письменных и устных текстах, что создает своего рода сложность в тексте. Она применяется для измерения соотношения содержательных слов, таких как существительные, глаголы, прилагательные и наречия,

к общему количеству словоформ. Другими словами, текст, в котором используется больше содержательных слов, чем функциональных (предлогов, междометий, местоимений и союзов), предоставляет больше информации. Как и в предыдущих исследованиях (например: [Gregori-Signes, Clavel-Arroitia, 2015 ; Zheng, 2016]), в настоящей работе для определения лексической плотности текста используется отношение знаменательных (содержательных) слов к общему количеству токенов.

Лексическая сложность чаще всего измеряется с помощью частоты слов в корпусе текста (подробнее см.: [Crossley, Cobb, Macnamara, 2013 ; Laufer, Nation, 1995 ; Yigal, Jill, 2006]). Слова, которые встречаются реже, считаются сложными (см.: [Kyle, Crossley, 2015 ; Laufer, Nation, 1995 ; Read, 2000]). Научные исследования показали, что с обретением опыта написания текстов авторы используют больше редко встречаемых или сложных слов в научных текстах (см.: [Higginbotham, Reid, 2019 ; Zheng, 2016]). Одним из наиболее широко применяемых методов измерения лексической сложности текста является профиль лексической частотности — LFP (Lexical Frequency Profile), разработанный Б. Лауфером и П. Нейшеном [Laufer, Nation, 1995], который показывает процент наиболее часто и редко употребляемых в тексте слов из словаря. Однако, согласно полученным данным, этот показатель очень чувствителен к длине текста, что затрудняет сравнение текстов из разных источников [Higginbotham, Reid, 2019 ; Kojima, Yamashita, 2014]. Чтобы уменьшить влияние длины текста на показатель его лексической сложности, Х. Даллер и другие исследователи предложили индекс AG (Advanced Guiraud), который измеряет отношение сложных типов слов к квадратному корню из общего количества токенов. В случае более длинного текста с тем же TTR, что и у более короткого текста, квадратный корень в знаменателе приводит к более высокому AG. Другими словами, соотношение типа и токена остается неизменным на большей выборке, что сокращает влияние длины текста на конечные значения [Daller H., van Hout R., Treffers, Daller J, 2003].

В работах, обращенных к изучению научных текстов, с разных точек зрения рассматривалось, влияет ли на качество текста фактор носителя языка и имеет ли значение опыт написания научных текстов автором. В большинстве исследований по изучению языка, используемого в научных текстах неносителями языка, подвергшиеся анализу справочные корпуса состояли из текстов, авторы которых являются только носителями языка с опытом написания научных текстов, либо из уже опубликованных научных работ (например: [Choemue, Bram, 2021 ; Qin, 2014]). Тем не менее исследования часто подтверждали, что при сопоставительном анализе данных из различных групп можно получить более конкретные результаты относительно использования языка неносителями (подробнее см.: [Liu, Zhou, 2014 ; Luzón, 2015]). Кроме того, в исследованиях текстов, написанных на втором иностранном языке, наблюдается неявное согласие с тем, что фактор носителя языка имеет неоспоримо важное значение для качества текста. Поэтому во многих исследованиях сравнивались научные тексты, написанные на втором иностранном языке, с текстами, созданными носителями языка с опытом написания научных текстов или студентами-носителями языка (подробнее см.: [Ahmadi, 2022 ; Liu, Zhou, 2014 ; Marti, Yilmaz, Baygurt, 2019]). В противоположность этим исследованиям опыту написания научных текстов уделяется мало внимания по сравнению с тем, является ли автор текста носителем или неносителем языка. Например, недавнее исследование выражения позиции авторов в научных статьях выявило различия научных статей, написанных начинающими авторами, в то время как не было обнаружено существенных различий в текстах, написанных опытными авторами-носителями и неносителями английского языка, что подчеркивает важность опыта при составлении научных текстов на английском языке (подробнее см.: [Ahmadi, 2022 ; Liu, Zhou, 2014 ; Marti, Yilmaz, Baygurt, 2019]).

Настоящее исследование направлено на рассмотрение трех показателей лексической насыщенности, которая анализировалась в двух сравниваемых группах текстов: опубликованных научных статьях, написанных неносителями английского языка — русскоговорящими опытными авторами; два корпуса текстов носителей английского языка, состоящих из опубликованных научных статей, составленных опытными авторами, и неопубликованных исследовательских работ, подготовленных начинающими авторами-студентами. Предполагаем, что использование в настоящем исследовании корпусов текстов, созданных как начинающими авторами-носителями языка, так и опытными авторами-носителями языка, может позволить нам судить как о влиянии фактора опыта, так и о значении статуса автора (носитель или неноситель языка) на использование лексических единиц и лексическую насыщенность научных текстов, написанных на английском языке. На авторов, пишущих на

втором иностранном языке, часто навешивают ярлык несоответствия конвенциям текста научного стиля. Анализ того, влияет ли опыт написания научных текстов и то, что автор является носителем или неносителем языка, на использование вокабуляра с точки зрения лексической насыщенности текста, — интересная для исследования тема.

Цель данного исследования заключается в изучении сходств и различий между лексической насыщенностью научных статей, написанных на английском языке опытными авторами-носителями русского языка, и научных статей, написанных на английском языке опытными авторами-носителями английского языка и начинающими авторами. Основное внимание уделяется потенциальному влиянию фактора носителя/неносителя языка и опыта написания научных текстов на три показателя лексической насыщенности: лексическую сложность, лексическую плотность и лексическое разнообразие. На основе этого будет разработан принцип использования лексики авторами-носителями русского языка в англоязычных научных статьях с точки зрения трех показателей лексической насыщенности по сравнению с начинающими и опытными авторами-носителями английского языка. Также будут проанализированы потенциальные факторы, влияющие на лексическую насыщенность научных статей, и рассмотрены практическая значимость исследования и возможность применения полученных результатов при обучении начинающих авторов.

Материал и методы

Сбор данных

Материалом исследования послужили три корпуса машиночитаемых текстов: опубликованные научные статьи, написанные опытными авторами-носителями русского языка (далее — ЭНР); опубликованные научные статьи, написанные опытными авторами-носителями английского языка (далее — ЭНА); исследовательские работы, написанные студентами-носителями английского языка в качестве начинающих авторов научных текстов (далее — СНА). Три корпуса включают в общей сложности 120 научных статей и исследовательских работ в области лингвистики. Данные ЭНР состоят из 40 научных статей, опубликованных в период 2014–2021 годов, отобранных случайным образом из следующих рецензируемых российских научных журналов, включенных в Перечень Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования России и индексируемых Web of Science: «Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание», «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия “Лингвистика, язык и образование, язык и культура”». Выбор международных журналов был основан на рейтинге SCImago Journal по состоянию на 2021 год. Данные ЭНА включают 40 научных статей, опубликованных в период 2014–2021 годов, отобранных случайным образом из следующих журналов первого квартиля (Q1): Journal of English for Academic Purposes, Applied Linguistics, Language Learning & Technology, Language Teaching Research, The Modern Language Journal. Данные СНА представлены 40 студенческими научными работами, отобранными из корпуса Британского академического письменного английского языка (BAWE), сформированного в период 2004–2007 годов, и Мичиганского корпуса студенческих работ высшего уровня (MICUSP), написанных в период 2002–2009 годов. Корпус BAWE представляет собой сборник научных работ с оценками «хорошо» и «отлично», представленных в 13 академических жанрах, написанных по 34 дисциплинам студентами-носителями и неносителями английского языка, освоившими программы бакалавриата (4 года обучения) и продолжающими обучение для получения степени магистра. Корпус MICUSP — это сборник научных работ А-класса, представленных в 7 академических жанрах по 16 дисциплинам, написанных носителями и неносителями английского языка, магистрантами и студентами последнего курса бакалавриата. Корпус СНА включает исследовательские отчеты и статьи магистрантов-носителей английского языка в сфере лингвистики.

Анализ данных

В настоящем исследовании описан причинно-следственный, сравнительный и количественный анализ с целью определения потенциального влияния независимой или зависимой переменной на результат путем сравнения трех корпусов научных текстов, написанных на английском

языке носителями и неносителями английского языка. Независимые переменные представлены опытом написания научных работ и языковой компетенцией авторов научных публикаций, а зависимые переменные — это лингвистические характеристики научных работ: плотность, разнообразие и сложность текста, то есть лексическая насыщенность текста.

Для изучения трех взаимосвязанных параметров лексической насыщенности был выбран ряд инструментов и способов измерения:

1) Лексическая плотность измерялась на основе отношения количества знаменательных (содержательных) слов к общему количеству слов в тексте.

2) Лексическое разнообразие оценивалось с помощью MATTR — компьютерной программы, предложенной М. Ковингтоном и Дж. Макфоллом для быстрого вычисления TTR независимо от длины текста путем нахождения скользящего среднего значения для всех сегментов заданной длины [Covington, McFall, 2010]. В данном исследовании длина сегмента в 500 токенов использовалась для всех вычислений скользящего среднего показателя. Другими словами, MATTR делит текст на равные последовательные перекрывающиеся сегменты по 500 слов и вычисляет TTR для каждого из них, то есть для слов 1–500, слов 2–501, слов 3–502 и так далее до конца текста. Среднее значение всех этих TTR является показателем лексического разнообразия всего текста, независимо от его длины.

3) Лексическая сложность измерялась с помощью индекса AG, который рассчитывается как отношение числа сложных типов слов к квадратному корню из общего числа токенов [Daller H., van Hout R., Treffers, Daller J., 2003]. Согласно предыдущим исследованиям, слово считалось сложным, если оно не входило в число 2 000 наиболее часто встречающихся слов (подробнее см.: [Ansarin, Karafkan, Hadid, 2021 ; Laufer, Nation, 1995 ; Lu, 2012 ; Zheng, 2016]).

Первым шагом анализа данных была подготовка текстов для компьютерного анализа путем удаления всех аннотаций, сносок, источников, приложений, а также последующее преобразование данных в текстовый формат. После этого было выполнено тегирование по частям речи и лемматизирование (приведение словоформ к их словарной форме) с помощью *Stanford Log-linear Part-Of-Speech Tagger* (подробнее см.: [Toutanova, Klein, Manning, Singer, 2003]) — программного обеспечения с интерфейсом командной строки, которое прочитывает текст на языке и определяет части речи каждого слова или других токенов. Тегирование корпусов стало необходимым условием анализа лингвистических характеристик. Три набора данных проанализированы на предмет их лексической насыщенности с использованием двух автоматизированных инструментов: *Lexical Complexity Analyzer* — приложение с интерфейсом командной строки на Python, разработанное для автоматического анализа лексической сложности англоязычных текстов с использованием различных показателей лексической плотности, разнообразия и сложности [Lu, 2012]; MAATR — инструмент анализа для расчета широкого спектра индексов лексического разнообразия [Covington, McFall, 2010]. Учитывая, что независимые переменные не были распределены должным образом, *U*-критерий Манна-Уитни использовался для сравнения статистических различий в лексической насыщенности между каждой парой корпусов, в то время как критерий Крускела-Уоллиса (односторонний ANOVA) использовался для сравнения средних значений трех корпусов в целом. Статистические тесты были проведены с помощью *SPSS 26.0*.

Показатели надежности

Для установления достоверности результатов три корпуса были проанализированы и закодированы дважды с интервалом в 1 месяц. Надежность результатов для каждого корпуса проверена с использованием коэффициента каппа Коэна — данные каждого корпуса превысили 0,96.

Результаты и обсуждение

Данное исследование имеет двойную цель: исследовать лексическую насыщенность с точки зрения плотности, разнообразия и сложности в научных публикациях в сфере прикладной лингвистики, созданных авторами с различным опытом написания научных текстов и различной языковой компетенцией, а также изучить степень влияния статуса автора (носитель или неноситель языка)

и фактора опытности на лексическую насыщенность научных текстов. Ответ на первый вопрос дан путем сравнения трех показателей лексической насыщенности опубликованных научных статей, написанных ЭНА, неопубликованных исследовательских работ, написанных СНА, и опубликованных научных статей, написанных ЭНР. Ответ на второй вопрос дан посредством анализа влияния родного языка и опыта написания научных текстов на сходства и различия в лексической насыщенности между тремя корпусами. Также ответ на второй вопрос установлен посредством анализа факта, влияет ли на сходства и различия в лексической насыщенности между тремя корпусами статус автора (носитель или неноситель языка) и опыт написания научных текстов.

Сравнительный анализ на основе корпусов

Первый вопрос решен с помощью статистического и описательного (количественного) анализа трех показателей лексической насыщенности в трех корпусах. Результаты анализа представлены в таблице и проиллюстрированы на рисунке 1.

Таблица

Сравнительный статистический анализ
трех показателей лексической насыщенности в трех корпусах

Лексическая насыщенность	ЭНР vs ЭНА		ЭНР vs СНА		ЭНА vs СНА	
	U	*p*	*U*	*p*	*U*	*p*
Плотность	723.00	0.454	336.50	0.000	339.00	0.000
Разнообразие	676.00	0.233	756.00	0.672	633.00	0.108
Сложность	723.00	0.459	214.50	0.000	224.50	0.000

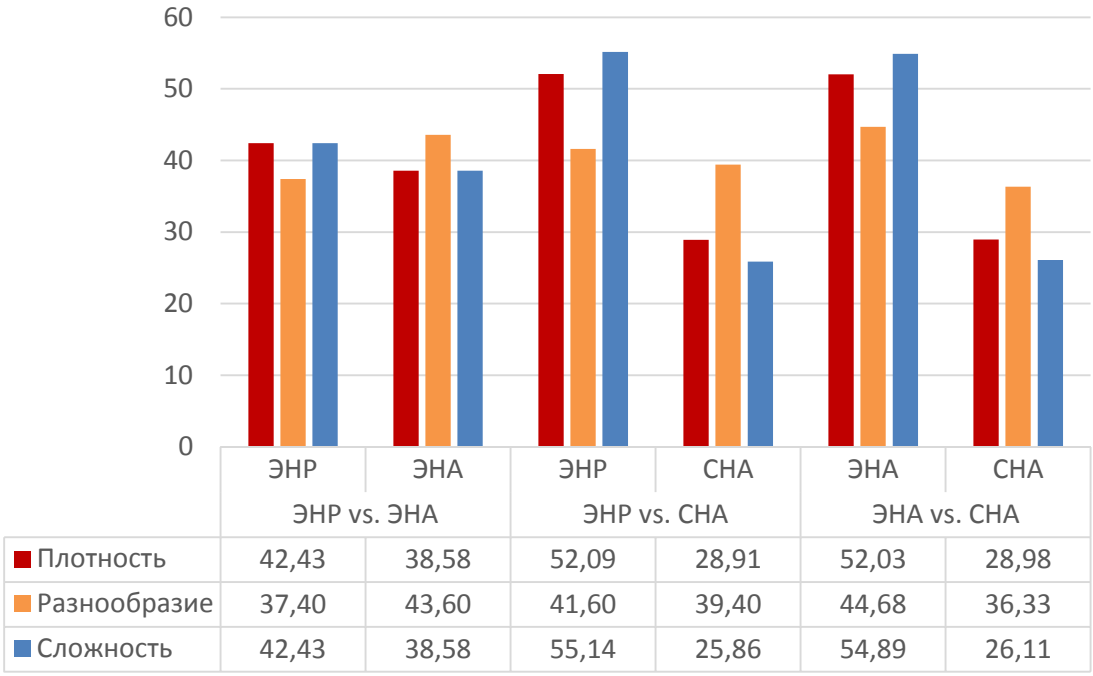

Рис. 1. Сравнительный анализ средних рангов
трех показателей лексической насыщенности в трех корпусах

Две группы авторов — начинающие и опытные — продемонстрировали значительные различия в употреблении лексики (табл.). Из таблицы видно, что ЭНА, по сравнению с СНА, использовали в своих научных текстах значительно более высокие средние ранги содержательных слов, то есть существительных, глаголов, прилагательных и наречий, а также сложную лексику (рис. 1).

Несмотря на то, что между двумя корпусами были различия в средних рангах лексического разнообразия и группа ЭНА употребляла более разнообразную лексику, разница, тем не менее, оказалась незначительной.

Кроме того, был проведен сравнительный анализ и дана оценка научных статей, написанных и опубликованных ЭНР, и неопубликованных текстов, написанных СНА. Полученные результаты продемонстрировали схожие показатели двух групп авторов, то есть опытных неносителей языка и студентов-носителей языка с точки зрения лексического разнообразия (рис. 1). Однако два набора данных значительно различались с точки зрения лексической плотности и лексической сложности. Другими словами, было обнаружено, что разнообразие лексики, применяемой в научных текстах, одинаково в обоих корпусах, однако средние ранги знаменательных слов, используемых ЭНР, были заметно выше, чем у СНА.

Несмотря на то, что средние ранги трех показателей лексической насыщенности не были сопоставлены между опытными авторами-носителями (ЭНА) и неносителями языка (ЭНР), не было обнаружено существенных различий в лексической плотности, лексическом разнообразии и лексической сложности в опубликованных научных статьях, написанных двумя группами авторов (табл.). Тем не менее можно наблюдать, что ЭНР использовали более сложную лексику и большее количество знаменательных слов по сравнению с ЭНА, в то время как ЭНА чаще прибегали к многообразию слов (рис. 1).

На рисунке 2 показаны уровни лексической плотности, разнообразия и сложности ЭНР при сравнении с двумя группами носителей английского языка.

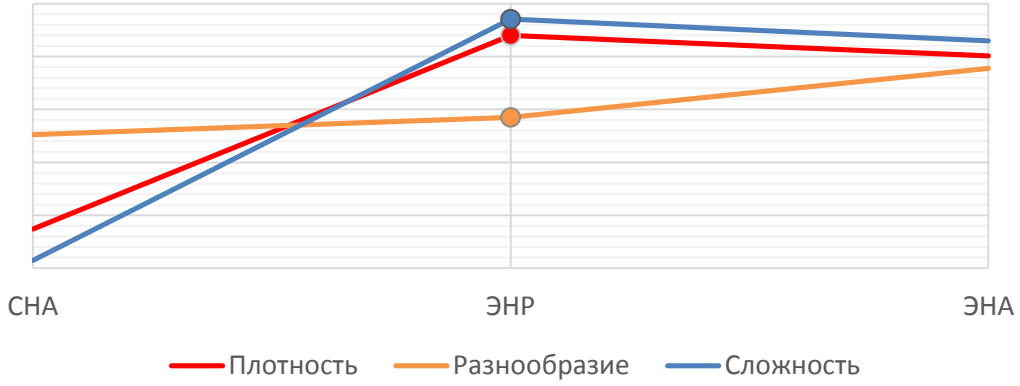

Рис. 2. Средний ранг лексической насыщенности ЭНР
по сравнению с двумя группами носителей языка

Как можно видеть, СНА заметно отличается как от ЭНА, так и от ЭНР по двум показателям — лексической плотности и сложности. Интересно отметить, что лексическое разнообразие ЭНР значительно ближе к разнообразию СНА и является самым низким среди трех показателей лексической насыщенности в этом корпусе. Согласно предыдущим исследованиям, лексическая насыщенность письменных текстов, разнообразие слов, используемых в тексте (независимо от его длины) наилучшим образом соотносится с лексическим уровнем (подробнее см.: [Crossley, Cobb, Macnamara 2011]) и общим качеством сочинений и аргументативных эссе на английском как неродном языке (подробнее см.: [Biber, Gray, Poonpon, 2013]). Поскольку оценка качества текста исследовательских работ и статей намного сложнее, чем сочинений, то на основе полученных результатов можно предположить, что владение лексикой ЭНР с точки зрения индивидуального словоупотребления существенно не отличается от СНА. По сравнению с ЭНА, обе группы авторов в этом исследовании — неносители языка с опытом написания текстов и магистранты-носители языка — продемонстрировали ограниченный вокабуляр для текстов научного стиля.

Напротив, что касается лексической плотности, ЭНР, как ни странно, превзошли ЭНА и СНА с точки зрения использования знаменательных слов в научных текстах. Это говорит о том, что авторы данной группы рассматривают научные тексты как высокоинформативные тексты, что оказывается важной характеристикой исследовательских статей. Кроме того, одной из важных

лингвистических характеристик письменного научного дискурса является убедительное использование сложных именных групп, что составляет показатель лексической плотности (подробнее см.: [Biber, Gray, Poonpon, 2013]). Таким образом, можно утверждать, что в дополнение к лексическому разнообразию лексическая плотность также выступает показателем качества научных текстов. В этом отношении группа ЭНР превзошла обе группы авторов-носителей языка.

Аналогичным образом при рассмотрении лексической сложности результаты трех групп авторов показали неожиданно более высокие показатели группы ЭНР по сравнению с группами ЭНА и СНА. Исследовательские работы, написанные СНА, имели самый низкий средний ранг сложных слов. Группа ЭНА использовала значительно более широкий вокабуляр, чем группа СНА, но менее широкий по сравнению с группой ЭНР. Предыдущие исследования, несмотря на различные методы, применяемые для выявления лексической сложности, продемонстрировали, что использование редко употребляемых или сложных слов при написании текста является показателем его качества, а также мастерства написания текста (подробнее см.: [Higginbotham, Reid, 2019 ; Zheng, 2016]). Согласно данным нашего исследования, лексическая сложность в научных статьях, написанных ЭНА, близка, но меньше, чем у ЭНР, что является положительным показателем владения языком ЭНР. Тем не менее группа студентов (СНА) сильно отстает по уровню сложности как от авторов-носителей, так и неносителей языка с опытом написания научных текстов.

Таким образом, лексическая насыщенность научных текстов, написанных группой ЭНР, находится на продвинутом уровне, превосходя группу СНА по всем показателям и группу ЭНА по двум показателям, отставая от группы ЭНА с точки зрения языкового разнообразия и объема вокабуляра. В научной литературе принято считать, что если автор является носителем языка, то это положительно влияет на качество научного текста (подробнее см.: [McKinley, Rose, 2018]). Результаты проведенного исследования ставят под сомнение данное убеждение. Мы полагаем, что опыт играет более существенную роль в мастерстве написания научных текстов, что обсуждается далее в нашей работе.

Потенциальное влияние фактора носителя языка и опыта написания научных текстов

Второй вопрос заключается в изучении влияния фактора носителя языка и опыта написания научных текстов на лексическую насыщенность в научных статьях ЭНР, неопубликованных исследовательских работах СНА и научных статьях ЭНА. При сравнении двух групп авторов-носителей было обнаружено, что опытные авторы показали лучшие результаты с точки зрения лексической плотности и сложности. Они также превзошли группу СНА по лексическому разнообразию, однако разница была незначительной. Сравнение двух групп носителей языка указывает на то, что опыт написания научных текстов имеет большое значение для лексической насыщенности, что также подтверждается результатами сравнения группы студентов-носителей языка с авторами-неносителями языка с опытом написания научных текстов. Очевидно, что по сравнению с группой СНА группа ЭНР обладает существенно превышающим опытом в проведении исследований, поскольку большинство из них имеют ученые степени кандидата и доктора наук и значительный опыт написания исследовательских работ, так как публикация результатов научных исследований является одним из требований подтверждения достижения академических и профессиональных целей. Лексическая плотность и лексическая сложность между данными СНА и ЭНР заметно различаются. Это оказывает наличие тесной взаимосвязи между опытом написания научных текстов, лексической плотностью и сложностью. Это наблюдение может также означать, что группе ЭНР относительно легче понять сложные и специфичные для конкретной дисциплины слова и способы подачи информации, требуемые жанром, независимо от родного языка. Однако ЭНР, обладающие большим опытом проведения научных исследований, не превзошли в лексическом разнообразии СНА, которые являются магистрантами первого-третьего курсов обучения. Отсутствие существенной разницы между группой студентов-носителей языка и группой ученых-неносителей языка в лексическом разнообразии привело к предположению о том, что фактор носителя в большей степени связан с разнообразием использования вокабуляра, что может объяснить дисбаланс показателей лексической насыщенности в корпусе ЭНР. Однако нельзя с уверенностью сказать, что лексическое разнообразие в большей степени связано с тем, что автор является носителем анализируемого языка, а плотность и сложность

лексики в большей степени обусловлены опытом написания научных текстов. Этот интересный вопрос может стать предметом изучения будущих исследований. Результаты данного работы однозначны в отношении опыта написания научных текстов, играющего важную роль в их лексической насыщенности, при этом фактор носителя не имеет очевидного преимущества.

Вышеприведенный вывод противоречит многим исследованиям, указывающим на то, что авторы, не являющиеся носителями языка, безусловно, находятся в невыгодном положении при написании аргументативных эссе по сравнению с авторами-носителями языка (подробнее см.: [Lillis, Curry, 2010 ; Mauranen, 2015]). Предпринятое исследование показало, что в научных текстах роль фактора носителя языка может быть ограничена. В соответствии с этим выводом К. Хайланд указал, что существует мало доказательств в пользу того, что авторы, пишущие научные тексты на неродном языке, находятся в невыгодном положении ([Hyland, 2016]). К. Хайланд отметил, что такая глубоко укоренившаяся точка зрения об авторах, пишущих на иностранном языке, окажет негативное влияние на их публикации в международных журналах в целом. Л. Марти с соавторами выявил, что фактор носителя языка не является основным при определении разницы в текстах, написанных начинающими авторами-носителями и неносителями языка ([Marti, Yilmaz, Baygurt, 2019]). Так, в сравнительном анализе четырех корпусов исследовательских статей в области прикладной лингвистики, написанных опытными и начинающими авторами-носителями английского и турецкого языков, с учетом построения высказывания, ученые обнаружили незначительные различия в отчетах авторов-носителей и неносителей языка с опытом написания научных текстов. В то же время существенные различия были выявлены в работах начинающих авторов, не являющихся носителями языка, и другими группами. Выводы С. Йылмаза показали, что наличие опыта оказывается важным фактором в написании научных статей, поскольку авторы-носители и неносители языка с опытом написания научных текстов продемонстрировали незначительные различия в своей практике составления отчетов [Yilmaz, 2016]. Согласно Э. Котос и соавторам, у начинающих авторов-носителей английского языка не обнаружены существенные различия с неносителями языка, изучающими английский язык, при соблюдении жанровых характеристик рассматриваемых текстов [Cotos, Link, Huffman, 2017]. После работы с автоматической системой *Research Writing Tutor* (система обратной связи при написании исследовательских статей) ученые выяснили, что начинающие авторы-носители и неносители языка создают похожие тексты, отвечающие конвенциям жанра научной статьи. Результаты, полученные группой Л. Марте, Э. Котосе, а также С. Йылмазе, как и результаты настоящего исследования, указывают на аналогичный вывод о том, что фактор носителя языка слабо влияет на качество научного текста (подробнее см.: [Cotos, Link, Huffman, 2017 ; Marti, Yilmaz, Baggurt, 2019 ; Yilmaz, 2016].

Значимость нашего исследования заключается в том, что оно дает всестороннее представление о лексической насыщенности научного текста, написанного ЭНР, по сравнению с текстами, написанными ЭНА и СНА, представляя общее понимание их лексического уровня. Исследование проведено в соответствии с четко сформулированными и подробно описанными задачами, что позволит достичь желаемых результатов в будущих исследованиях. Тем не менее настоящее исследование проводилось на уровне слов без учета плотности словосочетаний, доли n-граммов и степени связности между переменными. В перспективе целесообразно перейти к более подробному исследованию на лексическом уровне для включения больших измерений и дополнения полученных результатов. Настоящее исследование ограничено размерами корпусов текстов и жанрами научного текста. Кроме того, материалом исследования служили статьи в конкретной научной области — лингвистике. В связи с этим видится перспектива проведения исследования с привлечением более крупных и разнообразных корпусов текстов, включая англоязычные статьи, написанные русскоязычными исследователями в других областях науки, что позволит повысить обобщаемость результатов исследования и проверить их достоверность.

Заключение

В данном исследовании рассматривалась лексическая насыщенность англоязычных научных текстов, написанных ЭНР в сфере лингвистики, путем их сравнения с опубликованными научными статьями, написанными ЭНА и неопубликованными исследовательскими работами, написанными

СНА. Анализ показал, что группа ЭНР имеет самые высокие показатели согласно показателям лексической плотности и лексической сложности, при этом показатели группы ЭНА несущественно ниже, а группы СНА — намного ниже с учетом этих двух показателей. Это указывает на то, что опыт написания научных текстов имеет большое значение для лексической насыщенности научного текста в целом. Однако при низком уровне лексического разнообразия, довольно близкого для СНА, и высокой степени лексической сложности и плотности, показатели которой были даже выше, чем у группы ЭНА, в корпусе ЭНР наблюдался несбалансированный средний ранг по трем показателям лексической насыщенности. Этот вывод позволяет предположить, что расширить вокабуляр сложнее, чем овладеть знаменательными словами. Поскольку опыт написания научных текстов ЭНР и ЭНА выше, чем у СНА, можно допустить, что лексическая сложность и плотность в большей степени зависят от опыта написания научных текстов. Настоящее исследование подтверждает предыдущие результаты и поддерживает идею о том, что фактор носителя языка не играет решающей роли в лексической насыщенности, а опыт написания научных текстов оказывает большее влияние на качество научного текста.

Таким образом, нами установлена весьма высокая и плотная, хотя и менее разнообразная, лексическая наполненность научных статей, написанных на английском языке русскоязычными авторами. В соответствии с выводами других исследований, посвященных изучению текстов на неродном языке, полученные результаты могут быть доказательством того, какое значение неносители языка придают использованию сложных (редко употребляемых), менее узнаваемых слов, чтобы соответствовать требованиям лексической насыщенности научных текстов. Наши наблюдения могут изменить широко распространенное суждение о том, что лексически сложный текст обязательно отражает высокий уровень владения лексикой его автора. Для того чтобы научный текст обладал большей лексической насыщенностью, лексическая сложность должна сопровождаться надлежащей степенью лексического разнообразия и сбалансированным использованием лексических единиц разных типов.

Результаты, полученные автором статьи, могут применяться при обучении английскому языку в академических и исследовательских целях, а также получить практическое применение при изучении стилистики, обучении представления данных в текстовой форме носителями и неносителями английского языка в научном дискурсе. Подробное описание лексических характеристик письменного дискурса конкретного академического сообщества позволит предложить более эффективные методы совершенствования качества научных текстов.

Список источников

1. Ahmadi L. Interactional Metadiscourse Markers in Scientific Texts (Based on Research Articles Written by Native and Non-Native Speakers) // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2 : Языкознание. — 2022. — Т. 21, № 4. — С. 99–110. — DOI: 10.15688/jvolsu2.2022.4.7.

2. Ansarin A. A., Karafkan M. A., Hadidi Y. The Effects of Task Type on Iranian EFL Learners' Use of Lexical Diversity and Sophistication // Applied Research on English Language. — 2021. — No. 10 (4). — Pp. 39–70. — DOI: 10.22108/are.2021.126660.1673.

3. Biber D., Gray B., Poonpon K. Pay Attention to the Phrasal Structures: Going Beyond T-Units — A Response to WeiWei Yang // Tesol Quarterly. — 2013. — No. 47 (1). — Pp. 192–201. — DOI: 10.1002/tesq.84.

4. Choemue S., Bram B. Lexical Richness in Scientific Journal Articles: A Comparison between ESL and EFL Writers // Indonesian Journal of EFL and Linguistics. — 2021. — No. 6 (1). — Pp. 147–167. — DOI: 10.21462/ijefl.v6i1.349.

5. Cotos E., Link S., Huffman S. Effects of DDL technology on genre learning // Language Learning and Technology. — 2017. — No. 21 (3). — Pp. 104–130. — URL : http://llt.msu.edu/issues/october2017/cotoslinkhuffman.pdf (дата обращения: 04.05.2022).

6. Covington M. A. MATTR user manual (CASPR research report 2007–05). — Georgia : The University of Georgia, 2007. — 4 p.

7. Covington M. A., McFall J. D. Cutting the Gordian Knot: The Moving-Average Type–Token Ratio (MATTR) // Journal of Quantitative Linguistics. — 2010. — No. 17 (2). — Pp. 94–100. — DOI: 10.1080/09296171003643098.

8. Crossley S. A., Cobb T., McNamara D. S. Comparing count-based and band-based indices of word frequency: Implications for active vocabulary research and pedagogical applications // System. — 2013. — No. 41 (4). — Pp. 965–981. — DOI: 10.1016/j.system.2013.08.002.

9. Crossley S. A., Salsbury T. O. M., McNamara D. S., Jarvis S. What Is Lexical Proficiency? Some Answers From Computational Models of Speech Data // Tesol Quarterly. — 2011. — No. 45 (1). — Pp. 182–193. — URL : http://www.jstor.org/stable/41307622 (дата обращения: 03.05.2022).

10. Daller H., van Hout R., Treffers, Daller J. Lexical Richness in the Spontaneous Speech of Bilinguals // Applied linguistics. — 2003. — No. 24 (2). — Pp. 197–222. — DOI: 10.1093/applin/24.2.197.

11. Fergadiotis G., Wright H. H., West T. M. Measuring lexical diversity in narrative discourse of people with aphasia // Am J Speech Lang Pathol. — 2013. — No. 22 (2). — Pp. 397–408. — DOI: 10.1044/1058-0360(2013/12-0083).

12. Gebril A., Plakans L. Source-based tasks in academic writing assessment: Lexical diversity, textual borrowing and proficiency // Journal of English for Academic Purposes. — 2016. — No. 24. — Pp. 78–88. — DOI: 10.1016/j.jeap.2016.10.001.

13. Gregori-Signes C., Clavel-Arroitia B. Analysing Lexical Density and Lexical Diversity in University Students' Written Discourse // Procedia — Social and Behavioral Sciences. — 2015. — No. 198. — Pp. 546–556. — DOI: 10.1016/j.sbspro.2015.07.477.

14. Higginbotham G., Reid J. The lexical sophistication of second language learners' academic essays // Journal of English for Academic Purposes. — 2019. — No. 37. — Pp. 127–140. — DOI: 10.1016/j.jeap.2018.12.002.

15. Hyland K. Academic publishing and the myth of linguistic injustice // Journal of second language writing. — 2016. — No. 31. — Pp. 58–69. — DOI: 10.1016/j.jslw.2016.01.005.

16. Kojima M., Yamashita J. Reliability of lexical richness measures based on word lists in short second language productions // System. — 2014. — No. 42. — Pp. 23–33. — DOI: 10.1016/j.system.2013.10.019.

17. Kyle K., Crossley S. A. Automatically Assessing Lexical Sophistication: Indices, Tools, Findings, and Application. // Tesol Quarterly. — 2015. — No. 49 (4). — Pp. 757–786. — DOI: 10.1002/tesq.194.

18. Laufer B., Nation P. Vocabulary Size and Use: Lexical Richness in L2 Written Production // Applied linguistics. — 1995. — No. 16 (3). — Pp. 307–322. — DOI: 10.1093/applin/16.3.307.

19. Lillis T., Curry M. J. Academic Writing in a Global Context: The Politics and Practices of Publishing in English. — London : Routledge, 2010. — 224 p.

20. Liu Y., Zhou H. Reporting and Stance in Second Language Academic Writing // Chinese Journal of Applied Linguistics. — 2014. — No. 37 (4). — Pp. 483–497. — DOI: 10.1515/cjal-2014-0029.

21. Lu X. The relationship of lexical richness to the quality of ESL learners' oral narratives // The Modern Language Journal. — 2012. — No. 96 (2). — Pp. 190–208. — DOI: 10.1111/j.1540-4781.2011.01232_1.x.

22. Luzón M. J. An Analysis of the Citation Practices of Undergraduate Spanish Students // Journal of Academic Writing. — 2015. — No. 5 (1). — Pp. 52–64. — DOI: 10.18552/joaw.v5i1.158.

23. Marti L., Yilmaz S., Bayyurt Y. Reporting research in applied linguistics: The role of nativeness and expertise // Journal of English for Academic Purposes. — 2019. — No. 40. — Pp. 98–114. — DOI: https://doi.org/10.1016/j.jeap.2019.05.005.

24. Mauranen A. English as a global lingua franca: changing language in changing global academia // Exploring ELF in Japanese Academic and Business Contexts: Conceptualisation, research and pedagogic implications / ed. by K. Murata. — London : Routledge, 2015. Pp. 29–46. — DOI: 10.4324/9781315732480.

25. McKinley J., Rose H. Conceptualizations of language errors, standards, norms and nativeness in English for research publication purposes: An analysis of journal submission guidelines // Journal of second language writing. — 2018. — No. 42. — Pp. 1–11. — DOI: https://doi.org/10.1016/j.jslw.2018.07.003.

26. Nation I. S. P. Learning Vocabulary in Another Language. — Cambridge : Cambridge University Press, 2013. — 624 p.

27. Qin J. Use of formulaic bundles by non-native English graduate writers and published authors in applied linguistics // System. — 2014. — No. 42. — Pp. 220–231. — DOI: 10.1016/j.system.2013.12.003.

28. Read, J. Assessing Vocabulary. — Cambridge : Cambridge University Press, 2000. — 279 p. — DOI: 10.1017/CBO9780511732942.

29. Toutanova K., Klein D., Manning C., Singer Y. Feature-Rich Part-of-Speech Tagging with a Cyclic Dependency Network // Proceedings of HLT-NAACL. — 2003. — Pp. 252–259.

30. Vögelin C. [et al.]. The influence of lexical features on teacher judgements of ESL argumentative essays / C. Vögelin, T. Jansen, S. D. Keller, N. Machts, J. Möller // Assessing Writing. — 2019. — No. 39. — Pp. 50–63. — DOI: 10.1016/j.asw.2018.12.003.

31. Wu S.-Y., Huang R.-J., Tsai I. F. The applicability of D, MTLD, and MATTR in Mandarin–speaking children // Journal of Communication Disorders. — 2019. — No. 77. — Pp. 71–79. — DOI: 10.1016/j.jcomdis.2018.10.002.

32. Yigal A., Jill B. Automated Essay Scoring With e-rater® V.2. // The Journal of Technology, Learning and Assessment. — 2006. — No. 4 (3). — URL : https://ejournals.bc.edu/index.php/jtla/article/view/1650 (дата обращения: 18.07.2022).

33. Yilmaz S. A Corpus-Based Investigation of The Effect of Nativeness and Expertise on Reporting Practices in Academic Writing. Master Thesis — Turkey, 2016. — 175 p.

34. Zheng Y. The complex, dynamic development of L2 lexical use: A longitudinal study on Chinese learners of English // System. — 2016. — No. 56. — Pp. 40–53. — DOI: 10.1016/j.system.2015.11.007.

References

1. Ahmadi L. Interactional Metadiscourse Markers in Scientific Texts (Based on Research Articles Written by Native and Non-Native Speakers). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2.Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics]. 2022, vol. 21, no. 4, pp. 99–110.

2. Ansarin A. A., Karafkan M. A., Hadidi Y. The Effects of Task Type on Iranian EFL Learners' Use of Lexical Diversity and Sophistication. *Applied Research on English Language*. 2021, no. 10 (4), pp. 39–70. DOI: 10.22108/are.2021.126660.1673.

3. Biber D., Gray B., Poonpon K. Pay Attention to the Phrasal Structures: Going Beyond T-Units — A Response to WeiWei Yang. *Tesol Quarterly*. 2013, no. 47 (1), pp. 192–201. DOI: 10.1002/tesq.84.

4. Choemue S., Bram B. Lexical Richness in Scientific Journal Articles: A Comparison between ESL and EFL Writers. *Indonesian Journal of EFL and Linguistics*. 2021, no. 6 (1), pp. 147–167. DOI: 10.21462/ijefl.v6i1.349.

5. Cotos E., Link S., Huffman S. Effects of DDL technology on genre learning. *Language Learning and Technology*. 2017, no. 21 (3), pp. 104–130. Available at: http://llt.msu.edu/issues/october2017/cotoslinkhuffman.pdf (accessed 04.05.2022).

6. Covington M. A. *MATTR user manual* (CASPR research report 2007–05). Georgia, The University of Georgia, 2007, 4 p.

7. Covington M. A., McFall J. D. Cutting the Gordian Knot: The Moving-Average Type–Token Ratio (MATTR). *Journal of Quantitative Linguistics*. 2010, no. 17 (2), pp. 94–100. DOI: 10.1080/09296171003643098.

8. Crossley S. A., Cobb T., McNamara D. S. Comparing count-based and band-based indices of word frequency: Implications for active vocabulary research and pedagogical applications. *System*. 2013, no. 41 (4), pp. 965–981. DOI: 10.1016/j.system.2013.08.002.

9. Crossley S. A., Salsbury T. O. M., McNamara D. S., Jarvis S. What Is Lexical Proficiency? Some Answers From Computational Models of Speech Data. *Tesol Quarterly*. 2011, no. 45 (1), pp. 182–193. Available at: http://www.jstor.org/stable/41307622 (accessed 03.05.2022).

10. Daller H., van Hout R., Treffers, Daller J. Lexical Richness in the Spontaneous Speech of Bilinguals. *Applied linguistics*. 2003, no. 24 (2), pp. 197–222. DOI: 10.1093/applin/24.2.197.

11. Fergadiotis G., Wright H. H., West T. M. Measuring lexical diversity in narrative discourse of people with aphasia. *Am J Speech Lang Pathol*. 2013, no. 22 (2), pp. 397–408. DOI: 10.1044/1058-0360(2013/12-0083).

12. Gebril A., Plakans L. Source-based tasks in academic writing assessment: Lexical diversity, textual borrowing and proficiency. *Journal of English for Academic Purposes*. 2016, no. 24, pp. 78–88. DOI: 10.1016/j.jeap.2016.10.001.

13. Gregori-Signes C., Clavel-Arroitia B. Analysing Lexical Density and Lexical Diversity in University Students' Written Discourse. *Procedia — Social and Behavioral Sciences*. 2015, no. 198, pp. 546–556. DOI: 10.1016/j.sbspro.2015.07.477.

14. Higginbotham G., Reid J. The lexical sophistication of second language learners' academic essays. *Journal of English for Academic Purposes*. 2019, no. 37, pp. 127–140. DOI: 10.1016/j.jeap.2018.12.002.

15. Hyland K. Academic publishing and the myth of linguistic injustice. *Journal of second language writing*. 2016, no. 31, pp. 58–69. DOI: 10.1016/j.jslw.2016.01.005.

16. Kojima M., Yamashita J. Reliability of lexical richness measures based on word lists in short second language productions. *System*. 2014, no. 42, pp. 23–33. DOI: 10.1016/j.system.2013.10.019.

17. Kyle K., Crossley S. A. Automatically Assessing Lexical Sophistication: Indices, Tools, Findings, and Application. *Tesol Quarterly*. 2015, no. 49 (4), pp. 757–786. DOI: 10.1002/tesq.194.

18. Laufer B., Nation P. Vocabulary Size and Use: Lexical Richness in L2 Written Production. *Applied linguistics*. 1995, no. 16 (3), pp. 307–322. DOI: 10.1093/applin/16.3.307.

19. Lillis T., Curry M. J. *Academic Writing in a Global Context: The Politics and Practices of Publishing in English*. London, Routledge, 2010, 224 p.

20. Liu Y., Zhou H. Reporting and Stance in Second Language Academic Writing. *Chinese Journal of Applied Linguistics*. 2014, no. 37 (4), pp. 483–497. DOI: 10.1515/cjal-2014-0029.

21. Lu X. The relationship of lexical richness to the quality of ESL learners' oral narratives. *The Modern Language Journal*. 2012, no. 96 (2), pp. 190–208. DOI: 10.1111/j.1540-4781.2011.01232_1.x.

22. Luzón M. J. An Analysis of the Citation Practices of Undergraduate Spanish Students. *Journal of Academic Writing*. 2015, no. 5 (1), pp. 52–64. DOI: 10.18552/joaw.v5i1.158.

23. Marti L., Yilmaz S., Bayyurt Y. Reporting research in applied linguistics: The role of nativeness and expertise. *Journal of English for Academic Purposes*. 2019, no. 40, pp. 98–114. DOI: https://doi.org/10.1016/j.jeap.2019.05.005.

24. Mauranen A. English as a global lingua franca: changing language in changing global academia. *Exploring ELF in Japanese Academic and Business Contexts: Conceptualisation, research and pedagogic implications.* K. Murata (ed.). London, Routledge, 2015, pp. 29–46. DOI: 10.4324/9781315732480.

25. McKinley J., Rose H. Conceptualizations of language errors, standards, norms and nativeness in English for research publication purposes: An analysis of journal submission guidelines. *Journal of second language writing*. 2018, no. 42, pp. 1–11. DOI: https://doi.org/10.1016/j.jslw.2018.07.003.

26. Nation I. S. P. *Learning Vocabulary in Another Language*. Cambridge, Cambridge University Press, 2013, 624 p.

27. Qin J. Use of formulaic bundles by non-native English graduate writers and published authors in applied linguistics. *System*. 2014, no. 42, pp. 220–231. DOI: 10.1016/j.system.2013.12.003.

28. Read J. *Assessing Vocabulary*. Cambridge, Cambridge University Press, 2000, 279 p. DOI: 10.1017/CBO9780511732942.

29. Toutanova K., Klein D., Manning C., Singer Y. Feature-Rich Part-of-Speech Tagging with a Cyclic Dependency Network. *Proceedings of HLT-NAACL*. 2003, pp. 252–259.

30. Vögelin C., Jansen T., Keller S. D., Machts N., Möller J. The influence of lexical features on teacher judgements of ESL argumentative essays. *Assessing Writing*. 2019, no. 39, pp. 50–63. DOI: 10.1016/j.asw.2018.12.003.

31. Wu S.-Y., Huang R.-J., Tsai I. F. The applicability of D, MTLD, and MATTR in Mandarin–speaking children. *Journal of Communication Disorders*. 2019, no. 77, pp. 71–79. DOI: 10.1016/j.jcomdis.2018.10.002.

32. Yigal A., Jill B. Automated Essay Scoring With e-rater® V.2. *The Journal of Technology, Learning and Assessment*. 2006, no. 4 (3). Available at: https://ejournals.bc.edu/index.php/jtla/article/view/1650 (accessed 18.07.2022).

33. Yilmaz S. *A Corpus-Based Investigation of The Effect of Nativeness and Expertise on Reporting Practices in Academic Writing*. Master thesis. Turkey, 2016. 175 p.

34. Zheng Y. The complex, dynamic development of L2 lexical use: A longitudinal study on Chinese learners of English. *System*. 2016, no. 56, pp. 40–53. DOI: 10.1016/j.system.2015.11.007

Информация об авторе

Ахмади Лейла — аспирант института филологии и межкультурной коммуникации Волгоградского государственного университета.

Information about the author

Ahmadi, Leila — Postgraduate Student at the Institute of Philology and Intercultural Communication, Volgograd State University.

Статья поступила в редакцию 21.08.2022;
одобрена после рецензирования 31.08.2022;
принята к публикации 09.03.2022.

Submitted 21.08.2022;
approved after reviewing 31.08.2022;
accepted for publication 09.03.2022.

Иностранные языки в высшей школе. 2022. № 3 (62). С. 18–25.
Foreign Languages in Tertiary Education. 2022;3(62):18–25.

Научная статья
УДК 81'373.45
DOI: 10.37724/RSU.2022.62.3.002

Образная эвфемия в текстах с религиозной семантикой и ее межъязыковая передача

Светлана Николаевна Вековищева
Московский государственный областной университет, Мытищи, Россия
vekovishcheva_sn@mail.ru

Глеб Кожевников
Московская духовная академия, Сергиев Посад, Россия

Аннотация. В различные исторические периоды в России возникала потребность манипулирования общественным мнением для формирования среди населения некого отношения к религии. В статье анализируются варианты передачи одного эпизода Евангелия на русский язык в разные исторические эпохи, а также эвфемизмы, занявшие определенное место в поэзии XIX–XX веков, интерес к которым трансформировался с изменением политической ситуации: идентифицируется модель их создания, выявляется степень семантического переосмысления. Объективность полученных результатов обеспечивают аутентичные материалы, комплексная методика (объединяющая методы контекстуального и сопоставительного анализа, логические когнитивные приемы анализа, синтеза, обобщения и абстрагирования). В исследовании выявлены и проанализированы языковые факты, отражающие уникальность русскоязычной языковой и концептуальной картины мира, не имеющей эквивалентов в иных языках, культурах, конфессиях и требующих особого отношения в переводе. Результаты исследования могут послужить дальнейшей оптимизации межъязыковой и межкультурной передачи религиозных и поэтических текстов, содержащих факты ассоциативно-образной эвфемии, и в целом способствовать облегчению межкультурного диалога посредством поэзии и межконфессиональных контактов.

Ключевые слова: поэзия, эвфемизм, манипулирование, религиозная тематика, образность, перевод, лакуна.

Для цитирования: Вековищева С. Н., Кожевников Г. Образная эвфемия в текстах с религиозной семантикой и ее межъязыковая передача // Иностранные языки в высшей школе. 2022. № 3 (62). С. 18–25. DOI: 10.37724/RSU.2022.62.3.002.

Original article

Associative Euphemisms in Texts with Religious Semantics and Their Interlingual Interpretation

Svetlana N. Vekovishcheva
Moscow Region State University, Mytishchi, Russia
vekovishcheva_sn@mail.ru

Gleb Kozhevnikov
Moscow Theological Academy, Sergiev Posad, Moscow region, Russia

Abstract. In various historical periods in Russia, there was a need to manipulate public opinion for forming a certain attitude towards religion. The article analyzes an episode from the Gospel according to St. Matthew as interpreted during different historical times, euphemisms that appeared to be considerably significant in the poetry of the XIX–XX centuries, the interest in which transformed greatly with the change of the political situation: the model of creation is identified, the degree of semantic reinterpretation is revealed. The objectivity of the results obtained is ensured by authentic materials and comprehensive methodology (including methods of contextual and comparative analysis, logical cognitive techniques of analysis, synthesis, generalization and abstraction). The study identifies and analyzes linguistic facts reflecting the uniqueness of the Russian language and conceptual picture of the world, which has no equivalents in other languages, cultures or religious confessions and presents a special difficulty in translation. The results of the study can serve to further optimize the interlingual and intercultural transmission of religious and poetic texts containing facts of associative-figurative euphemisms, and in general contribute to facilitating intercultural dialogue through poetry and interfaith contacts.

© Вековищева С. Н., Кожевников Г., 2022

Keywords: poetry, euphemism, manipulation, religious themes, imagery, translation, lacuna.

For citation: Vekovishcheva S. N., Kozhevnikov G. Associative Euphemisms in Texts with Religious Semantics and Their Interlingual Interpretation. *Inostrannye yazyki v vysshej shkole* [Foreign Languages in Tertiary Education]. 2022; 3(62):18–25. (In Russ.) DOI: 10.37724/RSU.2022.62.3.002.

Современный мир в своем историческом развитии переживает один за другим важнейшие этапы своей эволюции, требующие переосмысления духовных и иных ценностей, что зачастую бывает вызвано различными средствами манипулятивного воздействия на сознание. Одни быстро поддаются общим модным веяниям, другие начинают прятать свои настоящие чувства от посторонних глаз, в душе оставаясь ярыми последователями убеждений, находят слова, которые завуалированно несут истинный смысл. В числе таких ценностей многие годы остается религия, перед лицом которой правительства многих стран оказываются бессильными.

Несомненно, различные исторические эпохи способствовали появлению в языке лингвистических единиц, отражающих объективную картину реального мира (от страшного и неподконтрольного до светлого, укрепляющего людей в вере, насаждающего любовь, волнующего трепетом тайного благоволения), за которыми каждый найдет удобную нишу. Эти единицы многообразны и в разной мере маскируют истинное отношение, скрывая смыслы за смягченными и (или) нейтральными формулами либо за нарочито грубыми, вульгарными, с подтекстом собственной независимости.

Лексические единицы, вуалирующие в негативном или позитивном семантическом сдвиге неприятные внешние обстоятельства, сложны и разнородны, чем демонстрируют различные модели языковых ресурсов [Нелюбин, 2006, с. 89–93], используемых для прагматически заданной номинации.

Цель исследования состоит в раскрытии семантических особенностей (главным образом, коннотативных и интерпретативно-прагматических компонентов) русскоязычной языковой и концептуальной картин мира в религиозном и поэтическом дискурсе и оценка их межъязыковой/межкультурной передачи. Главным предметом исследования послужила образность и ассоциативность непрямой номинации в религиозных и поэтических текстах русского языка, получивших широкое распространение в русскоязычной лингвокультуре. Объектом изучения выступили поэтические тексты, насыщенные религиозной символикой, и апостольские тексты, содержащие семантические сдвиги в условиях диахронии.

Базой исследования определены языковые факты, заимствованные из источников классической литературы и поэзии, Евангелия на славянском, дореформенном и современном русском языках. В исследовании, в соответствии с целью и адекватно объекту и предмету, применялась комплексная методика, объединяющая эмпирику и теоретические обще- и частнонаучные методы. На эмпирическом этапе работы использованы отбор языковых фактов (методом направленной выборки) и наблюдение над ними. На теоретическом этапе к работе привлечены логические операции анализа, синтеза, обобщения и абстрагирования, дескриптивный, контекстуальный и сопоставительный анализ. В совокупности и логическом взаимодополнении названные методы и приемы позволяют получить достоверные результаты, подкрепленные также привлечением авторитетных лексикографических источников.

На основе анализа и синтеза языковых фактов структурированы актуальные русскоязычные способы эвфемизации в интересующей нас предметно-тематической области.

Основными способами создания стилистической эвфемизации являются:

1) лексико-семантический;
2) морфологический;
3) комплексный:
   – лексико-семантический + лексико-семантический;
   – морфологический + морфологический;
   – лексико-семантический + морфологический.

Лексико-семантический способ образования эвфемизма использует различные модели сематического сдвига, морфологический — деривационные процессы, комплексный — взаимодействие нескольких лексико-семантических, нескольких морфологических моделей или лексико-семантических с морфологическими [Филиппова, 2020, с. 185–197]. Антонимизация основывается на применении взаимообусловленных в своем противопоставлении понятий, придает оценке номинируемого

меньшую категоричность и снижает эмотивность понятия. Гипо-гиперонимизация оперирует заменой слова родовым или видовым понятием, сужая значение или, наоборот, расширяя его, и служит для сокрытия прямой номинации — видовой единицы с большей семантической детализацией, которая оказывается лишенной конкретики с размытым значением. Метонимизация берет начало в возможности переноса номинации одного предмета/явления на другой в силу общности/подобия их свойств для отвлечения внимания коммуникантов от нежелательных признаков в попытке обойти острые углы. Перефразирование базируется на замещении «колких» единиц (неудобных, указывающих на уязвимость коммуникантов) синонимами с меньшей экспрессивностью. Эврисемизация, маскирующая точную семантику за широкозначностью, приводит к десемантизации понятия и дает возможность абстрагироваться от истинного значения, благодаря чему устраняются нежелательные подробности называемого явления. Экзотизация — это отказ от указания точных признаков нежелательного предмета сообщения и замещение их нейтральной (лишенной негатива) заимствованной единицей. Роль и место каждого из перечисленных способов варьируются в зависимости от ситуации общения, тематической направленности.

В качестве примера приведем сопоставление переводов Евангелия XVIII, XIX, XXI веков. В ряде случаев, помимо морфологических преобразований, отмечаются и существенные лексико-семантические различия. Это может быть связано с изменениями стереотипного восприятия в массовом сознании, происходящими в тот или иной исторической период, либо с действиями переводчика, сознательно манипулирующего психикой реципиентов для достижения максимального эмоционального или когнитивного эффекта.

Для примера сравним отрывок из Евангелия от Матфея 26:73 по трем переводам: церковнославянскому (1), синодальному (2) и новому русскому (3). Напомним, что выбранный фрагмент отличается высокой эмоциональностью, поскольку описывает момент, когда Петр трижды отрекается от того, что был учеником Христа, и «горько плачет», вспомнив о пророческих словах Учителя непосредственно после крика петуха:

1) *творит* (XVIII век) : ꙗ҆́бо бесѣ́да твоѧ̀ ꙗ҆вѣ̑ тѧ̀ твори́тъ. [Евангелие от Матфея : церковнослав. яз.];

2) *обличает* (XIX век): Точно и ты из них, ибо и речь твоя обличает тебя [Евангелие от Матфея : синодальный пер.];

3) *выдает* (XXI век): Тебя и говор твой выдает [Евангелие от Матфея : новый рус. пер.].

С точки зрения этимологии, данные слова имеют следующие значения (по данным этимологического онлайн-словаря русского языка Н. М. Шанского [Этимологический онлайн-словарь …]):

Творить. Общеслав. Суф. производное от той же основы, но с перегласовкой, что *твердый, тварь*. *Творить* буквально — «делать прочным».

Обличать. Заимств. из ст.-сл. яз., где оно является преф. производным от *личати* — «обличать» < «выявлять истинное лицо», суф. образования от *ликъ* — «лицо».

Дать. Общеслав. индоевроп. характера (ср. арм. *tam* — «даю», лат. *dare* — «дать», лит. *dúoti* — тж., перс. *dadan* — тж., и т. д.). Того же корня, но с противоположным значением хеттск. *da* — «брать».

Толковые словари Ушакова, Даля, Ожегова семантически трактуют эти слова в современном русском языке следующим образом:

Твори́ть. Делать, совершать что-нибудь, поступать каким-нибудь образом (книжн. ритор. или ирон.).

Облича́ть (совер. обличить) кого-что. Высказывая правду, порицая, разоблачать (обман, какие-нибудь темные, отрицательные явления). Обличать злоупотребления. Обличать взяточников. Обличать политических врагов.

Выдавать.

1) а) Давать в соответствии с установленным порядком.

б) Отпускать из места хранения, запаса.

в) Передавать в чье-либо распоряжение.

2) а) перен. Делать известным, раскрывать.

б) Обнаруживать присутствие кого-л.

в) Проявлять, обнаруживать свои чувства, свое душевное состояние.

Переводчики трех вариантов субъективно по-разному воспринимают происходящее (отречение Петра в Судный день). Необходимость и желание донести информацию до следующих поколений неодинаково вербализуют одно и то же действие вследствие их различного стереотипного восприятия. Ставя одной из важнейших целей эмоциональное и когнитивное воздействие на реципиента, переводчики вкладывают несколько разный смысл в значение фразы. Слово «*творит*» обладает наивысшей эмоциональной напряженностью, так как в своей этимологии содержит компоненты «твердь», «создает», тогда как слово «*выдает*» в похожем значении используется лишь в переносном значении (см. выше). Таким образом, перед нами ситуация нейтрализации исходного значения, занижение оценочного компонента стереотипа. Вероятно, в данном случае мы имеем дело с тенденциями заставить читающего мыслить и формулировать свое отношение к событиям, основываясь на фактах в большей степени, чем на оценочной лексической составляющей продуцента информации.

Одним из наиболее сложных проявлений эвфемии, вызывающем значительные затруднения в понимании (даже в условиях одноязычия), является так называемая ассоциативная эвфемизация, часто встречающаяся в поэзии и, соответственно, представляющая особую сложность при переводе поэтических текстов на иностранные языки и при контакте разных культур.

Обратимся в качестве примера к стихотворению Ф. И. Тютчева «День и ночь...» (1839). Оно по объему очень короткое и состоит всего из двух четверостиший: одно посвящено дню, другое — ночи (табл. 1). К анализу привлекаем перевод, выполненный Ф. Джудом [Jude, 2022, URL].

Таблица 1

Стихотворение Ф. И. Тютчева «День и ночь…» (1839)
в оригинале и переводе на английский язык

На мир таинственный духóв, Над этой бездной безымянной, Покров наброшен златотканый Высокой волею богов. День — сей блистательный покров День, земнородных оживленье, Души болящей исцеленье, Друг человеков и богов! Но меркнет день — настала ночь; Пришла — и, с мира рокового Ткань благодатную покрова Сорвав, отбрасывает прочь… И бездна нам обнажена С своими страхами и мглами, И нет преград меж ей и нами — Вот отчего нам ночь страшна. [Тютчев]	On to the secret world of spirits, across this nameless chasm, a cloth of gold has been draped by the high will of the gods. This glittering cover is day, day, which enlivens the earth-born, heals the suffering soul, friend of gods and man! Day will fade. Night has come. It’s here, and from the fated world it rips the cover of plenty and tosses it aside, revealing the abyss with all its mists and fearsome sights. No wall divides us from them, which is why we are afraid of the night! [Jude]

Конечно, здесь представлена авторская интерпретация восприятия дня и ночи, в произведениях иных авторов мы видим описание покрова ночи. Особенность восприятия ночи может быть объяснена объемом трагизма, уготованного автору судьбой, эмоциональными переживаниями. В образе златотканого Покрова для христианина явно узнаваем образ Покрова Богородицы, который усиливается наличием таких образов, как воля богов, мир духов, безымянная бездна (между миром живущих и миром живых), исцеление мечущейся и страдающей души. Иначе описываются образы ночи — безнадежность, отсутствие защиты, темные силы, искушающие и заставляющие страдать, бояться и переживать. Образ Покрова Пресвятой Богородицы не имеет явного лексического выражения, но обладает образно-культурологическим значением. Применение лексики возвышенного стиля при описании дня служит примером образной эвфемизации, предполагающей

переосмысление, посильное для русскоговорящего читателя в силу понимания родной (особенно религиозной) культуры, лингвокультуры, поэтической традиции.

При переводе на английский язык Ф. Джуд выбирает нейтральное “cloth”, и стихотворение приобретает совершенно другой смысл, лишенный возвышенности и накала страсти. Отметим, что автор перевода использует в пределах одного четверостишия также и вариант “cover”, будто пытаясь все же приблизить читателей к образу покрова Богородицы. Интерпретация образа «обнаженной бездны со страхами и мглами» как “abyss with all its mists and fearsome sights” также снижает эмоциональную нагрузку строки за счет присутствия в выбранных автором перевода лексических единицах семантического значения таинственности и недосказанности вместо русских «страх и мгла», более жестких и ритмически кратких, беспросветных и лишающих надежды.

Рассмотрим далее стихотворение другого автора, С. А. Есенина, — «Чую радуницу Божью» (1915). В официальных источниках нам не удалось найти перевод этого стихотворения на английский язык, поэтому мы не будем приводить полный текст стихотворения и ограничимся лишь первым четверостишием:

Чую радуницу Божью —
Не напрасно я живу,
Поклоняюсь придорожью,
Припадаю на траву
[Есенин].

Анализ эквивалентов русскоязычного понятия «Радоница» показывает лакунарность слова в английском языке. При межъязыковой передаче оно либо транслитерируется, либо становится условно описательной лексической единицей — “Tuesday after Quasimodo”. Даже названия восьмого дня после Пасхи, после которого в православии особо отмечается День поминовения усопших (вплоть до объявления выходного дня в ряде регионов), ассоциативно не совпадают в русскоязычной и англоязычной лингвокультурах — «Красная горка» (Красная Пасха, радость, ликование), “White Sunday” (символизирует в раннем христианстве крещение новообращенных, приходивших в белых одеждах) или “Quasimodo” (quasi modo geniti infantes as if new-born babes [Quasimodo-Sunday]. В обеих лингвокультурах сопоставляемые лингвокультурные понятия совпадают только в значении «Антипасха». Мы можем говорить об образной эвфемизации в обоих языках, которая основана на различных ассоциативных связях в отношении национально-культурологического восприятия, в данном случае, религиозных традиций.

Другое ассоциативно-образное стихотворение принадлежит перу М. Ю. Лермонтова (1840) и представляется не менее интересным для анализа его перевода на английский язык (табл. 2). Перевод выполнен Д. Смирновым-Садовским в 2007 году.

Таблица 2

Стихотворение М. Ю. Лермонтова «Посреди небесных тел» (1840)
в оригинале и переводе на английский язык

Посреди небесных тел Лик луны туманный: Как он кругл и как он бел, Точно блин с сметаной. Кажду ночь она в лучах. Путь проходит млечный: Видно, там, на небесах, Масленица вечно! [Лермонтов]	The Moon’s face pours hazy gleam In the sky’s surround — Like a pancake with sour cream — Misty, white and round. Every night it passes by Through the Milky Way, Sure is endless in the sky — Holy Pancake Day! [The Moon's face …]

В данном варианте перевода автор смещает акценты логической конструкции оригинала за счет нарушения тема-рематической организации (актуального членения предложений). Так,

например, в оригинале первое предложение служит для информирования читателя о том, что находится среди других небесных тел. Рема высказывания «лик луны» размещается при объективном развитии коммуникативной перспективы в финале предложения. В переводе предложение конвертировано с целью сообщения информации о том, где находится лик луны: темой высказывания служит обозначаемый объект “the Moon’s face”, а рема представляет сведения о расположении объекта — “in the sky’s surround”. Аналогична ситуация и с последующими фразами.

Краткость и четкость стиля М. Ю. Лермонтова в данном стихотворении, явленные как на лексическом (кругл, бел, кажду), так и на грамматическом уровне (отсутствие глаголов), указывают на концептуальную и фактологическую важность изображаемого и происходящего. Конечно, присутствует оценочная лексика, сравнительный оборот. Но автор лишь обращает внимание на то, что происходит за нашим окном каждую ночь, что заставляет читателей переосмыслить образы и испытать усиленное воздействие благодаря ненавязчивому слову «видимо». Образ луны, описываемый в виде «блина со сметаной», ассоциируется у православного читателя с образом Масленицы, что также может рассматриваться как один из способов реализации приема ассоциативно-образной эвфемизации.

Автор перевода более многословен, более субъективен, более уверен (например, на это указывает слово “sure”), чем размывает отчетливость изображаемых образов и рассредоточивает основную идею автора в обыденности наблюдаемого, без религиозного подтекста, составляющего центр (и апофеоз) оригинального текста.

Выводы представленного выше анализа отражают лишь незначительную часть богатства русского языка и русскоязычной (особенно религиозной) культуры, явленной в поэтическом и религиозном дискурсе, но могут предвосхитить дальнейшие изыскания в заданном направлении. Ограничиваясь рамками представленных примеров (которые могут быть расширены с привлечением новых языковых фактов), считаем обоснованным сформулировать основные результаты исследования (в отношении эмпирики и теории) следующим образом:

1. Ассоциативно-образная модель эвфемизации в поэтических и религиозных текстах оказалась эффективной в русскоязычном дискурсе и использовалась на протяжении многих веков. В русской классической поэзии печальные и тревожные события создали благоприятную почву для эвфемизации и обнаруживают тенденцию использования непрямой номинации без семы оценивания.

2. Проанализированный материал позволяет оценить продуктивность моделей и провести анализ вероятного манипулятивного воздействия на реципиента, которое реализуется за счет использования единиц непрямой номинации.

3. Распространенная и ставшая в значительной степени традиционной для русскоязычной лингвокультуры ассоциативно-образная эвфемизация религиозных понятий, мотивов, концептов не имеет прямых соответствий в межкультурном пространстве. При межъязыковой передаче лексических единиц непрямой безоценочной номинации значимых лингвокультурных понятий (и текстов, ими насыщенных) возникают закономерные трудности, обусловленные различием национально-исторического, культурного и религиозного опыта наций — носителей языка оригинала и перевода.

4. Асимметрия языковой системы (отсутствие лексических эквивалентов), ошибки понимания оригинала переводчиками (вследствие меньшего запаса фоновых знаний, иной религиозной принадлежности, неверного «декодирования» поэтических образов) неизбежно приводят к потере изобразительной силы, образности, снижая катартическую и эстетическую функции оригинала в его иноязычном воплощении.

Специфичность русской языковой картины мира, претерпевающей изменения под воздействием внешних, экстралингвистических факторов, а также ее общность/отличность по сравнению с другими национальными картинами мира (европейской, американской, азиатской) может составить тему исследований в ближайшем будущем и способствовать лучшему пониманию между носителями разных языков и представителями разных культур, что будет соответствовать требованиям «Хартии переводчиков».

Обращая особое внимание на растущую активность межъязыковых, межкультурных, межконфессиональных контактов, считаем необходимыми дальнейшие поиски в исследуемой проблематике: в сфере оценки качества поэтического перевода, анализа диахронии религиозной символики русскоязычного поэтического дискурса, национальной языковой и концептуальной картины мира.

Список источников

1. Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка : практ. справ. — М. : Рус. яз., 2011. — 816 с.
2. Евангелие от Матфея: [церковнослав. яз.]. — URL : http://www.my-bible.info/biblio/bib_tsek/ev_matf.html#g26 (дата обращения: 16.06.2022).
3. Евангелие от Матфея: [синодальный пер.]. — URL : http://www.patriarchia.ru/bible/mf/26/ (дата обращения: 16.06.2022).
4. Евангелие от Матфея : [новый рус. пер.]. — URL : https://bible.by/verse/40/26/73/ (дата обращения: 16.06.2022).
5. Есенин С. А. Чую радуницу Божью... // Полное собрание сочинений : в 7 т. — М. : Наука : Голос, 1995–2002. — Т. 1. Стихотворения. — 1995. — С. 56–57. — URL : http://feb-web.ru/feb/esenin/texts/es1/es1-056-.htm?cmd=p (дата обращения: 16.06.2022).
6. Лермонтов М. Ю. Посреди небесных тел… — URL : https://www.culture.ru/poems/37207/posredi-nebesnykh-tel (дата обращения: 16.06.2022).
7. Нелюбин Л. Л., Бухтиярова С. А., Гаркуша Л. Г., Филиппова И. Н. Сравнительная типология английского и русского, немецкого и русского, французского и русского языков. — Изд. 2-е. — М. : МГОУ, 2006. — 204 с.
8. Словарь синонимов // Академик. — URL : https://dic.academic.ru/contents.nsf/dic_synonims/ (дата обращения: 25.10.2020).
9. Толковый словарь Даля // Академик. — URL : https://dic.academic.ru/contents.nsf/enc2p/ (дата обращения: 25.10.2020).
10. Толковый словарь Ожегова // Академик. — URL : https://dic.academic.ru/contents.nsf/ogegova/ (дата обращения: 25.10.2020).
11. Толковый словарь Ушакова // Академик. — URL : https://dic.academic.ru/contents.nsf/ushakov/ (дата обращения: 25.10.2020).
12. Тютчев Ф. И. День и ночь... — URL : https://rustih.ru/fedor-tyutchev-den-i-noch/ (дата обращения: 16.06.2022).
13. Филиппова И. Н. Классификация вербальной избыточности // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. «Лингвистика». — 2011. — № 1. — С. 150–155.
14. Филиппова И. Н. Избыточность и недостаточность в одноязычной и двуязычной коммуникации (на материале немецкого и русского языков) : автореф. дис. … д-ра филол. наук : 10.02.20. — М., 2015. — 45 с.
15. Филиппова И. Н. Эвфемизмы-заимствования в русском и немецком языках // Теория языка и межкультурная коммуникация. — 2020. — № 3 (38). — С. 185–197. — URL : https://api-mag.kursksu.ru/api/v1/get_pdf/3760/ (дата обращения: 15.02.2021).
16. Этимологический онлайн-словарь русского языка Шанского Н. М. — URL : https://1793.slovaronline.com/ (дата обращения: 15.02.2020).
17. Jude F. Day and night. — URL : https://ruthenia.ru/tiutcheviana/publications/trans/daynight.html#1 (дата обращения: 16.06.2022).
18. Quasimodo-Sunday. — URL : https://www.encyclopedia.com/humanities/dictionaries-thesauruses-pictures-and-press-releases/quasimodo-sunday (дата обращения: 16.06.2022).
19. The Moon's face pours hazy gleam. — URL : https://wikilivres.ru/The_Moon's_face_pours_hazy_gleam_(Lermontov/Smirnov) (дата обращения: 16.06.2022).

References

1. Aleksandrova Z. E. *Slovar' sinonimov russkogo yazyka : Prakt. sprav*. [The dictionary of synonyms of Russian. Practical references]. Moscow, Russkij yazyk Publ., 2011, 816 p. (In Russian).
2. *Yevangeliye ot Matfeya : [tserkovnoslav. yaz.]*. [Gospel of Matthew : [Old Church Slavic]]. Available at: http://www.my-bible.info/biblio/bib_tsek/ev_matf.html#g26 (accessed 16.06.2022). (In Russian).
3. *Yevangeliye ot Matfeya : [sinodal'nyy per.]*. [Gospel of Matthew : [Russian Synodal Bible]]. Available at: http://www.patriarchia.ru/bible/mf/26/ (accessed 16.06.2022). (In Russian).
4. *Yevangeliye ot Matfeya : [novyy rus. per.]*. [Gospel of Matthew : [Contemporary Russian Bible]]. Available at: https://bible.by/verse/40/26/73/ (accessed 16.06.2022). (In Russian).
5. Esenin S. A. Chuyu radunicu Bozh'yu… [I Feel God’s Joy]. *Polnoe sobranie sochinenij: v 7 t.* [Full composition of writings: in 7 vols.]. Moscow, Nauka Publ., Golos Publ., 1995–2002. Vol. 1. Poems. 1995. Pp. 56–57. Available at: http://feb-web.ru/feb/esenin/texts/es1/es1-056-.htm?cmd=p (accessed 16.06.2022). (In Russian).
6. Lermontov M. Yu. *Posredi nebesnyh tel*… [The Moon’s face pours hazy gleam]. Available at: https://www.culture.ru/poems/37207/posredi-nebesnykh-tel (accessed 16.06.2022). (In Russian).

7. Nelyubin L. L., Buhtiyarova S. A., Garkusha L. G., Filippova I. N. *Sravnitel'naya tipologiya anglijskogo i russkogo, nemeckogo i russkogo, francuzskogo i russkogo yazykov* [Comparative typology of English and Russian, German and Russian, French and Russian]. 2nd ed. Moscow, MGOU Publ., 2006, 204 p. (In Russian).

8. Dictionary of synonyms. *Akademik* [Academic]. Available at: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_synonims/165094 (accessed 25.10.2020). (In Russian).

9. Dahl's Explanatory Dictionary. *Akademik* [Academic]. Available at: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc2p/355294 (accessed 25.10.2020). (In Russian).

10. Ozhegov's Explanatory Dictionary. *Akademik* [Academic]. Available at: https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/223770 (accessed 25.10.2020). (In Russian).

11. Ushakov's Explanatory Dictionary. *Akademik* [Academic]. Available at: https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/1029926 (accessed 25.10.2020). (In Russian).

12. Tyutchev F. I. *Den' i noch'*... [Day and Night]. Available at: https://rustih.ru/fedor-tyutchev-den-i-noch/ (accessed 16.06.2022). (In Russian).

13. Filippova I. N. Classification of verbal redundancy. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Ser. "Lingvistika"* [Bulletin of the Moscow State Regional University. Ser. "Linguistics"]. 2011, no. 1, pp. 150–155. (In Russian).

14. Filippova I. N. *Izbytochnost' i nedostatochnost' v odnoyazychnoj i dvuyazychnoj kommunikacii (na materiale nemeckogo i russkogo yazykov)* [Redundancy and insufficiency in monolingual and bilingual communication (on the material of German and Russian languages)]. Abstract of the thesis dis. Doctor of Philological Sciences, 10.02.20. Moscow, 2015, 45 p. (In Russian).

15. Filippova I. N. Euphemisms-borrowings in Russian and German. *Teoriya yazyka i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Theory of language and intercultural communication]. 2020, no. 3 (38), pp. 185–197. Available at: https://api-mag.kursksu.ru/api/v1/get_pdf/3760/ (accessed 15.02.2021). (In Russian).

16. *Etimologicheskiy onlayn-slovar' russkogo yazyka Shanskogo N. M.* [Shansky N. M. Etymological Online Dictionary of the Russian Language]. Available at: https://1793.slovaronline.com/ (accessed 15.02.2020). (In Russian).

17. Jude F. Day and Night. Available at: https://ruthenia.ru/tiutcheviana/publications/trans/daynight.html#1 (accessed 16.06.2022).

18. Quasimodo-Sunday. Available at: https://www.encyclopedia.com/humanities/dictionaries-thesauruses-pictures-and-press-releases/quasimodo-sunday (accessed 16.06.2022).

19. The Moon's face pours hazy gleam. Available at: https://wikilivres.ru/The_Moon's_face_pours_hazy_gleam_(Lermontov/Smirnov) (accessed 16.06.2022).

Информация об авторах

Вековищева Светлана Николаевна — кандидат филологических наук, доцент, почетный работник сферы образования, заведующий кафедрой восточных языков, декан лингвистического факультета Московского государственного областного университета.

Кожевников Глеб — кандидат богословия, архимандрит Московской духовной академии.

Information about the authors

Vekovishcheva, Svetlana — Candidate of Philology, Associate Professor, Honorary Worker of Sphere of Education, Head of the Department of Eastern Languages, Dean of the Linguistic Faculty, Moscow Region State University.

Kozhevnikov, Gleb — PhD of Theology, rank of archimandrite, Moscow Theological Academy.

Статья поступила в редакцию 18.07.2022;
одобрена после рецензирования 26.07.2022;
принята к публикации 27.07.2022.

Submitted 18.07.2022;
approved after reviewing 26.07.2022;
accepted for publication 27.07.2022.

Иностранные языки в высшей школе. 2022. № 3 (62). С. 26–36.
Foreign Languages in Tertiary Education. 2022;3(62):26–36.

Научная статья
УДК 81’23
DOI: 10.37724/RSU.2022.62.3.003

Тексты мемориальных досок как языковая форма объективации коммеморации в городском дискурсивном пространстве (на материале английского языка)

Наталья Александровна Разливинская
Московский городской педагогический университет, Москва, Россия
klinnat@mail.ru

Аннотация. В статье ставится вопрос о возможности городского пространства транслировать базовые культурные установки и ценности государственных институтов в процессе коммуникации с жителями города. В качестве одного из носителей культурно-исторической значимой информации рассматривается коммеморация как совокупность коллективных практик, нацеленных на формирование согласованных ценностей и моделей поведения посредством их регулярного воспроизведения на основе представлений о прошлом, принятом в данном сообществе. Цель исследования заключается в изучении языковых форм коммеморации в пространстве мегаполиса с учетом национального культурно-исторического контекста. Эмпирическую базу исследования составляет авторский корпус коммеморативных текстов, к которому относятся надписи на голубых мемориальных досках Лондона (Blue Plaques). Отобранный языковой материал был обработан с помощью корпусного менеджера AntConc, что позволило получить данные о частотности лексических единиц и содержании контекстов их употребления. Исходя из того, что наиболее частотная лексика актуализирует значимые в смысловом отношении части корпуса, были сделаны выводы о тематических и концептуальных доминантах текстов мемориальных досок. Дальнейшие исследовательские процедуры позволили описать структурную схему коммеморативного текста, установить основные формы лингвистической вариативности в построении коммеморативных текстов, определить структурные элементы, чувствительные к национально-культурной специфике когнитивно-содержательной организации текстового компонента мемориальных досок.

Ключевые слова: коллективная память, коммеморация, коммеморативная практика, мемориальная доска, город.

Для цитирования: Разливинская Н. А. Тексты мемориальных досок как языковая форма объективации коммеморации в городском дискурсивном пространстве (на материале английского языка) // Иностранные языки в высшей школе. 2022. № 3 (62). С. 26–36. DOI: 10.37724/RSU.2022.62.3.003.

Original article

Texts of Memorial Plaques as a Linguistic Representation of Commemoration in the Urban Discursive Space (Based on the Material of the English Language)

Natalia A. Razlivinskaya
Moscow City University, Moscow, Russia
klinnat@mail.ru

Abstract. The article focuses on how the discourse urban space transmits the basic cultural affirmations and values of state institutions in the process of communication with the residents of the city. Since commemoration carriers out culturally and historically significant information, this phenomenon can be viewed as a set of collective practices targeting to form common values and standards of behavior through their regular reproduction on the basis of ideas about the past accepted in this community. The paper makes an attempt to study the linguistic forms of commemoration in the space of a megalopolis, taking into account the national cultural and historical context. The empirical basis of the research is the corpus of commemorative texts, which consists of the inscriptions on blue memorial plaques of London (Blue Plaques). The selected language material was processed using the AntConc corpus manager, which allows to obtain data on the frequency of lexical units and the contexts of their use. As the most frequent vocabulary units actualize meaningfully significant parts of the corpus, the thematic and conceptual dominants of the texts of memorial plaques have been outlined. Further research

© Разливинская Н. А., 2022

procedures aim to describe the structural scheme of the commemorative text, to establish the main forms of linguistic variability in the construction of commemorative texts, to identify structural elements sensitive to the national-cultural specifics of the cognitive-content organization of the textual component of memorial plaques.

Keywords: collective memory, commemoration, commemorative practice, memorial plaque, city.

For citation: Razlivinskaya N. A. Texts of Memorial Plaques as a Linguistic Representation of Commemoration in the Urban Discursive Space (Based on the Material of the English Language). *Inostrannye yazyki v vysshej shkole* [Foreign Languages in Tertiary Education]. 2022; 3(62):26–36. (In Russ.) DOI: 10.37724/RSU.2022.62.3.003.

Коммеморация как особая практика памяти объединяет в едином дискурсивном пространстве трансляцию коллективной памяти нации, актуализирует культурно-символическое значение исторических событий, а также диктует вектор интерпретации и восприятия исторической памяти. При дискурсивном рассмотрении городского пространства предпочтительно опираться на интерпретацию феномена коммеморации, учитывающую социокультурную составляющую, что представлено в дефиниции О. Ю. Малиновой, которая трактует коммеморацию как «совокупность публичных актов “вспоминания” и (пере)осмысления в современном контексте» [Малинова, 2017, с. 10]. Публичные акты коммеморации результируются в разнообразных формах коммеморативных практик, среди них можно упомянуть эпитафии, коммеморативные речи, агиографии, возведение памятников и мемориалов. Вследствие того, что коммеморативная практика в своей основе коммуникативна, а ее объектом является прошлое и история, репрезентация прошлого детерминирована набором нарративов и смыслов. Необходимо отдельно обратить внимание на «мнемонические акторы», по терминологии М. Бернарда и Дж. Кьюбика, а именно — на социальные институты, обеспечивающие воспроизводство памяти в обществе [Bernard, 2014]. Мнемические акторы детерминируют форму объективации дискурсивной практики, что отражается на языковом уровне посредством использования дискурсивных стратегий для передачи аксиологических аспектов коммуникации, в которой Х. Вельцер отдельно выделяет эмоциональное измерение, выступающее в качестве основополагающего компонента коммуникации образа и интерпретации прошлого [Welzer, 2008, p. 295].

Исследование коммеморации в городском пространстве представляет собой изучение поликодовой коммуникативной среды мегаполиса. Несмотря на тот факт, что коммеморативные дискурсивные практики нацелены на охват всех органов чувств человека и использование различных знаковых систем, лингвистический компонент составляет одну из наиболее значимых составляющих продуктов коммеморативных практик. Язык как средство коммуникации является важнейшей частью дискурса, что отмечается во многих работах ученых-лингвистов [Герасимова 2011 ; Манаенко, 2011 ; Викулова, Новиков, 2015]. Следовательно, объективация феномена коммеморации в дискурсивном пространстве города реализуется в первую очередь языковыми средствами, что согласуется с лингвоцентрической парадигмой изучения сознания и закономерностей его функционирования.

Особенности функционирования дискурсивных практик коммеморации в контексте мегаполиса вызывают особый интерес исследователей в последние два десятилетия. Определяя взаимозависимость памяти и места, А. П. Лонгли высказал мнение, что памятники собирают, аккумулируют и концентрируют память в определенной локации [Longley, 2014, p. 155].

При анализе языковой репрезентации коммеморации в городской коммуникативной среде необходимо обратить внимание на продукты дискурсивных коммеморационных практик, в которых лингвистическая составляющая превалирует или обладает равнозначной смысловой нагрузкой в ряду других семиотических систем. Среди подобных объектов можно выделить следующие формы: городская топонимика, эпитафии, памятники, мемориалы и мемориальные доски. В фокусе нашего исследования находятся мемориальные доски, что объясняется их доступностью для общественности [Gurler, Ozer, 2013, p. 859], особым манипулятивным характером влияния на общественное сознанием [Романовская, Фоменко, 2015, с. 82], популярным характером данной коммеморационной практики [Беседина, Буркова, 2018, с. 40]. Ввиду перечисленных особенностей мемориальные доски как продукт коммеморативной дискурсивной практики наиболее репрезентативны в рамках исследования феномена коммеморации, так как дают представление об аксиологических, идеологических, национально-культурных особенностях языкового мышления в области коммеморации.

Сложная синкретическая структура мемориальных досок становится предметом исследования многих ученых: мемориальные доски понимаются как особый вид малоформатных текстов [Беседина, Буркова, 2018, с. 41], как модульный мемориальный текст [Быкова, 2011, с. 96], как сложный мемориальный объект [Исаева, 2020]. Большинство исследователей сходятся во мнении, что тексты мемориальных досок обладают синкретическим характером и служат для передачи воспоминаний в различных контекстах.

Мемориальные доски представляют собой значимую часть места коммеморации в городском пространстве. Выбор объекта коммеморации является отражением морального консенсуса по поводу исторических событий в обществе. П. Бойер и Д. Верч подчеркивают, что коммемориируемое событие всегда значимо для общества в моральном плане [Boyer, 2009, p. 253]. Следовательно, тексты мемориальных досок строятся как особого рода исторический нарратив, который конструируется в зависимости от актуального историко-политического контекста.

Когнитивно-коммуникационный подход к изучению вербализации коммеморации в городской среде лежит в основе методологической базы для вычленения языковых структурных элементов экспликации коммеморации. В работах ученых-лингвистов имеется несколько точек зрения на то, какие именно языковые формы подлежат анализу для раскрытия механизма работы памяти. Я. Млинар делает вывод, что коллективные воспоминания лингвистически передают особенности репрезентации прошлого [Mlynář, 2014, p. 228]. И. В. Тивьяева при исследовании языковых форм памяти предлагает выделять коммуникативно обусловленные лингвокогнитивные паттерны памяти [Тивьяева, 2017, с. 125]. Опираясь на работы У. Лабова и Л. М. Нюбиной, О. Н. Колышева придерживается терминологии «мнемонический текст», примером которого могут служить различные нарративы, представляющие собой «совокупность специфических лингвистических средств, превращающих сырой прошлый опыт в хронологически упорядоченные и эмоционально и социально оформленные события» [Колышева, 2020, с. 401]. Р. Ф. Исхакова применяет понятие «мнемическая ситуация», а именно — абстрактную структурированную модель, с помощью которой в тексте можно выделить и описать те элементы, которые вербализуют часть сложнейшей работы памяти [Исхакова 2018, с. 311]. И. В. Тивьяева для анализа языковой экспликации мнемического нарратива предлагает использовать структурные части мнемической ситуации, в частности ее субъект, информационный актант и информационный каузатор [Тивьяева, 2011, 2020], что представляется целесообразным для исследования коммеморативных текстов.

Анализ литературы свидетельствует о релевантности привлечения языкового материала для изучения коммеморационных дискурсивных практик. Возникает необходимость анализировать тексты, в которых вербально репрезентируются такие интегральные характеристики коммеморации, как национальная идентификация, институциональное и идеологическое регулирование, темпоральная подвижность и локационная ориентация, что позволит сконструировать структурированную модель коммеморативного текста. Дискурсивное рассмотрение коммеморации в городской среде требует расценивать коммеморативный текст как основной объект исследования, что согласуется с современными тенденциями изучения сущностных характеристик дискурса, в которых текстовые единицы, такие как слово и его социально-культурные импликатуры, выступают в качестве основного объекта исследования [Попова, Егорова, 2015 ; Авербух, Попова, Шатилова, 2018].

Совокупность таких коммеморативных текстов, как модель коммуникации в сфере коммеморации, представляет собой специализированную базу данных, что позволяет ученым обратиться к инструментарию корпусной лингвистики для исследования языковых форм коммеморации. Например, О. О. Борискина и К. М. Шилихина используют термин «микрокорпус» для обозначения массивов специально отобранных текстов [Борискина, Шилихина, 2017, с. 50].

В данном исследовании основу выделенного микрокорпуса составляют 984 текста голубых мемориальных досок (Blue Plaques) Лондона, где релевантной задачей является не только выделение коммуникативно-значимых языковых единиц, но и определение наиболее типичных языковых форм объективации коммеморации. Голубые мемориальные доски представляют собой часть коммеморативного городского дискурса мегаполиса, где особое внимание обращается на связь между городским пространством и известными людьми. Отбор материала производился на основе данных благотворительного фонда «Английское наследие» (English Heritage Trust).

В связи с поставленной задачей был проведен структурно-семантический анализ текстов мемориальных досок, структурная схема которых включает следующие облигаторные составляющие:

агент коммеморации, пространственная локализация, темпоральная ориентация, объект коммеморации, атрибуция объекта коммеморации. Выделенные компоненты согласуются с общей структурной схемой мнемической ситуации. Субъектом мнемической ситуации коммеморации является социальный институт, инициирующий установку мемориальной таблички, в качестве информационного актанта обозначается информация о коммеморируемом объекте, выраженная темпоральными и атрибутивными конструкциями, а в качестве информационного каузатора выступает пространственная локализация. В языковой экспликации информационного актанта можно выделить две различные структурные схемы для описания объекта коммеморации и его атрибутивных характеристик.

Рассмотрим в качестве примера текст мемориальной доски, расположенной в Лондоне по адресу: Millbank, Pimlico, London, SW1, City of Westminster, где объектом коммеморации предстает историческое место:

London County Council
NEAR THIS SITE STOOD MILLBANK PRISON, WHICH WAS OPENED IN 1816 AND
CLOSED IN 1890. THIS BUTTRESS STOOD AT THE HEAD OF THE RIVER STEPS
FROM WHICH, UNTIL 1867, PRISONERS SENTENCED TO TRANSPORTATION
EMBARKED ON THEIR JOURNEY TO AUSTRALIA [1]

В анализируемом примере реализованы все облигаторные элементы структурной схемы: агентом коммеморации выступает организация London County Council, пространственная локализация маркируется предложно-местоименными конструкциями near this site, from which; темпоральная отнесенность задана указанием дат 1816, 1890, 1867, в качестве объекта коммеморации выступает Millbank Prison — место в исторической части Лондона, которое является примечательным для города, поскольку с ним ассоциируется отправка заключенных в ссылку в Австралию, что оказывается важной исторической реалией в дискурсе XIX века.

Аналогичным образом указанная схема разворачивается в текстах других мемориальных досок, где акцент делается на пространственном объекте коммеморации, который определяет своеобразие лингвистического ландшафта мегаполиса. Отметим также, что, помимо облигаторных составляющих, структурная схема коммеморативного текста может включать опциональные элементы, в том числе указание на исторических деятелей, связанных с данным местом. Примером может послужить табличка на Aubrey House, Aubrey Walk, Holland Park, London, W8 7JJ, Royal Borough of Kensington and Chelsea:

London County Council
Aubrey House
stands on the site of
Kensington Wells
an early 18th century spa
Former residents include
SIR
EDWARD LLOYD RICHARD
1st Earl Grosvenor
LADY MARY COKE diarist
PETER and
CLEMENTIA TAYLOR
philanthropists
WILLIAM
CLEVERLY ALEXANDER
art lover

Возможно указание на знаменательное событие, к которому приурочена новая мемориальная доска, например, коммеморативный текст на Railway Bridge, Grove Road, Bow, London, E3, London Borough of Tower Hamlets:

[1] Здесь и далее подчеркнуто нами. — *Н. Р.*

ENGLISH HERITAGE
THE FIRST
FLYING BOMB
ON LONDON
FELL HERE
13 JUNE 1944

Важной характеристикой данного вида текстов является их относительная развернутость: текст мемориальной доски может состоять из нескольких предложений; также отмечается наличие нескольких однородных членов предложения или развернутых атрибутивных конструкций. Коннотативная окраска языковых средств максимально нейтральна, коммеморируемое историческое событие максимально отдалено от адресата.

Если же в качестве объекта коммеморации выступает жилое здание, связанное с известной или выдающейся личностью, то структура коммеморативного текста претерпевает изменения. Рассмотрим это на примере коммеморативного текста мемориальной доски, расположенной по адресу: Bedford Court Mansions, Fitzrovia, London, WC1B 3AE, London Borough of Camden:

English Heritage
Dame
HELEN
GWYNNE-VAUGHAN
1879–1967
Botanist and
leader of the first
women's army corps
lived in flat 93
1915–1964

Облигаторная структура коммеморационного текста остается неизменной: агентом коммеморации выступает организация English Heritage, пространственная локализация реализуется в предикативно-предложной конструкции lived in flat 93; темпоральная составляющая задана указанием даты 1915–1964, в качестве объекта коммеморации представлена квартира в историческом здании, а атрибутом объекта коммеморации является как раз историческая личность HELEN GWYNNE-VAUGHAN. Именно выбор таких характеристик, как Dame, botanist, leader of the first women's army corps дает представление об институциональном и идеологическом регулировании коммеморативных практик в городском пространстве, актуализируя наиболее значимые концептуальные сферы, которые подлежат коммеморации. В данном случае четко прослеживается ориентация на феминизм, аристократизм, профессиональное признание женщин.

Для дальнейшего анализа целесообразно обратиться к атрибутивным характеристикам, так как они репрезентируют на языковом материале аксиологический компонент дискурсивной коммеморативной практики. Важным маркером смены исторического нарратива выступает именно расширение концептуальных сфер атрибутивных характеристик, что можно проследить на примере досок, относящихся к разным историческим эпохам, но коммеморирующих схожую деятельность объекта коммеморации. Мемориальная доска, посвященная поэту Дж. Драйдену, датирующаяся 1870 годом воздвижения, лаконична:

JOHN DRYDEN
POET
LIVED HERE
B. 1631
D. 1700
erected by the ROYAL SOCIETY OF ARTS

Другая же доска, также посвященная поэту, но установленная в 1996 году, отличается развернутостью атрибуций: характеристика «поэт» дополнена словами «юрист», «филолог», «венесуэльский патриот»:

English Heritage
ANDRES BELLO
1781–1865
Poet, Jurist, Philologist
and Venezuelan Patriot
lived here
in 1810

Следует добавить, что если некоторые концептуальные сферы сохраняют свою стабильность, то включение новых понятий и расширение дефиниций, почему данный объект подлежит коммеморации, свидетельствует о том, что стратегия презентации объекта коммеморации зависит в значительной степени от историко-политического контекста. Яркий пример — доска, установленная в 2013 году по адресу: 55 Brynmaer Road, Battersea, London, SW11 4EN, London Borough of Wandsworth:

English Heritage
JOHN RICHARD
ARCHER
1863–1932
Mayor of Battersea
who fought social
and racial injustice
lived here

Коммуникативно-значимые лингвистические единицы в текстах мемориальных досок были выявлены с помощью корпусного менеджера AntConc для операционной системы Windows (версия 4.00, релиз от 01.07.2021). При работе с лингвистическими данными авторского корпуса специализированный менеджер позволяет получить данные о частотности языковых единиц, автоматически выделить контексты их употребления, а также установить информацию о лексической сочетаемости обозначенных единиц. В качестве значимой лексической единицы принималось знаменательное слово вследствие того, что служебные слова не обладают номинативным значением, необходимым для проведения концептуального анализа. В работе использовались три инструмента для анализа: Word List, Concordance и Collocates. На основе данных о частотности лексических единиц, представленных во вкладке Word List, были сформулированы выводы о концептуально релевантных доминантах текстов мемориальных досок. Анализ языковых контекстов и коллокаций во вкладках Concordance и Collocates позволил выделить общую структурную схему текста мемориальной доски (табл. 1).

Таблица 1

Наиболее частотные языковые единицы, встречающиеся в текстах голубых мемориальных досок (Blue Plaques)

№	Языковая единица	Частотность	% -ное соотношение доли выделенных слов в корпусе
1	here	922	6,4 %
2	lived	869	6,1 %
3	English	475	3,34 %
4	heritage	472	3,32 %
5	London	427	3 %
6	Council	404	2,8 %
7	greater	244	1,7 %
8	sir	191	1,34 %
9	county	161	1,13 %

Количество слов всего корпуса насчитывает 14 209 единиц без учета знаков препинания и графических символов. Перечисленные знаменательные слова составляют выборку наиболее частотно встречающихся языковых единиц (численность в корпусе — более 1 %). Контекстуальный анализ позволяет выделить несколько основных векторов коммеморации в городском пространстве.

Национальная спецификация эксплицитно представлена в употреблении таких языковых единиц, как *London, English*, денотирующих национальную и городскую принадлежность коммемориируемых объектов. Пространственная локализация объекта коммеморации в городском пространстве обеспечивается за счет лексических единиц *here, in*. Наиболее частотной конструкцией является сочетание наречия *here* с предикатом *lived*, встречаемость данной конструкции составляет 702 случая употребления, далее следует выделить конструкцию *lived and died* (73), *lived and worked* (43). Встречаемость кластера *here in* составляет 64 случая употребления. Наречие *here* в некоторых случаях распространяется за счет присоединения уточняющего оборота *in this (a) house, lived in (a) flat*. Локационная номинация значимого городского пространства выступает эффективным способом сохранения памяти города в коммеморативных дискурсивных практиках.

Важной темпоральной составляющей коммеморации в городском пространстве Лондона является номинация агента коммеморации, акцентирующая внимание на историко-политическом аспекте коммеморации в городском пространстве. Название организации, ответственной за установку и сохранение мемориальных досок, представлено следующими номинациями: Королевское общество искусств (*Royal Society of Arts*, 1867–1901), Лондонский совет (*London County Council*, 1901–1965), Совет Большого Лондона (*Greater London Council*, 1965–1986) и «Английское наследие» (*English Heritage*, с 1986 года по настоящее время), что обусловливает вхождение таких лексем, как *English, heritage, London, council, greater, county*, в состав наиболее частотно представленных лексем.

Рассмотренные выше локальные и темпоральные детерминанты, хотя и маркируются принадлежностью к определенному историческому нарративу, но не репрезентируют ценностных и идеологических установок, присущих коммеморации как явлению. Языковая манифестация экстралингвистических факторов на дискурсивном уровне реализуется в выборе объекта коммеморации и его атрибуции, который мотивируется ценностной установкой субъекта, инициирующего коммеморацию. Лексема *Sir* представлена как одна из наиболее частотных лексем в корпусе, характеризующих объект коммеморации. Уважение к титулам и аристократической иерархии, рыцарский титул как мерило признания заслуг выступает одним из критериев выбора объекта коммеморации, что представляется важной ценностной ориентацией англоязычной картины мира, эксплицирующейся на языковом уровне коммеморационных текстов. Представим наиболее частотные атрибутивные характеристики объекта коммеморации (более 20 упоминаний) для выявления концептуальных доминант коммеморативных текстов (табл. 2).

Таблица 2

Атрибутивные языковые единицы коммеморативных текстов

№	Языковая единица	Частотность
1	sir	191
2	poet	62
3	writer	58
4	Painter	53
5	novelist	48
6	artist	45
7	statesman	40
8	founder	39
9	pioneer	36
10	architect	35
11	author	32
12	actor	30
13	composer	29

Окончание таблицы 2

№	Языковая единица	Частотность
14	lord	25
15	minister	24
16	reformer	24
17	Dame	23
18	earl	22

На основе семантического и дефиниционного анализа обозначенных языковых единиц следует выделить основные концептуальные области значения, репрезентирующие наиболее значимые сферы деятельности, достижения в которых подлежат коммеморации в англоязычной картине мира. Лексемы *sir, lord, dame, earl* принадлежат к семантическому полю концепта ARISTOCRACY. Значимость данного концепта может объясняться тем, что представители аристократии традиционно занимали ключевые государственные посты, и их успехи, несомненно, подкрепляли авторитет власти и служили материалом для построения нарратива национальной идентичности. Названный нарратив превалирует и в настоящее время, о чем свидетельствует количественное преобладание данной концептосферы, а именно то, что все перечисленные лексемы составляют 260 случаев употребления из 816 (31,8 %).

Лексемы *poet, writer, novelist, author* относятся к семантическому полю концепта LITERATURE, который номинирует следующую по важности концептосферу коммеморации в городском пространстве Лондона и насчитывает 200 случаев употребления (24,5 % от всего количества). Национальная литература также становится одним из основных элементов конструирования нарратива национальной идентичности, что отражается в выборе литературы как второго по значимости источника коммеморации. Употребление лексем *artist, painter* (108 употреблений — 13,2 %), входящих в концептуальное поле ART, сигнализирует о значимости художественного искусства как источника национальной гордости в англоязычной картине мира, что служит основой для коммеморирования такого рода объектов. Последний кластер лексем *founder, pioneer, reformer* (95 употреблений — 11,6 %) примыкает к семантическому полю концепта BREAKTHROUGH, который составляет четвертую по значимости основополагающую сферу коммеморации в городском пространстве, апеллируя к универсальному стремлению нации утвердить себя как наиболее прогрессивную и передовую часть человечества.

Проведенный контент-анализ текстов голубых мемориальных досок Лондона показал, что мнемическая ситуация является когнитивной основой языковой экспликации коммеморативной дискурсивной практики в городском коммуникативном пространстве. Структурная схема коммеморационных текстов мемориальных досок отличается структурной стабильностью, где атрибутивный компонент объекта коммеморации эксплицирует аксиологически значимую информацию. Выбор лексических средств детерминируется доминирующими культурными концептами в области коммеморации.

В результате анализа языковой манифестации городской коммеморативной практики удалось выявить особенности когнитивно-содержательной организации текстового компонента мемориальных досок, вычленить два лингвистических типа коммеморативных текстов, определить специфику культурно-исторического контекста объекта коммеморации, а также обозначить наиболее значимые концептосферы англоязычной картины мира в контексте коммеморации.

Анализ корпусных данных стал основой для выделения универсальной структурной схемы, актуальной для текстов мемориальных досок и не подвергающейся воздействию социокультурных факторов. Из выявленных составных частей структурной схемы коммеморативного текста чувствительным к историко-политическому контексту является объект коммеморации, выбор и стратегия презентации которого детерминированы ценностными установками действующего политического режима.

Проведенный анализ позволил установить, что в современный период существует тенденция расширения атрибутивной части объекта коммеморации, что согласуется с общемировыми тенденциями усиления значимости сохранения памяти в обществе. Нейтральная модальность коммеморации в городском пространстве выступает как доминанта в современном пространстве мегаполиса,

что приводит к распространению имплицитных стратегий формирования согласованных ценностей и моделей поведения на основе представлений о прошлом, которые в первую очередь на языковом уровне проявляются в выборе атрибутивных характеристик объекта коммеморации.

Список источников

1. Авербух К. Я., Попова Л. Г., Шатилова Л. М. Культурная память слов как проявление языковых знаний о мире // Инновационное развитие науки и образования : моногр. / под общ. ред. Г. Ю. Гуляева. – Пенза : МЦНС «Наука и Просвещение», 2018. — С. 15–22.
2. Беседина Е. А., Буркова Т. В. Модели интерпретации в коммеморативном дискурсе (на материале мемориальных досок) // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2018. — № 2. — С. 38–44.
3. Борискина О. О., Шилихина К. М. Корпусные исследования политического дискурса в лингвистике // Политическая наука. — 2017. — № 2. — URL : https://cyberleninka.ru/article/n/korpusnye-issledovaniya-politicheskogo-diskursa-v-lingvistike (дата обращения: 10.02.2022).
4. Быкова Е. В. Многоканальность модульного мемориального текста // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. — 2011. — № 130. — URL : https://cyberleninka.ru/article/n/mnogokanalnost-modulnogo-memorialnogo-teksta (дата обращения: 12.01.2022).
5. Викулова Л. Г., Новиков Н. В. Формирование негативного образа политика в массмедийном дискурсе: предметная сфера спорт // Вестник Московского городского педагогического университета. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». — 2015. — № 3 (19). — С. 42–49.
6. Герасимова С. А. Антропоцентрический подход к языку // Вестник Московского городского педагогического университета. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». — 2011. — № 2 (8). — С. 96–100.
7. Исаева Е. В. Мемориальные объекты города Квебека: лингвокультурное измерение // Россия и Америка в XXI веке. — 2020. — Вып. 1. — DOI: 10.18254/S207054760008988-3. — URL : https://rusus.jes.su/s207054760008988-3-1/ (дата обращения: 04.04.2022).
8. Исхакова Р. Ф. Языковая репрезентация мнемических процессов: темпоральный аспект // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2018. — № 12 (90). — Ч. 2. — С. 310–313.
9. Колышева О. Н. Нарратив как мнемонический текст (на материале нарративов «детей войны») // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. «Теория языка. Семиотика. Семантика». — 2020. — Т. 11, № 2. — С. 398–411. — DOI: 10.22363/2313-2299-2020-11-2-398-411.
10. Малинова О. Ю. Коммеморация исторических событий как инструмент символической политики: возможности сравнительного анализа // ПОЛИТИЯ. — 2017. — № 4 (87). — С. 6–22.
11. Манаенко Г. Н. Лингвистические координаты понятия «Дискурс» // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2011. — № 4. — URL : https://cyberleninka.ru/article/n/lingvisticheskie-koordinaty-ponyatiya-diskurs (дата обращения: 28.07.2022).
12. Попова Л. Г., Егорова В. О. О сущности и возможностях установления культурной памяти слов (сопоставительный аспект) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2015. — № 9-1 (51). — С. 143–145.
13. Романовская Е. В., Фоменко Н. Л. Идентичность и коммеморация // Власть. — 2015. — № 7. — С. 81–84.
14. Тивьяева И. В. К вопросу о мнемической ситуации и ее составляющих // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. — 2011. — № 1. — С. 604–610.
15. Тивьяева И. В. Когнитивно-коммуникативный подход к исследованию языковой репрезентации процессов памяти // Вопросы психолингвистики. — 2017. — № 31. — С. 124–139.
16. Тивьяева И. В. Структурная организация мнемического нарратива // Сибирский филологический журнал. — 2020. — № 1. — С. 303–315. — DOI: 10.17223/18137083/70/24.
17. AntConc. — URL : https://www.laurenceanthony.net/software/antconc/ (дата обращения: 01.11.2021).
18. Bernard M. TWENTY YEARS AFTER COMMUNISM: The Politics of Memory and Commemoration / eds. M. Bernhard, J. Kubik. — New York : Oxford University Press, 2014. — XVIII. — 362 p.
19. Boyer P. Memory in mind and culture / eds. P. Boyer, J. V. Wertsch. — Cambridge University Press, 2009. — 323 p.
20. English heritage. Blue plaques. — URL : https://www.english-heritage.org.uk/visit/blue-plaques/ (дата обращения: 12.05.2022).
21. Gurler E. E., Ozer B. The Effects of Public Memorials on Social Memory and Urban Identity // Procedia — Social and Behavioral Sciences. — 2013. — No. 82. — Pp. 858–863.
22. Longley A. P. Memory and Commemoration in the Digital Present // Contemporary Approaches in Literary Trauma Theory / ed. by Michelle Balaev. — London : Palgrave Macmillan, 2014. — Pp. 157–176.

23. Mlynář J. Language and Collective Memory: Insights from Social Theory // Slovak Journal of Political Sciences. — 2014. — No. 09. — Pp. 217–236.

24. Welzer H. “Communicative Memory” // Cultural Memory Studies: An International and Interdisciplinary Handbook / eds. Astrid Erll and Ansgar Nünning. — Berlin ; New York : De Gruyter. — 2008. — Pp. 285–300. — URL : https://doi.org/10.1515/9783110207262.4.285 (дата обращения: 10.02.2022).

References

1. Averbuh K. Ya. Cultural memory of words as a manifestation of the language knowledge of the world. *Innovacionnoe razvitie nauki i obrazovaniya* [Innovative development of science and education]. Ed. G. Yu. Gulyaeva. Penza, MCNS “Nauka i Prosveshchenie” Publ., 2018, pp. 15–22. (In Russian).

2. Besedina E. A., Burkova T. V. Models of interpretation in commemorative discourse (based on memorial plaques). *Voprosy kognitivnoj lingvistiki* [Questions of cognitive linguistics]. 2018, no. 2, pp. 38–44. (In Russian).

3. Boriskina O. O., Shilihina K. M. Corpus studies of political discourse in linguistics. *Politicheskaya Nauka* [Political Science]. 2017, no. 2. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/korpusnye-issledovaniya-politicheskogo-diskursa-v-lingvistike (accessed 10.02.2022). (In Russian).

4. Bykova E. V. Multimodal memorial text. *Izvestiya RGPU im. A. I. Gercena.* [Proceedings of RSPU named after A. I. Herzen]. 2011, no. 130. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/mnogokanalnost-modulnogo-memorialnogo-teksta (accessed 12.01.2022). (In Russian).

5. Vikulova L. G., Novikov N. V. The formation of a negative image of a politician in mass media discourse: the subject area of sports. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Ser. “Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovoe obrazovanie”* [Bulletin of the Moscow City Pedagogical University. Ser. “Philology. Theory of language. Language education”]. 2015, no. 3 (19), pp. 42–49. (In Russian).

6. Gerasimova S. A. Anthropocentric approach to language. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Ser. “Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovoe obrazovanie”* [Bulletin of the Moscow City Pedagogical University. Ser. “Philology. Theory of language. Language education”]. 2011, no. 2 (8), pp. 96–100. (In Russian).

7. Isaeva E. V. Memorial sites of the City of Quebec: linguistic and cultural dimension. *Rossiya i Amerika v XXI veke* [Russia and America in the 20th century]. 2020, vol. 1. DOI: 10.18254/S207054760008988-3. Available at: https://rusus.jes.su/s207054760008988-3-1/ (In Russian).

8. Iskhakova R. F. Linguistic representation of mnemonic processes: temporal aspect. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological sciences. Questions of theory and practice]. 2018, no. 12 (90), pp. 310–313. (In Russian).

9. Kolysheva O. N. Narrative as a mnemonic text (based on the narratives of “Children of war”). *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Ser. “Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika”* [Bulletin of the Peoples’ Friendship University of Russia. Ser. “Theory of Language. Semiotics. Semantics”]. 2020, vol. 11, no. 2, pp. 398–411. DOI: 10.22363/2313-2299-2020-11-2-398-411. (In Russian).

10. Malinova O. Yu. Commemoration of historical events as a tool of symbolic politics: possibilities of comparative analysis. *POLITIYA* [POLITIYA]. 2017, no. 4 (87), pp. 6–22. (In Russian).

11. Manaenko G. N. Linguistic coordinates of the concept “Discourse”. *Voprosy kognitivnoj lingvistiki* [Questions of cognitive linguistics]. 2011, no. 4. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/lingvisticheskie-koordinaty-ponyatiya-diskurs (accessed 28.07.2022). (In Russian).

12. Popova L. G., Egorova V. O. On the essence and possibilities of establishing the cultural memory of words (comparative aspect). *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological sciences. Questions of theory and practice]. 2015, no. 9-1 (51), pp. 143–145. (In Russian).

13. Romanovskaya E. V., Fomenko N. L. Identity and commemoration. *Vlast'* [Power]. 2015, no. 7, pp. 81–84. (In Russian).

14. Tiv'yaeva I. V. On the question of the mnemic situation and its components. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [News of the Tula State University. Humanitarian sciences]. 2011, no. 1, pp. 604–610. (In Russian).

15. Tiv'yaeva I. V. Cognitive-communicative approach to the study of linguistic representation of memory processes. *Voprosy psiholingvistiki* [Questions of Psycholinguistics]. 2017, no. 31, pp. 124–139. (In Russian).

16. Tiv'yaeva I. V. Structural organization of mnemic narrative. *Sibirskij filologicheskij zhurnal* [Siberian Philological Journal]. 2020, no. 1, pp. 303–315. DOI: 10.17223/18137083/70/24. (In Russian).

17. *AntConc*. Available at: https://www.laurenceanthony.net/software/antconc/ (accessed 01.11.2021).

18. Bernard M. *TWENTY YEARS AFTER COMMUNISM: The Politics of Memory and Commemoration*. Eds. M. Bernhard, J. Kubik. New York, Oxford University Press, 2014, XVIII, 362 p.

19. Boyer P. *Memory in mind and culture*. Eds. P. Boyer, J. V. Wertsch. Cambridge University Press, 2009, 323 p.

20. *English heritage. Blue plaques.* Available at: https://www.english-heritage.org.uk/visit/blue-plaques/ (accessed 12.05.2022).

21. Gurler E. E., Ozer B. The Effects of Public Memorials on Social Memory and Urban Identity. *Procedia — Social and Behavioral Sciences*. 2013, no. 82, pp. 858–863.

22. Longley A. P. Memory and Commemoration in the Digital Present. *Contemporary Approaches in Literary Trauma Theory*. Ed. by Michelle Balaev. London, Palgrave Macmillan, 2014, pp. 152–176.

23. Mlynář J. Language and Collective Memory: Insights from Social Theory. *Slovak Journal of Political Sciences*. 2014, no. 09, pp. 217–236.

24. Welzer H. Communicative Memory. *Cultural Memory Studies: An International and Interdisciplinary Handbook*. Eds. Astrid Erll and Ansgar Nünning. Berlin, New York, De Gruyter, 2008, pp. 285–300. Available at: https://doi.org/10.1515/9783110207262.4.285 (accessed 10.02.2022).

Информация об авторе

Разливинская Наталья Александровна — аспирант кафедры языкознания и переводоведения Московского городского педагогического университета.

Information about the author

Razlivinskaya, Natalia — post-graduate student, Department of Linguistics and Translation Studies, Moscow City University.

Статья поступила в редакцию 15.08.2022;
одобрена после рецензирования 19.08.2022;
принята к публикации 20.08.2022.

Submitted 15.08.2022;
approved after reviewing 19.08.2022;
accepted for publication 20.08.2022.

Иностранные языки в высшей школе. 2022. № 3 (62). С. 37–45.
Foreign Languages in Tertiary Education. 2022;3(62):37–45.

Научная статья
УДК 81’42
DOI: 10.37724/RSU.2022.62.3.004

Синтаксический эксперимент в поэзии и в лингвистике *

Владимир Валентинович Фещенко
Институт языкознания Российской академии наук, Москва, Россия
vladimirfeshchenko@iling-ran.ru
ORCID 0000-0003-1323-4220

Аннотация. В рамках лингвоэстетической теории рассматривается одна из трех базовых парадигм в эволюции лингвистического знания в XX веке, связанная с синтактикой как измерением языка. В области учений о языке эта парадигма утверждается и развивается в промежутке с 1920-х по 1950-е годы. Она характеризуется доминирующими взглядами на язык как полифункциональную многоуровневую структуру со своими синтаксическими законами. Аналогичные представления о языке реализуются в поэтическом эксперименте данного периода, в котором трансформациям подвергается не слово как таковое, а словосочетание, предложение, фраза. В статье анализируются примеры сходных техник синтаксического эксперимента в лингвистических теориях (А. М. Пешковский, структурализм, Н. Хомский) и художественном дискурсе (на материале поэзии футуризма и сюрреализма).

Ключевые слова: лингвоэстетика, эксперимент, синтаксис, авангард, структурализм, языковая аномалия.

Для цитирования: Фещенко В. В. Синтаксический эксперимент в поэзии и в лингвистике // Иностранные языки в высшей школе. 2022. № 3 (62). С. 37–45. DOI: 10.37724/RSU.2022.62.3.004.

Original article

Syntactic Experiment in Poetry and Linguistics

Vladimir V. Feshchenko
Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
vladimirfeshchenko@iling-ran.ru
ORCID 0000-0003-1323-4220

Abstract. Within the framework of linguo-aesthetic theory, the paper discusses one of the three basic paradigms in the evolution of linguistic knowledge in the 20th century, related to syntactics as a dimension of language. In the field of linguistic research, this paradigm establishes itself and develops over the period from the 1920s to the 1950s. It is characterized by dominant views on language as a polyfunctional multi-level structure with its own syntactic laws. Similar ideas about language are realized in the poetic experiment of this period, in which it is not the word as such that undergoes transformations, but the collocation, the sentence, the phrase. The article analyzes examples of similar techniques of syntactic experimentation in linguistic theories (A. M. Peshkovsky, structuralism, N. Chomsky) and artistic discourse (cases from the poetry of Futurism and Surrealism).

Keywords: linguistic aesthetics, experiment, syntax, avant-garde, structuralism, language anomaly.

For citation: Feshchenko V. V. Syntactic Experiment in Poetry and Linguistics. *Inostrannye yazyki v vysshej shkole* [Foreign Languages in Tertiary Education]. 2022; 3(62):37–45. (In Russ.) DOI: 10.37724/RSU.2022.62.3.004.

В XX веке синхронно с эволюцией лингвистических взглядов на язык как таковой трансформируются языковые процессы и техники в экспериментальной поэзии. Эти трансформации как в лингвистике, так и в художественном эксперименте проходят через три фазы «лингвоэстетического поворота»: формально-семантическую, функционально-синтаксическую и акционально-

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №19-18-00040) в Институте языкознания Российской академии наук.

© Фещенко В. В., 2022

прагматическую. Для каждой из фаз характерны свои языковые техники поэтического эксперимента, коррелирующие с положениями лингвистической теории (о фазах этого поворота см.: [Фещенко, 2021]). В данной статье нас будет интересовать вторая фаза этого поворота, связанная с синтактикой как измерением языка.

У участников Пражского и Копенгагенского лингвистических кружков функционально-синтаксическая фаза выразилась в представлениях о языке как многоуровневой и полифункциональной структуре. Синтаксический уровень устройства языка был доминантным предметом анализа в диапазоне от теории актуального членения предложения В. Матезиуса (функциональный синтаксис) до теории предикатов в логическом атомизме раннего Л. Витгенштейна, Р. Карнапа и др. В поэтике синтаксический аспект строения текста был представлен, прежде всего, в концепции В. Я. Проппа (структурно-функциональное изучение нарратива).

Переход от формально-семантической к функционально-синтаксической парадигме в русской науке о языке наиболее явлен в работах А. М. Пешковского. Он одним из первых предложил очевидную для любого современного лингвиста формальную схему соотношения единиц речи и языка: концентрических кругов, в которых ядро представляют значащие части слова, а периферию — фразовое множество речи [Пешковский, 1925, с. 135] (рис. 1).

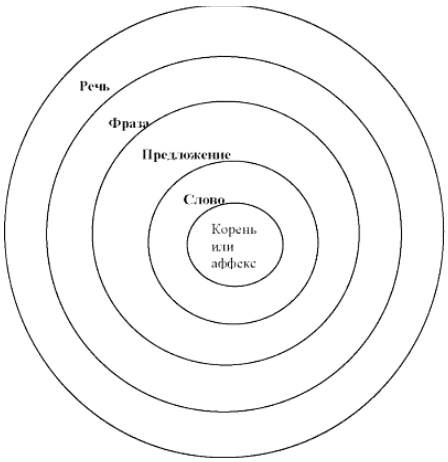

Рис. 1. Схема соотношения единиц речи и языка, предложенная А. М. Пешковским

Обратившись к синтаксическому плану словосочетания и предложения, А. М. Пешковский ввел в исследование синтаксиса принцип эксперимента (еще до того, как Л. В. Щерба обосновал этот принцип в статье «О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании»). В своем известнейшем труде «Русский синтаксис в научном освещении» (изданном впервые в 1914 году) он с помощью эксперимента (*как можно сказать* и *как нельзя сказать*) стремился продемонстрировать сложные связи, существующие в языке между семантикой слова и его грамматическими значениями в словосочетании или предложении (подробнее об этом см.: [Будагов, 1974]). Схожие принципы оперирования со словами и их сочетаниями разрабатывались в поэтических опытах современного Пешковскому русского авангарда.

Поэзия и теория русского футуризма начиналась с того, чтобы выделить из речи либо отдельное слово, либо части слов (более значащие, как в «азбуке ума» В. Хлебникова, либо менее значащие, как в «зауми» А. Крученых). Следующим этапом языкового эксперимента в литературно-художественном авангарде XX века стал уровень словосочетания и предложения. Этому этапу соответствовала и новая парадигма в изучении языка — структурно-функциональная. В ее рамках основной единицей в исследованиях языка являлось не слово, а предложение (что соответствует «несловоцентричному подходу», по В. М. Алпатову [Алпатов, 2018]). Один из ведущих советских лингвистов, С. Д. Кацнельсон, провозглашал эту смену парадигм в трудах уже 1940-х годов: «Главным и решающим в грамматике является целостное предложение, а не искусственно вырванное из контекста слово» [Кацнельсон, 1949, с. 41]. Становление синтаксических подходов в мировой лингвистике относится к 1920–1950-м годам, что соответствует тенденции художественного дискурса к синтаксическим экспериментам.

В манифесте из альманаха «Садок судей», помимо прочего, русскими футуристами заявлялось: «Мы расшатали синтаксис», «Нами уничтожены знаки препинания» [Садок судей II, 2000, с. 42]. Действительно, словотворческим и звукотворческим опытам «будетлян» сопутствовали преобразования в области синтаксиса. В большей степени ими были отмечены стихи В. Маяковского и В. Каменского. В известном стихотворении Маяковского «У — лица» морфологическое переразложение слов создает новые связи в поэтических строках-предложениях:

У-
лица.
Лица
у
догов
годов
рез-
че.
Че-
рез
железных коней
с окон бегущих домов
прыгнули первые кубы.
[Маяковский, 2019, с. 21]

В тексте В. Каменского «Кто я», помимо словотворчества, происходит динамизация поэтического дейксиса благодаря ослаблению синтаксических связей между субъектом и предикатом:

Я — КТО — Я —
Я — вроде утроветра
Во втуманах долине
Будь березкой
Я обниму — покачаю.
Я — КТО — Я —
Я — вроде небожаворонка
Над вершине поляне
Слушай чутко
Я звеню солнцелучами.
Я — КТО — Я —
Я — вроде яркоплатка
На с ягодами девушке
Пой со мной
Я ПЕСНЕПЬЯНСТВУЮ.
[Поэзия русского футуризма, 1999, с. 256]

Расшатывание синтаксиса в футуристической поэзии сопровождалось введением новых типографских знаков препинания, как, к примеру, знака равенства у Д. Бурлюка:

Склонений льдистых горнее начало
Тропа снегов = пути белил
Мороз = укусы = жало
И скотских напряженье жил
Шипенье пара
Лет далеких искр
уход угара
диск
Р.
[Поэзия русского футуризма, 1999, с. 119]

У художника-футуриста П. Филонова в поэтическом эксперименте «Пропевень о проросли мировой» синтаксическая сочетаемость становится абсолютно аномальной, что, вкупе с активной неологизацией, сближает поэтический язык с языком абстрактной аналитической живописи (один из принципов лингвоэстетики в нашем понимании):

измор паросый сребр ожар медвѣжіи ѣаомъ чайныи ро-
зан водам свѣтлым номирально моритъ о зимѣ зимает
на земнем уводѣ пролетло овѣтнит олетыванье лѣтнь и
нѣжно озолотит косу до дѣвьих позвонков кудрями за-
шеи высоко высоко щиток грудной въ полволну дневную ойдетъ лица румяницей открыто и губы тронуло
ровно зовом а ночи безъоко окружатъ тѣло чистои тучеи и явят царствованье въ раискія ворота
[Поэзия русского футуризма, 1999, с. 119]

Заметим также, что синтаксический эксперимент был характерен (по-видимому, под влиянием футуризма) и для более поздней орнаментальной прозы А. Белого (начиная с середины 1910-х годов). Однако и у Белого, и у русских футуристов все же более ярко выражен эксперимент на уровне словотворчества, нежели на уровне словосочетаний.

У итальянских футуристов, напротив, синтаксис был главной мишенью разрушений. В 1912 году Ф. Т. Маринетти выпускает «Технический манифест футуристической литературы», в котором призывает к радикальным изменениям в структуре поэтического языка: уничтожению синтаксиса, упразднению некоторых частей речи и пунктуационных знаков и замене их математическими с целью семантической компрессии, динамизации глагольных форм, соединению существительных без излишних служебных слов (например, человек-торпеда, женщина-залив, толпа-прибой, место-воронка, дверь-кран).

В следующем манифесте, «Уничтожение синтаксиса» (1913), получает развитие теория «слов на свободе», вводящая в поэтический язык «конденсированные метафоры», «телеграфические образы», «узлы мыслей» и т. д. Слова должны полностью освободиться от синтаксической и логической связности и свободно размещаться на странице или живописном холсте. «Каждый языковой элемент наделяется собственным семиозисом, что приводит к реализации основных постулатов Маринетти: к разрушению конвенциональных связей и максимальному абстрагированию смысла, приводящему к свободе от содержания» [Соколова, 2017, с. 316]. Новый, сгущенный синтаксис избавляет, согласно итальянскому поэту, поэтический текст от нарочитой «литературности», лингвоэстетически сближая его с визуальными и звуковыми медиа (рис. 2).

Correzione
di bozze + desideri
in velocità

Nessuna poesia prima di noi
colla nostra immaginazione senza fili parole
in libertà vivaaaaAAA il FUTURISMO finalmente finalmente finalmente finalmente
finalmente

FINALMENTE

POESIA NASCERE

treno treno treno treno **tron tron**
tron tron (ponte di ferro: **tatatluuun-**
tlin) sssssssiii ssiissii ssiissssssiiii
treno treno febbre del mio

Рис. 2. Ф. Т. Маринетти. Фрагмент поэмы “Zang Tumb Tuuum” [Marinetti, 2001, p. 642]

Еще одна разновидность синтаксического эксперимента была инициирована французскими сюрреалистами, среди которых наибольшим радикализмом отличался Т. Тцара. От первых фонетических стихов, близких к глоссолалии и, соответственно, «звуковому» этапу языкового экспериментирования, к 1920-м годам он переходит к внедрению принципа случайности как порождающему для нового поэтического текста. Этот принцип был заявлен в одном из манифестов дадаизма, в приложении к которому приведен пример такой языковой техники (рис. 3).

Как написать дадаистское стихотворение

Взять газету.
Взять ножницы.
Найти в газете статью длины, равной предполагаемому стихотворению.
Вырезать статью.
После этого аккуратно вырезать каждое слово и положить в мешочек.
Осторожно встряхнуть.
Поочередно вынуть каждое вырезанное слово и разложить в порядке вытаскивания.
Тщательно переписать.
Поэма будет похожа на вас.
И вот вы стали невероятно оригинальным с очаровательными чувствами, притом непонятным толпе[5].

[5] Пример:
когда собаки пересекают воздух в алмазе как идеи
и аппендикс мозговой оболочки показывает час
программного будильника цена они вчера не растут
затем картины/ оценить мечта эпоха глаз/
высокопарно чем декламировать евангелие жанр
мрачнеет/ группу апофеоз изображать говорит
неизбежность власть красок/ подстриг арки
ошеломленный действительность очарование/
зритель все с усилием этого уже не с 10 до 12/
во время бреда разворот спускается давление/
сделать сумасшедшие туськом тела на чудовищной
подавляющем сцене/ праздновать но их 160
адептов в шаг на положенное в мой
перламутровый/ роскошное земли банаты
поддерживает освещаться/ радость спрашивать
объединенные почти/ от к одна один поскольку
вызывал видения/ некие поет эта смеется/ выходит
ситуация исчезает описывает ту 25 танца привет/
разоблачил все того не было/ великолепный
восхождение к банде лучше свет которого пышность
сцена меня мюзик-холла/ возникает следуя
мгновение волнуется жить/ дела что нет
предоставлял/ способ слова приходят этих люди

Рис. 3. Т. Тцара. Фрагмент стихотворения «Как написать дадаистское стихотворение» [Тцара, 2016, с. 110]

Такая техника стиха позволяла порождать высказывания, не связанные линейно и когерентно в тексте и притом не лишать их статуса поэтических высказываний с установкой на выражение. Этот языковой эксперимент как будто бы проверяет на прочность взаимосвязь синтаксиса и семантики, балансируя на грани смыслопорождения и смыслораспада**.**

Данный принцип будет взят на вооружение литературными практиками сюрреализма во Франции, США и других странах. Образцом сюрреалистической техники сочинения текста стала фраза «Изысканный труп будет пить молодое вино», составленная по нормативной синтаксической схеме, которая заполнена аномальными сочетаниями частей речи. При этом составлена она не одним автором, а коллективом поэтов-сюрреалистов. Одним из принципов литературного творчества сюрреалистов стало коллективное авторство, при котором текст лишается индивидуальности высказывания, а слово предоставляется коллективному речепорождению. Примером такого диалогического текстопорождения стали «Изречения рака-отшельника» А. Бретона и Ф. Супо, цель которых, согласно авторам, «говорить, безо всякой интонации, сказать нечто» [Антология … , 1994, с. 358]. Несмотря на заявленное безразличие к каким-либо стихотворным конвенциям, высказывания тем не менее образуют стихотворную форму, пусть и составленную из деиндивидуализированных, случайных речевых высказываний. Приведем примеры в переводе на русский язык:

Я много познал

Генерал Эбле впереди
Папильотки
Дисгармонии настроений по законам астрономии
Олицетворенное Здравствуйте
Печальное опьянение дегустаторов
На листопадах качаюсь сплю в перьях голова как кастрюля
Все безразлично сингулярные сигналы где утверждалась ревность пыли

Бесплатные чувства

След дух сера
Трясина здравоохранений
Помада с преступных губ
Марш два такта рассол
Обезьяний каприз
Маятник цвета дня
[Антология … , 1994, с. 50, 54]

А. Бретон заявлял в «Манифесте сюрреализма», что язык дан человеку для того, чтобы пользоваться им сюрреалистически: «Я снова к этому возвращаюсь и настаиваю, что проблема социальной активности — это лишь одна из форм более общей проблемы, которой занимается сюрреализм; а проблема эта звучит так: *человеческие способы выражения во всех их формах*. Тот, кто говорит о выражении, говорит прежде всего о языке. А потому не удивительно, что в начале сюрреализм полагал себя почти исключительно в сфере языка, не удивительно также, что после некоторых блужданий он вновь возвращается к этой сфере, хотя бы ради удовольствия прогуляться по завоеванной территории» (курсив — автора цитаты) [Антология … , 1994, с. 313]. Испытывая огромное влияние психоанализа, сюрреализм в литературе проделывал эксперимент, подобный фрейдовскому в терапии: высвобождение свободных ассоциаций для изучения бессознательной подосновы самого языка. О роли бессознательных процессов пишут в 1920-е годы (одновременно с сюрреалистами) и некоторые ведущие лингвисты. Так, в статье 1924 года “The Grammarian and His Language” Э. Сэпир отмечает, что «психологической проблемой, наиболее интересующей лингвиста, является внутренняя структура языка в плоскости бессознательных психических процессов» [Sapir, 1924, p. 150]. По мнению американского лингвиста, современная ему психология еще не была в состоянии объяснить формирование и передачу не лежащих на поверхности систем, свойственных языкам всего мира. Усвоение языка есть процесс глубоко бессознательный. В частности, Сэпиром были продемонстрированы механизмы бессознательно протекающей «фонологической интуиции», по которым говорящий на языке пользуется фонемами конкретного языка.

Суммируя взгляды лингвистов своего времени на соотношение сознательного и бессознательного в языке, Р. О. Якобсон в одной из своих более поздних работ делает следующий вывод: «…в нашем речевом обиходе глубочайшие основы словесной структуры остаются недоступны языковому сознанию; внутренние соотношения всей системы категорий — как фонологических, так и грамматических — бесспорно действуют, но действуют вне рассудочного осознания и осмысления со стороны участников речевого общения, и только вмешательство опытного лингвистического мышления, вооруженного строго научной методологией, в силах подойти к тайнам языкового строя» [Якобсон, 1996, с. 21–22]. Вероятно, Якобсон намекает здесь на свой структурный анализ «Кошек» Ш. Бодлера и другие работы этого (структуралистского) периода. Во всяком случае, бессознательные процессы в сознании на новом, структуралистском этапе в лингвистике интересуют ученых именно своей системностью и структурностью (сравним с тезисом Ж. Лакана «бессознательное устроено, как язык»).

Характерным аналогом аномального, сюрреалистического типа поэтического письма в лингвистической науке стала концепция «Грамматики ошибок» А. Фрея. Подчеркивая, как и его русский коллега Л. В. Щерба, значимость «отрицательного языкового материала», Фрей изучал примеры неправильных употреблений в речи говорящих (реализуя свое «намерение создать грамматику на материале того, что грамматику отрицает» [Фрей, 2006, с. 13]. При этом Фрей придерживается функционального подхода, отмечая разные роли неправильностей в рамках заданных функций. Отдельно им рассматриваются нарушения языковой нормы в экспрессивно-аффективной речи. И хотя поэтических примеров Фрей не дает, как кажется, ими могли бы стать многочисленные случаи аномальных языковых употреблений в художественных текстах французских дадаистов и сюрреалистов. Эта связь будет эксплицирована позднее, в 1950-е годы.

В книге французского структуралиста Л. Теньера «Основы структурного синтаксиса» (1959) обсуждается вопрос об абсурде, возникающем при аномальном взаимодействии структурного и семантического планов высказывания. Приводится искусственно сочиненная фраза: “Le silence vertébral indispose la voile licite”. Как полагает Теньер, смысла в данной фразе нет никакого, но при всем при том сохраняется четкая структура французского синтаксиса (считается, что Теньер опередил Хомского в изобретении подобной фразы) [Tesnière, 2015, p. 35]. При этом тут делается ссылка на «поэтов сюрреализма и футуризма», впрочем, без уточнения того, имеется у них все-таки смысл или нет, но сама референция уже значима: лингвист учитывает практику авангардной поэзии при обработке своего «отрицательного языкового материала».

Интенции писателей, искажающих языковую правильность, и обычных говорящих на языке, допускающих ошибки, разумеется, далеки друг от друга. Однако само стремление поэтов к экспрессии за пределами языковых и литературных норм вполне соответствует стремлению лингвистов (Ш. Балли, А. Фрея) обосновать особую природу языковой экспрессивности вообще. Автор книги

о языке сюрреалистов отмечает, что при, казалось бы, консервативных взглядах на природу языка у французских авангардистов, сама техника работы с языком в их текстах предвосхищает методы работы с метафорами в когнитивной лингвистике [Stockwell, 2017]. В сущности же языковой эксперимент сюрреалистов оказывается конвергентным структурно-функциональному повороту в лингвистике: повороту от изучения формы слова к его функциональному использованию в масштабах фразы или предложения.

В англоязычной литературе 1920–1930-х годов наблюдается аналогичный поворот в сторону синтаксического эксперимента с английским языком. По сути, англо-американская экспериментальная литература первой половины XX века занимается в основном синтаксическими преобразованиями в силу аналитического строя самого английского языка. Английской и американской поэзии не свойственна неологизация на уровне отдельного слова или звука (как в синтетическом русском языке), и наоборот, свойственны радикальные трансформации порядка слов и строения предложения (подробнее об этом см.: [Фещенко, 2020]). Самым крайним проявлением синтаксического эксперимента выступают поэтические и прозаические опыты Г. Стайн.

Переход от рассмотрения отдельных единиц языка к анализу их взаимодействия в пределах синтагм был основной чертой американской версии структурализма, как об этом размышляет один из его представителей: «упор ныне делается не на конкретные элементы, а на их распределение (дистрибуцию). Видимо, основное открытие современной лингвистики заключается в том, что оказывается возможным путем исследования дистрибуции элементов языка вскрыть их отношения. Даже традиционная лингвистика констатировала окружение по крайней мере некоторых лингвистических элементов, и в частности морфем, вступающих в синтаксические сочетания, но выделение этого аспекта в качестве основы лингвистического исследования обязано своим происхождением структуральной школе лингвистики» [цит. по: Звегинцев, 1959, с. 9–10].

В рамках этой структурно-синтаксической парадигмы в США возникла знаменитая дискуссия по поводу «грамматичности» и «неграмматичности» высказывания на примере фразы, обсуждаемой Н. Хомским в 1950-е годы, известной в двух вариантах:

1. Colorless green ideas sleep furiously.
2. Furiously sleep ideas green colorless [Хомский, 1962, с. 418].

Американский лингвист-генеративист озаботился вопросом, относятся ли к языку грамматически неправильные предложения в той же мере, что и грамматически правильные. Кроме того, был поставлен вопрос о границах правильного и осмысленного (то есть значимого в семантическом смысле). С его точки зрения, оба приведенных выше предложения равно бессмысленны, но второе еще и является грамматически неправильным, а значит, не относится к множеству предложений, составляющих английский язык. Что касается первой фразы, то при всей ее семантической «нелепости» она признается синтаксически корректной и, стало быть, укладывается в структуру существующего языка.

Обсуждение этих искусственных примеров Хомского вызвало немало интерпретаций в мире лингвистики. Однако особо примечательна для нас полемика с этими примерами Р. О. Якобсона, откликнувшегося на данную дискуссию в своей статье о Ф. Боасе [Якобсон, 1985]. В целом отмечая изобретательность лингвистического эксперимента Хомского в построении «полностью несемантической теории грамматической структуры», русский лингвист указывает на в действительности обратную значимость выводов американского коллеги. По мнению Якобсона, такие фразы, как «бесцветные зеленые идеи яростно спят», как раз наиболее ярко высвечивают вполне осмысленные категории нашего сознания. Ему сразу приходят на ум поэтические тропы, которые напоминают эту фразу: «Зеленая мысль в зеленой тени» поэта Э. Марвелла и «все тот же ужас, красный, белый, квадратный» из Л. Толстого.

Якобсон против хомскианского тезиса о том, что подобные выражения обладают «более низкой степенью грамматичности». Для него, вышедшего из кругов русских футуристов, обе фразы Хомского выглядели вполне успешными и осмысленными после экспериментов Маяковского, Хлебникова и Крученых. При семантической и синтаксической аномальности такого вида выражения могли бы быть и неаномальными в каком-либо поэтическом контексте. Хомский вряд ли интересовался поэтическим контекстом своего времени, хотя мог бы найти аналоги подобных высказываний в творчестве своих соотечественников — экспериментальных поэтов Г. Стайн и Э. Э. Каммингса.

Последовательность слов и звуков в синтаксической цепи — это и предмет поэтического эксперимента Г. Стайн. И хотя цели и результаты дескриптивистов и генеративистов отличались от таковых у Стайн (у первых — установление грамматической структуры данного языка, у второй — поиск структуры нового, поэтического языка), исходная точка была общей — это поток речи, который, прежде всего, звучит, и только потом — обнаруживает смысл. Во многих аспектах это — признаки единой парадигмы языкового эксперимента в художественном дискурсе и научной лингвистике.

Если предшествующий, формально-семантический этап литературных новаций был связан преимущественно с уровнем формы, то на следующем, функционально-синтаксическом, эксперимент затрагивает в большей степени различные аномальные сочетания формы и содержания (в литературе футуризма, дадаизма и сюрреализма, в американском экспериментальной письме, в поэзии и драме абсурда). Языковым преобразованиям подвергаются на этом этапе сочетания слов в процессе синтаксического развертывания художественного дискурса в экспериментальной реализации.

Список источников

1. Алпатов В. М. Слово и части речи. — М. : Языки славянской культуры, 2018. — 256 с.
2. Антология французского сюрреализма. 1920-е годы. — М. : «Гитис», 1994. — С. 12–60, 290–342.
3. Будагов Р. А. Постановка эксперимента в «Русском синтаксисе» А. М. Пешковского // Человек и его язык. — М. : МГУ, 1974. — С. 203–210.
4. Звегинцев В. А. Дескриптивная лингвистика // Глисон Г. Введение в дескриптивную лингвистику. — М. : Изд-во иностранной лит., 1959. — С. 5–26.
5. Кацнельсон С. Д. Историко-грамматические исследования. — М. ; Л. : Изд-во Академии наук СССР, 1949. — 384 с.
6. Маяковский В. В. Выбор Сергея Бирюкова. — М. : Б. С. Г.-Пресс, 2019. — 352 с.
7. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении: популярный очерк. — М. : Тип. В. М. Саблина, 1914. — 440 с.
8. Пешковский А. М. Понятие отдельного слова // Методика родного языка, лингвистика, стилистика, поэтика : сб. ст. — Л. ; М. : Гос. изд-во, 1925. — С. 122–140.
9. Поэзия русского футуризма. — СПб. : Акад. проект, 1999. — 752 с.
10. Садок судей II // Русский футуризм: Теория. Практика. Критика. Воспоминания. — М. : ИМЛИ РАН : «Наследие», 2000. — С. 41–42.
11. Соколова О. В. Образы языка в манифестах итальянского, русского и американского авангарда // Критика и семиотика. — 2017. — № 2. — С. 312–325.
12. Тцара Т. 7 манифестов дада. — М. : Изд-во музея В. В. Маяковского, 2016. — 136 с.
13. Фещенко В. В. Образы языка в англо-американском авангарде. 1910-е годы // Иностранные языки в высшей школе. — № 2. — 2020. — С. 62–71.
14. Фещенко В. В. В трехмерном пространстве лингвистической теории и литературного эксперимента // Критика и семиотика. — № 1. — 2021. — С. 78–93.
15. Фрей А. Грамматика ошибок. — М. : URSS, 2006. — 304 с.
16. Хомский Н. Синтаксические структуры // Новое в лингвистике. — М., 1962. — Вып. II. — С. 412–527.
17. Якобсон Р. О. Избранные работы. — М. : Прогресс, 1985. — 460 с.
18. Якобсон Р. О. Язык и бессознательное. — М. : Гнозис, 1996. — 248 с.
19. Marinetti F. T. Teoria e invenzione futurista. — Milano : Arnoldo Mondadori Editore, 2001. — 1256 p.
20. Sapir E. The grammarian and his language // The American Mercury. — No. 1. — 1924. — Pp. 149–155.
21. Stockwell P. The Language of Surrealism. — London : Macmillan Education : Palgrave, 2017. — 196 p.
22. Tesnière L. Elements of Structural Syntax. — Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins, 2015. — 698 p.

References

1. Alpatov V. M. *Slovo i chasti rechi* [Word and parts of speech]. Moscow, Languages of Slavic culture Publ., 2018, 256 pp. (In Russian).
2. *Antologija francuzskogo sjurrealizma. 1920-e gody* [Anthology of French Surrealism. 1920s]. Moscow, “Gitis” Publ., 1994, pp. 12–60, 290–342. (In Russian).
3. Budagov R. A. Setting up an experiment in “Russian Syntax” by A. M. Peshkovsky. *Chelovek i ego jazyk* [Man and his language]. Moscow, MGU Publ., 1974, pp. 203–210. (In Russian).
4. Zvegintsev V. A. Descriptive linguistics. Gleason H. *Vvedenie v deskriptivnuju lingvistiku* [Introduction to descriptive linguistics]. Moscow, Publ. House of Foreign Literature, 1959, pp. 5–26. (In Russian).

5. Katsnelson S. D. *Istoriko-grammaticheskie issledovanija* [Historical and grammatical research]. Moscow, Leningrad, Publ. House of the Academy of Sciences of the USSR, 1949, 384 pp. (In Russian).

6. Mayakovsky V. V. *Vybor Sergeja Birjukova* [Choice of Sergei Biryukov]. Moscow, B. S. G.-Press Publ., 2019, 352 pp. (In Russian).

7. Peshkovsky A. M. *Russkij sintaksis v nauchnom osveshhenii: populjarnyj ocherk* [Russian syntax in scientific coverage: a popular essay]. Moscow, Printing house of V. M. Sablin, 1914, 440 p. (In Russian).

8. Peshkovsky A. M. The concept of a separate word. *Metodika rodnogo jazyka, lingvistika, stilistika, pojetika: sb. st.* [Methods of the native language, linguistics, stylistics, poetics: Sat. Art.]. Leningrad, Moscow, State Publ. House, 1925, pp. 122–140. (In Russian).

9. *Pojezija russkogo futurizma* [Poetry of Russian Futurism]. St. Petersburg, Academic project Publ., 1999, 752 p. (In Russian).

10. Judges' cage II. *Russkij futurizm: Teorija. Praktika. Kritika. Vospominanija* [Russian Futurism: Theory. Practice. Criticism. Memories]. Moscow, IMLI RAN, “Heritage” Publ., 2000, pp. 41–42. (In Russian).

11. Sokolova O. V. Images of language in the manifestoes of the Italian, Russian and American avant-garde. *Kritika i semiotika* [Critique and Semiotics]. 2017, no. 2, pp. 312–325. (In Russian).

12. Tzara T. *7 manifestov dada* [7 Dada manifestos]. Moscow, Publ. house of the museum V. V. Mayakovsky, 2016, 136 p. (In Russian).

13. Feshchenko V. V. Images of language in the Anglo-American avant-garde. 1910s. *Inostrannye jazyki v vysshej shkole* [Foreign languages in higher education]. 2020, no. 2, pp. 62–71. (In Russian).

14. Feshchenko V. V. In the three-dimensional space of linguistic theory and literary experiment. *Kritika i semiotika* [Critique and Semiotics]. 2021, no. 1, pp. 78–93. (In Russian).

15. Frey H. *Grammatika oshibok* [Grammar of errors]. Moscow, URSS Publ., 2006, 304 p. (In Russian).

16. Chomsky N. Syntactic structures. *Novoe v lingvistike* [New in linguistics]. Moscow, 1962, iss. II, pp. 412–527. (In Russian).

17. Jakobson R. O. *Izbrannye raboty* [Selected Works]. Moscow, Progress Publ., 1985, 460 p. (In Russian).

18. Jakobson R. O. *Jazyk i bessoznatel'noe* [Language and the unconscious]. Moscow, Gnosis Publ., 1996, 248 p. (In Russian).

19. Marinetti F. T. *Teoria e invenzione futurista*. Milano, Arnoldo Mondadori Editore, 2001, 1256 p.

20. Sapir E. The grammarian and his language. *The American Mercury*. 1924, no. 1, pp. 149–155.

21. Stockwell P. The *Language of Surrealism*. London, Macmillan Education; Palgrave, 2017, 196 p.

22. Tesnière L. Elements of Structural Syntax, Amsterdam; Philadelphia, John Benjamins, 2015, 698 p.

Информация об авторе

Фещенко Владимир Валентинович — доктор филологических наук, старший научный сотрудник научного образовательного центра теории и практики коммуникации имени академика Ю. С. Степанова Института языкознания Российской академии наук.

Information about the author

Feshchenko, Vladimir — PhD., Doctor Habil.(Theoretical Linguistics), Senior Research Fellow, Institute of Linguistics, RAS, Yu. S. Stepanov Research and Education Centre for Communication Theory and Practice.

Статья поступила в редакцию 26.06.2022;
одобрена после рецензирования 07.08.2022;
принята к публикации 18.08.2022.

Submitted 26.06.2022;
approved after reviewing 07.08.2022;
accepted for publication 18.08.2022.

Иностранные языки в высшей школе. 2022. № 3 (62). С. 46–53.
Foreign Languages in Tertiary Education. 2022;3(62):46–53.

Научная статья
УДК 81’13
DOI: 10.37724/RSU.2022.62.3.005

Диалог с академическим сообществом: дискурсивный анализ стенограмм лекций

Наталья Александровна Чекмаева
Московский городской педагогический университет, Москва, Россия
n.chekmaeva@ya.ru

Аннотация. В исследовании анализируются особенности построения диалога говорящего с академическим сообществом на материале стенограмм лекций отечественных ученых-лингвистов (С. Г. Тер-Минасовой, М. А. Кронгауза, В. И. Карасика, Л. Г. Викуловой, В. А. Плунгяна) по актуальным проблемам языкознания. Изучается явление диалога через призму взаимодействия говорящего с участниками академического дискурса: адресатом и другим. Делается вывод о принципиальной диалогичности академического дискурса, о чем свидетельствует наличие различных языковых средств и приемов в речи говорящего, участвующих в конструировании дискурсивного диалога. Исследование выполнено в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы, в фокусе которой — анализ текста, анализ интенций говорящего и слушающего, а также анализ семантики языковых знаков. Кроме того, раскрывается потенциал применения цифровых методик для обработки и последующей интерпретации эмпирической базы исследования. Результаты работы развивают мысль о принципиальной диалогичности академического дискурса.

Ключевые слова: устный академический дискурс, дискурсивный анализ, дискурсивный маркер, диалогичность, интерактивность, говорящий, адресат, другой, цифровые методики, модус высказывания.

Для цитирования: Чекмаева Н. А. Диалог с академическим сообществом: дискурсивный анализ стенограмм лекций // Иностранные языки в высшей школе. 2022. № 3 (62). С. 46–53. DOI: 10.37724/RSU.2022.62.3.005.

Original article

Dialogue in Academic Discourse: Discursive Analysis of Public Talks Scripts

Natalia N. Chekmaeva
Moscow City University, Moscow, Russia
n.chekmaeva@ya.ru

Abstract. This paper aims at investigating the spoken academic discourse from the dialogic perspective with Russian linguists’ (S. G. Ter-Minasova, M. A. Krongauz, V. I. Karasik, L. G. Vikulova, V. A. Plungian) lectures on language studies in focus. The dialogue is studied through examining the specifics of interaction between the speaker and the participants to the academic discourse: addressee and another. These figures play a huge role in constructing the dialogue within the academic domain as the speaker aims to deliver the message across and receive feedback. There has been gathered evidence to suggest that academic discourse is ultimately dialogic as there can be identified a range of linguistic features as well as strategies in the speaker’s talk that construct a discursive dialogue. The research relies on principles and methods of cognitive and discursive paradigm which focuses on text analysis, the speaker’s and addressee’s intentions analysis, and linguistic features semantic analysis. Besides, there has been used a corpus analysis software, which makes it possible to check keyword frequency and perform cluster and lexical bundle examination. The results of the research prove that discourse markers are widely used to transfer knowledge, to persuade, to develop arguments and build interpersonal solidarity within the academic community.

Keywords: spoken academic discourse, discourse analysis, discourse marker, dialogue, engagement, speaker, addressee, *another*, research engines, prepositional attitude.

For citation: Chekmaeva N. A. Dialogue in Academic Discourse: Discursive Analysis of Public Talks Scripts. *Inostrannye yazyki v vysshej shkole* [Foreign Languages in Tertiary Education]. 2022; 3(62):46–53. (In Russ.) DOI: 10.37724/RSU.2022.62.3.005.

Настоящее исследование выполнено в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы и обращено к анализу особенностей конструирования диалога говорящего с академическим сообществом.

© Чекмаева Н. А., 2022

Актуальность исследования обусловливается рядом причин, среди которых важно отметить интерес современной лингвистики к выявлению особенностей академического дискурса, позволяющих раскрыть механизмы выстраивания эффективной коммуникации между членами профессионального сообщества. Так, в работах отечественных и зарубежных ученых исследуются особенности академического дискурса на примере взаимодействия его участников (подробнее см.: [Хутыз, 2015 ; Фомина, 2017 ; Сулейманова, 2018 ; Сапун, Куликова, 2019 ; Hyland, Jiang, 2016 ; Sword, 2016 ; Tareva, Kazantseva, Tarev, 2020]).

Кроме того, в фокусе современной лингвистики находится анализ дискурсивных маркеров, объединяющих адресата, адресанта и коммуникативную ситуацию и имеющих особую прагматическую направленность [Кабахидзе, 2021]. Изучение языковых средств без опоры на идеологию текста, под которой, вслед за французской школой анализа дискурса, мы понимаем «любой семиотический факт, который интерпретируется в свете социальных интересов» [Квадратура смысла, 1999, с. 20], анализ коммуникативных целей адресанта и адресата, а также семантики языковых знаков не будет полным. Иными словами, анализ дискурса производится с учетом экстралингвистических и лингвистических факторов.

Если говорить об академическом дискурсе, то он представляет собой один из видов институциональной коммуникации, характеризующейся трансляцией научного опыта вербальными средствами, шаблонностью, клишированностью, принятием социальных ролей, статусной симметрией/асимметрией [Бурмакина, Куликова, 2018]. При этом важно подчеркнуть, что смыслообразующим компонентом в академическом дискурсе признается вовлеченность адресата в дискурсивное пространство говорящего [Хутыз, 2015 ; Sword, 2016]. Как отмечает О. А. Сулейманова, ученый ожидает от профессионального сообщества отклик на посылаемое им сообщение, так как в противном случае его работа не имеет смысла [Сулейманова, 2019].

Вовлечение адресата в сферу дискурсивного пространства говорящего видится актуальной проблемой в современной науке. Так, результаты исследований (подробнее см.: [Tareva, Kazantseva, Tarev, 2020]) свидетельствуют о низкой степени ориентации авторов научных публикаций на потенциального адресата: 68 % респондентов отметили, что наиболее важно для них соблюдение норм научного стиля изложения вне зависимости от адресата; 71 % считают, что научная статья является средством самопрезентации ученого, доказательством его состоятельности; 87 % не имеют четкого представления о потенциальном адресате, уровне его эрудиции, знания терминологии и методологии определенной области. Всего 14 % респондентов отметили важность учета фактора потенциального адресата.

Из вышесказанного следует, что исследователи ориентированы на выработку индивидуального стиля изложения научного знания, а роль адресата остается на периферии, несмотря на ее утверждение как особенно значимой в современной парадигме.

Вместе с тем в устном академическом дискурсе исследовательницей И. П. Хутыз на материале англоязычных лекций была выявлена тенденция к активному использованию лекторами коммуникативных средств и приемов, направленных на кооперацию со студентами [Хутыз, 2020].

Среди средств, ориентированных на оптимизацию воздействия на слушающего (подробнее см.: [Хутыз, 2015 ; Сулейманова, 2016 ; Hyland, 2009]), можно выделить:

– маркеры диалогичности: инклюзивное местоимение *мы*, местоимение *вы*;

– хеджи: *возможно, похоже, что, вероятно*;

– бустеры: *именно*, *естественно*;

– фразы, структурирующие сообщение: *во-первых*, *во-вторых*;

– повторы с целью привлечения внимания к новым терминам и понятиям;

– конструкции, вносящие информацию о противопоставлении той или иной мысли: *не столько*, *сколько*, *если, то*;

– фразы, позволяющие систематизировать и обобщить информацию: *итак*, *таким образом*.

К другой группе средств воздействия на адресата относятся:

– тактика присоединения в виде обращения к аудитории (*коллеги*), событию и месту (*сегодня мы…*), рассказ случая из личного опыта;

– тактика подстраивания;

– прием захвата внимания аудитории путем обращения к конфликту [Сулейманова, 2016].

Исследование средств взаимодействия говорящего с академическим сообществом видится важным в контексте роста интереса к публичному лекторию, на материале которого проводится данная работа.

Среди причин популярности лекционного жанра в современном мире Л. И. Ермакова и Д. Н. Суховская указывают на заинтересованность личности в познании нового, стремление к получению достоверной информации, сообщаемой лектором как источником объективного знания, а также восприятие лектория как способа социального взаимодействия [Ермакова, Суховская, 2018]. Авторы работы отмечают, что в России в XIX–XX веках публичные лекции составляли значимую часть деятельности отечественных профессоров. Проведение встреч с представителями науки было важной частью жизни граждан, стремящихся к познанию и развитию.

В настоящее время интерес к лекционному жанру сохраняется за счет модернизации современного образования и появления различных платформ, позволяющих выкладывать видеозаписи лекций с преимущественно свободным доступом. Данная тенденция требует выработки новой методики исследования, связанной с поиском и обработкой материала с опорой на цифровые технологии.

Цифровые методики исследования применяются для создания эмпирической базы исследования с опорой на поисковые ресурсы (search engines), а также для проведения верификационных процедур через исследовательские ресурсы (research engines), например, при проверке сочетаемости единиц, где поисковая система становится как бы участником лингвистического эксперимента [Сулейманова, Фомина, Тивьяева, 2020].

В рамках данного исследования эмпирическая база формировалась путем работы с поисковыми ресурсами типа «Яндекс», Google. Были найдены видеозаписи следующих лекций: М. А. Кронгауз «Гипотеза лингвистической относительности» (2013), В. А. Плунгян «Русский язык в современном мире» (2013), «Русский язык в современном мире» (2015), Л. Г. Викулова «Книга как феномен диалога культур» (2014), С. Г. Тер-Минасова «Язык, коммуникация и национальная безопасность» (2014), В. И. Карасик «Билингвизм как лингвокультурная ценность» (2016). Общая продолжительность звучания составляет 8 часов 4 минуты. В рамках работы с каждой видеозаписью составлялся скрипт, в котором осуществлялся поиск единиц, маркирующих взаимодействие говорящего с адресатом и *другим*. Исследовательский корпус единиц диалогичности осуществлялся на базе теоретических работ по теме исследования, а также дополнялся с опорой на словари синонимов. Маркеры диалогичности далее были разделены по группам: лексические единицы (*действительно, точно, в самом деле, ведь, да, конечно*); синтаксические конструкции (вопросы, в том числе риторические, инфинитивная модель типа *если говорить о*); цитаты, аллюзии, отсылки, имитация чужой речи / сконструированный диалог.

Анализ базы исследования производился при помощи исследовательского ресурса — корпусного менеджера AntConc (версия 4.0.11), позволяющего получить данные, например, о частотности маркеров употребления исследуемых единиц в исследовательском корпусе в виде упорядоченного списка (функция Word List). Преимущество данного ресурса заключается в возможности оптимизированной систематизации обрабатываемых данных для последующей интерпретации.

Таким образом, цель настоящей работы заключается в изучении особенностей академического дискурса с точки зрения анализа репрезентации маркеров адресата и *другого* на материале публичных лекций отечественных ученых-лингвистов, доступных в интернет-пространстве.

Взаимодействие говорящего с адресатом

Известно, что коммуникативная роль адресата — участника речевого акта, к которому обращена и на которого ориентирована речь говорящего, — имеет глобальное значение в любом виде дискурса. Мысль об адресате побуждает говорящего выбирать оптимальный стиль изложения информации для того, чтобы выстроить эффективную коммуникацию.

В жанре лекции говорящий реализует коммуникативно-информационную функцию, осуществляемую при помощи дидактической экспрессии, привнося элементы риторического искусства в виде завлекающей манеры изложения, выразительности и особого стиля [Винокур, 2016].

В работе И. П. Хутыз отмечается, что лекторы часто прибегают к повторам, вопросам для разъяснения и (или) установления контакта, а также конструкциям риторического характера,

оценочным фразам; адресат активно актуализируется за счет обращений, директивных конструкций. Все эти средства позволяют наладить контакт с аудиторией, увлечь, сформировать мотивацию и погрузить в процесс познания. Кроме того, «в современном мире очевиден фокус на личном опыте, стремлении поделиться им с окружающими…» [Хутыз, 2021, с. 204], что находит отражение в приеме коротких рассказов-иллюстраций из личного опыта лектора.

Опора на личностно-обусловленный опыт представляется одним из актуальных способов подачи информации. Так, например, С. Г. Тер-Минасова делится со студентами опытом чтения лекций в Японии: «Очень сложная вещь, — межкультурная коммуникация. <…> Я была в Японии, читала там лекции. Япония, конечно, другой мир, другая культура, я ко всему была готова, но началось все с некоторого фиаско» [Тер-Минасова, 2014].

Известно, что личный опыт может оказать сильное воздействие на адресата и является одним из инструментов аргументации. В приведенном выше фрагменте лектор доказывает на собственном примере сложную природу межкультурной коммуникации, рассказывает о пережитой неудаче. Данный прием вовлекает слушающего в тему лекции, активизирует интерес к ее предмету, что способствует лучшему усвоению информации.

Следующим продуктивным маркером диалогичности выступают показатели эпистемической модальности типа *возможно, кажется, может быть*: «Всех раздражает, что русский язык засоряется заимствованиями. Нам своих слов не хватает? А, может, действительно не хватает, если язык заимствует?» [Плунгян, 2015]; «Литератор — это человек, хорошо владеющий словом, и огромный эрудит, и человек, конечно, высокого социального положения» [Викулова, 2014].

Данные средства могут выражать степень уверенности говорящего, а также степень обоснованности суждения, позволяют снизить категоричность высказывания, что особенно релевантно для академического дискурса, так как наблюдается стремление говорящего к сокращению дистанции между ним и слушающим. Помимо этого, данные единицы служат апелляцией к модусу высказывания и вносят информацию о заинтересованности говорящего в мнении адресата.

Как отмечается в работе Н. Д. Арутюновой, модальные слова типа *возможно* и *может быть* не всегда отражают точку зрения говорящего и тем самым оставляют ему свободу «отречения» [Арутюнова, 1988, с. 110]. Например: «С русским языком происходили разные изменения. Они, может быть, не такие большие, как иногда думают, но, безусловно, они есть» [Плунгян, 2015]. Подобные единицы способны раскрыть адресату коммуникативные намерения говорящего. Так, если высказывание говорящего начинается с *очевидно, что… , ясно, что…* , это может означать его стремление предупредить попытку адресата оспорить суждение [Арутюнова, 1988, с. 119]. Например*:* «Очевидно, что некоторые конфликты возникают не ради того, чтобы переубедить противника, а ради того, чтобы высказать свою точку зрения, позиционировать себя» [Кронгауз, 2017].

Усилительные частицы и междометия также выступают показателями управления вниманием говорящим и пониманием слушающего [Борисова, 2021]. Например: «Мы всегда книгой восхищаемся? Иногда нам кажется, — ну какая она занудная, какая она сложная, да?»; «В древности любое произведение было зафиксировано на письме, но требовало устного исполнения. Сейчас ведь это не так» [Викулова, 2014]. Данные частицы вовлекают слушающего в диалог. Так, с помощью частицы *да* лектор побуждает адресата к ответу/согласию с утверждением, частица *ведь* усиливает содержание высказывания.

Контактоустанавливающие и разъяснительные вопросительные конструкции также являются неотъемлемой частью лекций, позволяющей сфокусировать внимание аудитории на определенном утверждении: «Вот вы, сидящие здесь, можете отнести себя к филологам. Кто такой филолог? Это человек, любящий текст, но, с другой стороны…» [Викулова, 2014]. Вопросы заставляют слушающего задуматься над ответом, следовательно, повышают интерактивность лекции.

Необходимо отметить потенциал оценочной лексики (*хороший термин, великий лингвист, интересные дипломные работы, приятно читать*) как средства приглашения к диалогу в устном академическом дискурсе: «Другими словами, есть какие-то способы, если честно сказать, программирования аудитории. Причем поразительно, что это подсознательное программирование большей частью происходит» [Карасик, 2016]. В данном случае речь идет о психологической оценке (вслед за классификацией, предложенной в работе Н. Д. Арутюновой [Арутюнова, 1988]) с уклоном в сторону рационализации, то есть осмысления мотивов оценки говорящим. Подобное

высказывание отражает диалогическую тактику, так как лектор побуждает адресата задуматься о предмете обсуждения и удивиться вместе с ним.

Взаимодействие говорящего с *другим*

Еще одним значимым участником академической коммуникации становится *другой*. Под *другим*, вслед за Ж. Отье-Ревю, мы будем понимать источник передаваемого смысла, с которым взаимодействует говорящий, но который остается как бы за кадром [Отье-Ревю, 1999].

Как отмечает О. А. Сулейманова, *другой* определяет идентичность самого говорящего и является универсальным участником практически любой ситуации. В академическом дискурсе *другой* может быть представлен:

а) как эксплицированный «собеседник» (например, высказывание типа «Л. В. Щерба в статье…»);

б) имплицитно:

– в неопределенно-личных конструкциях: «в лингвистике считают, что…»; «предполагается, что…»;

– лексических маркерах типа *действительно, впрочем, можно*;

– конструкциях с риторическим вопросом [Сулейманова, 2018].

Важно отметить частность в академическом дискурсе личных форм глагола, имеющих субъективную валентность: *думать, считать, полагать, знать*. Как указывает Н. Д. Арутюнова, данные глаголы часто употребляются в неопределенно-личной форме либо сопровождаются вводным модальным глаголом (*можно полагать, что*), чтобы придать высказыванию объективный характер, сравним: *думается мне — считается ими*. Возвратная форма наделяется неопределенно-личным значением, выражая общее значение или мнение *другого* [Арутюнова, 1988]. Например: «Считалось, что сбор материала — это важная часть научной работы» [Плунгян, 2013].

В целом присутствие *другого* подчеркивает неоднородность дискурса, связанную с проявлением инаковости в речи говорящего, которая обнаруживается как в прямой (часто в виде цитат), так и в косвенной речи. Графически подобные фрагменты, как правило, выделяются кавычками, курсивом, в устной речи — интонацией и (или) комментарием. Примеры выражений, реконструирующих фигуру *другого*: *как говорят, так говорят о, выражаясь словами, если можно так выразиться, во всех смыслах слова, так называемое* [Отье-Ревю, 1999].

Заметим, что встраивание говорящим в свою речь слов *другого* обладает аргументативным потенциалом, усиливающим мнение говорящего. Например: «Афоризм более сложен…, это более изысканная форма общения. Мой любимый афорист Станислав Ежи Лец дает нам образцы высказываний, над которыми можно долго думать, например: “некоторые бумеранги не возвращаются. Выбирают свободу”» [Карасик, 2016].

Диалогическое взаимодействие говорящего с *другим* часто проблематизирует чужое утверждение: «Это как раз линия Михаила Эпштейна, что вот русский язык перестал производить слова, а только заимствует. На самом деле, когда русскому языку нужно, он свои слова производит. Понятно, что русский язык заимствовал колоссальное количество экономических терминов» [Плунгян, 2013]. В данном высказывании говорящий приводит слова *другого*, при этом вступает с ним в диалог, о чем свидетельствуют маркеры *на самом деле* и *понятно*, указывающие на несовпадение мнения говорящего с мнением *другого*.

Еще одним приемом диалогизации в речи отечественных лингвистов выступает сконструированный диалог. Данный вид диалога позволяет говорящему выразить свою точку зрения как бы словами *других*, при этом оказывая большее воздействие на аудиторию. Например: «Умирает римлянин, знатный римлянин, чувствует, что смерть близка, и говорит: “Поднимите меня, поставьте меня к стенке”. Ему говорят: “Зачем?” — “Чтобы было написано: умер стоя”» [Плунгян, 2013]. Подобное расщепление голоса говорящего превращает нарратив в форму драматизации, о которой пишет Д. Таннен: “…the speaker uses the animation of voices to make his story into drama and involve his listeners” [Tannen, 2007, p. 120]. — «Говорящий воспроизводит голоса других для придания речи формы драмы с целью обращения к эмоциям аудитории» (перевод автора. — *Н. Ч.)*. Данный прием позволяет говорящему оживить аудиторию.

Отдельным способом существования *другого* можно назвать метонимический перенос по типу произведение — автор. Например: «Слабая версия теории Сепира-Уорфа утверждает, что…» [Кронгауз, 2013]; «Современная лингвистика смотрит на это чуть более объективно, как бы говоря, что не только художественная литература важна, но и все остальное тоже» [Плунгян, 2013]. Можно заметить, что происходит смещение фокуса говорящего с субъекта высказывания на его предмет, что снижает категоричность, кроме того, метонимия позволяет выразить мысль более емко.

Выводы

В данной статье был предложен дискурсивный анализ особенностей конструирования говорящим диалога с академическим сообществом. Выбор материала исследования обусловлен представлением о высокой степени диалогичности лекций, связанной со стремлением лекторов донести информацию в доступном и интересном формате для в большей степени неподготовленной аудитории. Анализ стенограмм лекций показал, что говорящий активно взаимодействует как с адресатом, так и с *другим*.

Среди маркеров адресата были выделены показатели эпистемической модальности, усилительные частицы и междометия, вопросительные конструкции, оценочная лексика, опора на личностно-обусловленный опыт. Данные средства позволяют говорящему воздействовать на адресата, вызвать определенную реакцию, что повышает интерактивность коммуникации.

Маркерами *другого* выступают некоторые лексические единицы типа *действительно*, *в самом деле*, глаголы в неопределенно-личной форме, метонимические переносы по типу произведение — автор, цитаты, прямая и косвенная речь, прием сконструированного диалога. Важно отметить, что при взаимодействии с *другим* говорящий также взаимодействует и со слушающим в связи с опосредованностью коммуникации с *другим* (от *другого* говорящий не ожидает реакции по разным причинам, например, из-за физического отсутствия *другого*). Таким образом, говорящий вовлекает в диалог слушающего, стимулируя его к совместному размышлению над некоторым утверждением.

Список источников

1. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений. Оценка, событие, факт. — М. : Наука, 1988. — 338 с.
2. Борисова Е. Г. Дискурсивные маркеры в тексте как признак диалогичности // Антропологический поворот: теории и практики : сб. тр. Междунар. науч. конф. — Орел, 2021. — С. 18–25.
3. Бурмакина Н. Г., Куликова Л. В. Академический дискурс: институциональность, стиль, жанры. — М. : Ленанд, 2019. — 200 с.
4. Викулова Л. Г. Книга и время: книга как феномен диалога культур. — 2014, 26 янв. — URL : https://youtu.be/UakEZAuVXbM (дата обращения: 20.08.2022).
5. Винокур Т. Г. Говорящий и слушающий: варианты речевого поведения. — М. : Ленанд, 2017. — 176 с.
6. Ермакова Л. И., Суховская Д. Н. Публичный лекторий как форма интеллектуального досуга современного горожанина в креативных пространствах города // Грамота. — 2018. — № 6 (92). — С. 80–84.
7. Кабахидзе Е. Л. Дискурсивный маркер *well* в обыденном и политическом дискурсах: амбивалентность и бифункциональность // Иностранные языки в высшей школе. — 2021. — № 3 (58). — С. 43–53. — DOI: 10.37724/RSU.2021.58.3.005.
8. Карасик В. И. Проблемы лингвокультурной семиотики. — 2016, 27 июня. — URL : https://youtu.be/vPOSjhKoQJA (дата обращения: 20.08.2022).
9. Кронгауз М. А. Гипотеза лингвистической относительности. — 2013, 30 мая. — URL : https://youtu.be/QM_GUJtX0PE (дата обращения: 20.08.2022).
10. Кронгауз М. А. Лингвистические конфликты в Интернете. — 2017, 29 июня. — URL : https://youtu.be/MjpxXq36PpY (дата обращения: 20.08.2022).
11. Отье-Ревю Ж. Явная и конститутивная неоднородность: к проблеме *другого* в дискурсе // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса — М. : Прогресс, 1999. — С. 54–94.
12. Плунгян В. А. Корпусная лингвистика. — 2013, 4 июня. — URL : https://youtu.be/ico0zGpiBzc (дата обращения: 20.08.2022).
13. Плунгян В. А. Русский язык в современном мире. — 2015, 9 марта. — URL : https://youtu.be/Abcki8MS474 (дата обращения: 20.08.2022).

14. Сапун Т. В., Куликова Л. В. Дискурсивная репрезентация авторитарности в академической коммуникации // Экология языка и коммуникативная практика. — 2019. — № 2 (17). — С. 57–66.

15. Сулейманова О. А. Диалог с *Другим* в академическом дискурсе // Диалог культур. Культура диалога: в поисках передовых социогуманитарных практик : материалы Первой междунар. науч.-практ. конф. — М. : Языки народов мира, 2016. — С. 539–547.

16. Сулейманова О. А. Академический дискурс как непрерывный диалог с *Другим* // Дискурс как универсальная матрица вербального взаимодействия / отв. ред. О. А. Сулейманова. — М. : Ленанд, 2018. — С. 180–199.

17. Сулейманова О. А. Особенности языковой личности в академическом дискурсе // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. — 2019. — № 2 (135). — С. 106–109.

18. Сулейманова О. А. , Фомина М. А., Тивьяева И. В. Принципы и методы лингвистических исследований : учеб. пособие. — М. : Языки народов мира, 2020. — С. 128–141.

19. Тер-Минасова С. Г. Язык, коммуникация и национальная безопасность. — 2014, 7 мая. — URL : https://youtu.be/t6MfsR5mOus (дата обращения: 20.08.2022).

20. Фомина М. А. Маркеры адресанта в научном диалоге // Лингвокультурное образование в системе вузовской подготовки специалиста. — 2017. — Т. 1, № 2 (10). — С. 96–103.

21. Хутыз И. П. Академический дискурс: культурно-специфичная система конструирования и трансляции знаний. — М. : Флинта, 2015. — 176 с.

22. Хутыз И. П. Сторителлинг как коммуникативная стратегия лекционного дискурса: кросскультурная специфика конструирования // Институциональный дискурс: контексты, герои, эмоции. — М. : Флинта, 2020. — С. 204–245.

23. Hyland K. Academic Discourse. — London : Curriculum, 2009. — 215 p.

24. Hyland K., Jiang F. “We must conclude that…”: A diachronic study of academic engagement // Journal of English for Academic Purposes. — 2016. — No. 24. — Pp. 29–42.

25. Sword. H. Stylish Academic Writing. — Harvard University Press, 2016. — 220 p.

26. Tannen D. Talking voices. — New York : Cambridge University Press, 2007. — 244 p.

27. Tareva E., Kazantseva A., Tarev B. The Impact of Addressee Factor for Scientific Text Writing // Integrating Engineering Education and Humanities for Global Intercultural Perspectives. Lecture Notes in Networks and Systems. — 2020. — Vol. 131. — Pp. 751–759. — DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-47415-7_80.

References

1. Arutyunova N. D. *Tipy yazykovyh znachenij. Ocenka, sobytie, fakt* [Types of linguistic meaning. Evaluation. Event. Fact]. Moscow, Science Publ., 1988, 338 p. (In Russian).

2. Borisova E. G. Discourse markers in a text as a sign of dialogue. *Antropologicheskij povorot: teorii i praktiki: Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoi konferencii* [Anthropological Turn: Theories and Practices: Papers of the International scholarly conference]. Orel, Orel State Institute of Culture Publ., 2021, pp. 18–25. (In Russian).

3. Burmakina N. G., Kulikova L. V. *Akademicheskij diskurs: Institucional'nost', stil', zhanry* [Academic discourse: institutionality, style, genres]. Moscow, Lenand Publ., 2019, 200 p. (In Russian).

4. Vikulova L. G. *Kniga i vremia: kniga kak fenomen dialoga kul'tur* [Book and time: Book as the phenomenon of the dialogue of cultures]. 2014, Jan., 26. Available at: https://youtu.be/UakEZAuVXbM (accessed 20.08.2022). (In Russian).

5. Vinokur T. G. *Govoryashchij i slushayushchij: Varianty rechevogo povedeniya* [Speaking and listening: Variants of speech behavior]. Moscow, Lenand Publ., 2017, 176 p. (In Russian).

6. Ermakova L. I., Suhovskaya D. N. Public talk as a form of modern urban dwellers’ intellectual leisure in creative spaces of the city. *Gramota* [Gramota]. 2018, no. 6 (92), pp. 80–84. (In Russian).

7. Kabahidze E. L. Discourse marker *well* in natural and political discourses: ambivalence and bifunctionality. *Inostrannye yazyki v vysshej shkole* [Foreign Languages in Tertiary Education]. 2021, no. 3 (58), pp. 43–53. (In Russian). DOI: 10.37724/RSU.2021.58.3.005.

8. Karasik V. I. *Problemy lingvokul'turnoi semiotiki* [Issues of linguistic and cultural semiotics]. 2016, June, 27. Available at: https://youtu.be/vPOSjhKoQJA (accessed 20.08.2022). (In Russian).

9. Krongauz M. A. *Gipoteza lingvisticheskoi otnositel'nosti* [Linguistic relativity]. 2013, May, 30. Available at: https://youtu.be/QM_GUJtX0PE (accessed 20.08.2022). (In Russian).

10. Krongauz M. A. *Lingvisticheskie konflikty v Internete* [Linguistic conflicts on the Internet]. 2017, June, 29. Available at: https://youtu.be/MjpxXq36PpY (accessed 20.08.2022). (In Russian).

11. Autier-Revue J. Explicit and cognitive heterogeneity: to the problem of Other in discourse. *Kvadratura smysla. Francuzskaya shkola analiza diskursa* [Quadrature of meaning: French school of analysis of discourse]. Moscow, Progress Publ., 1999, pp. 54–95. (In Russian).

12. Plungian V. A. *Korpusnaia lingvistika* [Corpus linguistics]. 2013, June, 4. Available at: https://youtu.be/ico0zGpiBzc (accessed 20.08.2022). (In Russian).

13. Plungian V. A. *Russkii iazyk v sovremennom mire* [The Russian language in the modern world]. 2015, Mar., 9. Available at: https://youtu.be/Abcki8MS474 (accessed 20.08.2022). (In Russian).

14. Sapun T. V., Kulikova L. V. Discursive representation of authoritarianism in academic communication. *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika* [Ecology of Language and Communicative Practice]. 2019, no. 2 (17), pp. 57–66. (In Russian).

15. Suleimanova O. A. Dialogue with the Other in academic discourse. *Dialog kul'tur. Kul'tura dialoga: v poiskah peredovyh sociogumanitarnyh praktik: Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoi konferencii* [Dialogue of Cultures. Culture of Dialogue: in search of advanced socio-humanitarian practices: Papers of the International scholarly conference]. Moscow, Languages of the peoples of the world Publ., 2016, pp. 539–547. (In Russian).

16. Suleimanova O. A. Academic discourse as a continuous dialogue with the Other. *Diskurs kak universal'naya matrica verbal'nogo vzaimodejstviya* [Discourse as a Continuous Matrix of Verbal Interaction]. Moscow, Lenand Publ., 2018, pp. 180–198. (In Russian).

17. Sulejmanova O. A. Features of linguistic persona in academic discourse. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the Volgograd State Pedagogical University]. 2019, no. 2 (135), pp. 106–109. (In Russian).

18. Suleimanova O. A., Fomina, M. A., Tivyaeva, I. V. *Principy i metody lingvisticheskih issledovanij* [Principles and Methods of Linguistic Research]. Moscow, Languages of the peoples of the world Publ., 2020, pp. 128–141. (In Russian).

19. Ter-Minasova S. G. *Iazyk, kommunikatsiia i natsional'naia bezopasnost'* [Language, communication and national security]. 2014, May, 7. Available at: https://youtu.be/t6MfsR5mOus (accessed 20.08.2022). (In Russian).

20. Fomina M. A. The addresser's markers in academic dialogue. *Lingvokul'turnoe obrazovanie v sisteme vuzovskoj podgotovki specialista* [Linguistic and Cultural Education in the System of University Specialist Training]. 2017, no. 2 (10), pp. 96–103. (In Russian).

21. Khoutyz I. P. *Akademicheskiy diskurs: kul'turno-spetsifichnaya sistema konstruirovaniya i translyatsii znaniy* [Academic discourse: a culture-specific system for constructing and translating knowledge]. Moscow, Flinta Publ., 176 p. (In Russian).

22. Khoutyz I. P. Storytelling as a communicative strategy of lecture discourse: cross-cultural specificity of construction. *Institucional'nyj diskurs: konteksty, geroi, emocii* [Institutional discourse: contexts, heroes, emotions]. Moscow, Flinta Publ., 2020, pp. 204–245. (In Russian).

23. Hyland K. *Academic Discourse*. London, Curriculum, 2009, 215 p. (In Russian).

24. Hyland K., Jiang F. "We must conclude that…": A diachronic study of academic engagement. *Journal of English for Academic Purposes*. 2016, no. 24, pp. 29–42.

25. Sword. H. *Stylish Academic Writing*. Harvard University Press, 2016, 220 p.

26. Tannen D. *Talking voices*. New York, Cambridge University Press, 2007, 244 p.

27. Tareva E., Kazantseva A., Tarev B. The Impact of Addressee Factor for Scientific Text Writing. *Integrating Engineering Education and Humanities for Global Intercultural Perspectives.* 2020, vol. 131, pp. 751–759. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-47415-7_80.

Информация об авторе

Чекмаева Наталья Александровна — аспирант, ассистент кафедры языкознания и переводоведения института иностранных языков Московского городского педагогического университета.

Information about the author

Chekmaeva, Natalia — Postgraduate student, a lecturer at the Department of Linguistics and Translation Studies, Institute of Foreign Languages, Moscow City University.

Статья поступила в редакцию 20.04.2022;
одобрена после рецензирования 25.04.2022;
принята к публикации 25.04.2022.

Submitted 20.04.2022;
approved after reviewing 25.04.2022;
accepted for publication 25.04.2022.

Иностранные языки в высшей школе. 2022. № 3 (62). С. 54–62.
Foreign Languages in Tertiary Education. 2022;3(62):54–62.

Научная статья
УДК 811.112’37
DOI: 10.37724/RSU.2022.62.3.006

Когнитивно-матричный анализ репрезентации концепта *Бразилия* в дискурсе СМИ (на материале газет The New York Times и The New York Post)

Ольга Геннадьевна Чупрына
Московский городской педагогический университет, Москва, Россия
chuprinaog@mgpu.ru

Дарья Олеговна Короткевич
Московский городской педагогический университет, Москва, Россия
korotkevichdo@mgpu.ru

Аннотация. Репрезентация стран на страницах газет в современном мире необычайно важна: экономические, торговые и культурные отношения во многом определяют, насколько привлекательной является страна для международного сотрудничества, при этом имидж государства создается в значительной мере при помощи массмедиа. Цель данного исследования заключалась в установлении средств языковой репрезентации концепта Бразилия в газетах The New York Times и The New York Post и представлении его структуры в виде когнитивной матрицы. Материалом исследования послужили 224 статьи из газет The New York Times и The New York Post за 2019 год. Контент-анализ газетного материала был выполнен с помощью программы Wmatrix, в основе интерпретации исследовательского материала лежит когнитивно-матричный анализ. В результате исследования было установлено, что к ядру когнитивной матрицы Бразилия примыкают 9 когнитивных контекстов, репрезентированных 30 лексико-семантическими полями. Самыми объемными по числу соотносящихся с ними языковых единиц являются поля Geographical names, Government, Belonging to a group. Языковая репрезентативность установленных лексико-семантических полей является различной в рассматриваемых газетах. Материал и сделанные выводы способствуют дальнейшему развитию методов лингвистического изучения сложных структур знания, что составляет теоретическую значимость исследования. Материалы статьи также могут быть использованы в курсах по медиалингвистике и межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: когнитивно-матричный анализ, когнитивный контекст, Бразилия, Wmatrix, концепт, когнитивная матрица, медиаобраз.

Для цитирования: Чупрына О. Г., Короткевич Д. О. Когнитивно-матричный анализ репрезентации концепта *Бразилия* в дискурсе СМИ (на материале газет The New York Times и The New York Post) // Иностранные языки в высшей школе. 2022. № 3 (62). С. 54–62. DOI: 10.37724/RSU.2022.62.3.006.

Original article

Cognitive-Matrix Analysis of the Representation of the Concept *Brazil* in Mass-Media Discourse (Based on the Newspapers The New York Times and The New York Post)

Olga G. Chupryna
Moscow City Pedagogical University, Moscow, Russia
chuprinaog@mgpu.ru

Daria O. Korotkevich
Moscow City Pedagogical University, Moscow, Russia
korotkevichdo@mgpu.ru

Abstract. Representation of countries in newspapers is highly important today: economic, commercial and cultural relations largely determine how attractive a country is for international cooperation, and the image of a country is largely created with the help of mass media. The aim of this research was to establish the means of language representation of the concept Brazil in two American newspapers: The New York Times and The New York Post and to present its structure in

© Чупрына О. Г., Короткевич Д. О., 2022

the form of a cognitive matrix. The material of the study was retrieved from 224 articles from The New York Times and The New York Post for 2019. Content analysis of the newspaper material was performed using Wmatrix program, the interpretation of the research material is based on cognitive-matrix analysis. The results of the research show that 9 cognitive contexts, represented by 30 lexical-semantic fields, make up the periphery of the matrix, such fields as Geographical names, Government, Belonging to a Group being the most voluminous in terms of the comprised number of language units. The linguistic representation of the established lexical-semantic fields varies in the newspapers under consideration. The material and conclusions contribute to the further development of linguistic methods of studying complex structures of knowledge, which constitutes the theoretical significance of the study. The materials of the article can also be used in courses on media linguistics and intercultural communication.

Keywords: cognitive-matrix analysis, cognitive context, Brazil, Wmatrix, concept, cognitive matrix, media image.

For citation: Chupryna O. G., Korotkevich D. O. Cognitive-Matrix Analysis of the Representation of the Concept *Brazil* in Mass-Media Discourse (Based on the Newspapers The New York Times and The New York Post). *Inostrannye yazyki v vysshej shkole* [Foreign Languages in Tertiary Education]. 2022; 3(62):54–62. (In Russ.) DOI: 10.37724/RSU.2022.62.3.006.

В 2005 году президент Бразилии Луис Инасиу Лула да Силва сказал: «XIX век был веком Европы, XX — веком США, а XXI станет веком Бразилии». Мало кто тогда воспринял это заявление всерьез, однако последующее десятилетие показало, что Бразилия превратилась в одну из ведущих развивающихся экономик современного мира [Мартынов, 2010, с. 43]. В международной журналистике Бразилию нередко называют страной будущего (“the country of the future”) [Robinson, 2017, p. 150]. Стремление Бразилии получить более весомое положение в мире не остается незамеченным, и, как отмечает А. С. Орлова, «Соединенные Штаты, занимая лидерские позиции в современной системе международных отношений, безусловно, вынуждены реагировать на появление новых сильных игроков на мировой политической сцене, особенно в случае если последние являются еще и влиятельными соседями по региону и в целом по полушарию» [Орлова, 2011, с. 2]. Отсюда следует, что Бразилия становится достаточно значимым компонентом информационной картины мира, создаваемой американской прессой, поскольку «средства массовой информации причастны к процессу создания, изменения и даже навязывания определенной картины мира» [Чупрына, Кригер, 2021 с. 42]. СМИ используют и создают как коллективное, так и индивидуальное знание об окружающем мире. Обращаясь к «повседневному опыту осознанного и неосознанного познания окружающего мира», СМИ воздействуют на формирование значений отдельных языковых единиц и на «формы мыслительной и языковой репрезентации… знаний в их взаимодействии» [Болдырев, 2021, с. 10]. Актуальность предпринятого исследования обусловлена тем обстоятельством, что концепт *Бразилия* как объект американского массмедийного дискурса и как многоаспектное знание, репрезентируемое внутри данного дискурса, не получил сколько-нибудь заметного изучения в лингвистике. Новым является рассмотрение Бразилии как многоаспектного знания, организованного в формат когнитивной матрицы.

Проблема, решаемая в данной статье, заключается в представлении Бразилии как сложно организованного знания, определяющего смыслы и значения языковых единиц в репрезентации данного государства в американских СМИ. Работа опирается на понятие когнитивной матрицы, поскольку концепт *Бразилия* организован «в виде массива знаний, для которого наличие того или иного конкретного компонента является факультативным» [Болдырев, 2021, с. 64]. Когнитивная матрица *Бразилия* может быть представлена в виде ядра и примыкающих к нему когнитивных контекстов. Ядром матрицы выступает объект мысли — Бразилия, значение хоронима *Бразилия*, который является языковым репрезентантом ядра, «становится понятным только при обращении» к определенным концептуальным областям [Там же]. В задачу исследования входит установление когнитивных контекстов, формирующих периферийную область матрицы и представляющих «различные аспекты соответствующего знания, обращение к которым необходимо для понимания содержания… языковых единиц и феноменов» [Там же, с. 63], соотносящихся с когнитивной матрицей *Бразилия*.

Анализ материалов газет The New York Times и The New York Post был выполнен при помощи программы Wmatrix, разработанной Полом Рейсоном (университет Ланкастер). Wmatrix — это программа для корпусного анализа и сравнения текстов, которая включает в себя стандартные корпусные лингвистические методологии, такие как списки частотности (frequency) и конкорданс

(concordances) лексических единиц. В ней также используется метод ключевых слов применительно к ключевым грамматическим категориям и ключевым семантическим областям.

Изучение языковой репрезентации той или иной страны на страницах газет, как правило, затрагивает соотношение понятий *образ* и *имидж*. Многогранность этих понятий сказалась на том, что дискуссия по поводу их определения до сих пор ведется в философских, психологических, лингвистических и иных работах (подробнее см.: [Каримова, 2019, с. 140]). Применительно к дискурсу СМИ в научной литературе укоренилось понятие *медиаобраз*, который, с одной стороны, составляется «читателями на основе восприятия информации», а с другой стороны, «это уже сформированный журналистами образ, передающийся читательской аудитории» [Эбру, 2017, с. 9]. СМИ создают медиаобразы как некие «мысленные конструкции», которые, «укореняясь, становятся общественными нормами, шаблонами или идеалами» [Каримова, 2019, с. 139].

Лингвистическая репрезентация страны на страницах газет обусловливается различными факторами, начиная от специфики размещения статьи о данной стране в газете, частотности употребления хоронима в рамках определенной рубрики и заканчивая контекстами, которыми окружается название страны в периодических изданиях, при этом «ориентация автора на… когнитивную базу массового читателя является одним из важнейших принципов смысловой организации текстов СМИ» [Николаева, 2011, с. 23].

Говоря о специфике американских печатных изданий, необходимо отметить их стойкую тенденцию к политический поляризации, а также деление на таблоиды и широкоформатные издания. The New York Times — широкоформатное издание, нацеленное на аудиторию с демократическими взглядами, в то время как The New York Post представляет собой таблоид, поддерживающий республиканские политические взгляды [Huitsing, 2019]. Согласно данным ресурса Statista за март 2021 года, эти издания входят в десятку самых массовых мировых газетных изданий, что делает их одними из самых влиятельных газет США [Statista, 2021].

При когнитивно-матричном анализе первостепенно выделение и описание компонентов когнитивной матрицы, или когнитивных контекстов, которые структурируют знания об объекте мысли. Согласно результатам компьютерного анализа текстов статей о Бразилии в газете The New York Post за 2019 год, языковая репрезентация данного знания составила 121 лексико-семантическое поле. По частотности употребления релевантных языковых единиц и выражений были по нисходящей выделены 10 основных лексико-семантических полей, содержащих наибольшее число употреблений языковых единиц: *Geographical Names* (638), *Government* (357), *Belonging to a Group* (238), *Law and Order* (234), *Helping* (165), *Temperature: Hot/on Fire* (141), *Warfare: Defence and the Army* (131), *Violent/Angry* (121), *Dead* (98), *Green Issues* (80) (рис. 1).

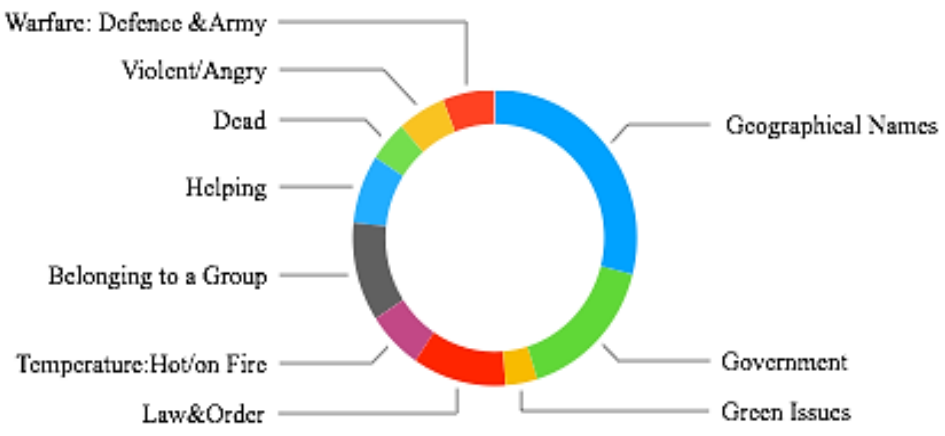

Рис. 1. Лексико-семантические поля матрицы *Бразилия,* выделенные по материалам газеты The New York Post

На основании выделенных программой Wmatrix лексико-семантических полей было установлено четыре когнитивных контекста, раскрывающих ядро матрицы *Бразилия*. Контекст *география*

объединяет в себя единицы, входящие в лексико-семантическое поле *Geographical Names*, а также прослеживается связь данных единиц с другими лексико-семантическими полями через их распределение в различных контекстах. Контекст *экология* реализуется через такие лексико-семантические поля, как *Green Issues, Temperature: Hot/on Fire, Helping*, взаимосвязь которых обеспечивается темой лесных пожаров. Контекст *государственное устройство* объединяет следующие лексико-семантические поля: *Government, Belonging to a Group*. К когнитивному контексту *правосудие* относятся такие лексико-семантические поля, как *Law and Order, Warfare: Defence and the Army, Violent/Angry, Dead.*

Анализ газеты The New York Times при помощи программы Wmatrix выявил бóльшее количество лексико-семантических полей по сравнению с республиканским таблоидом The New York Post — 167. На их основе программой были выделены лексико-семантические поля с наибольшей численностью языковых единиц — 20: *Geographical names* (2 973), *Personal names* (2 634), *Government* (1 829), *In power* (1 104), *Law and order* (1 067), *Places* (993), *Belonging to a group* (951), *Politics* (875), *Helping* (768), *Geographical terms* (659), *Temperature: Hot/on fire* (537), *Warfare/defence and the army/Weapons* (527), *Violent/Angry* (497), *Green issues* (450), *Crime* (389), *Business: Generally* (387), *Dead* (371), *Hindering* (275), *Farming & Horticulture* (225), *Industry* (199) (рис. 2).

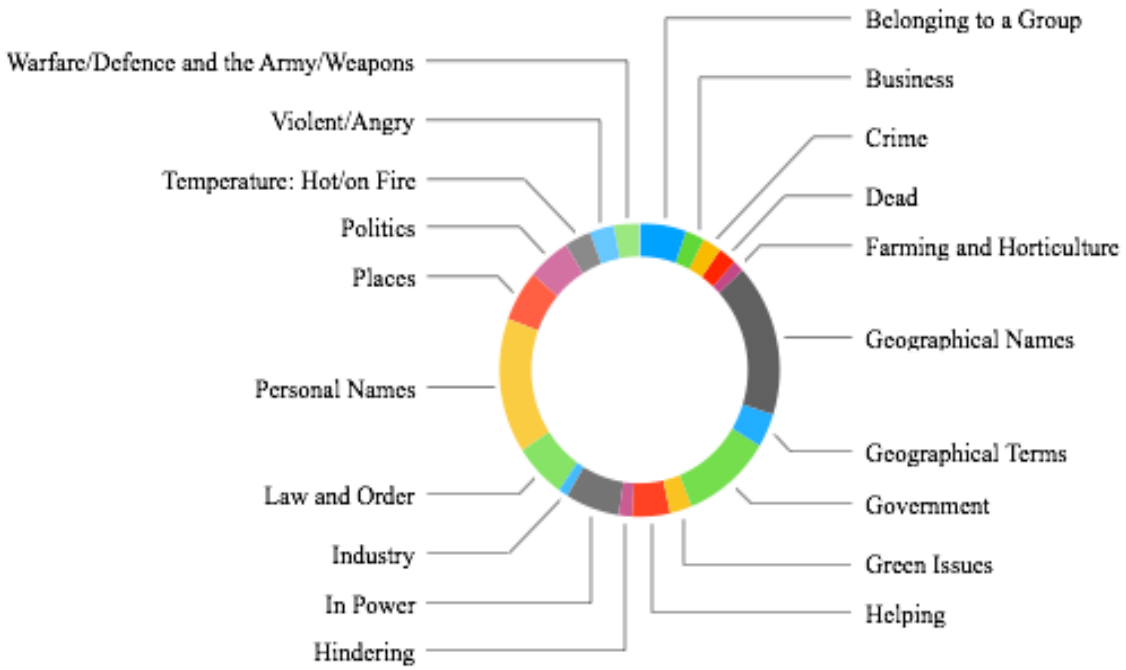

Рис 2. Лексико-семантические поля матрицы *Бразилия*, выделенные по материалам газеты The New York Times

Лексико-семантические поля, обнаруженные в данном издании, также формируют когнитивные контексты вокруг ядра *Бразилия.* По аналогии с анализом предыдущего издания, в The New York Times были отмечены когнитивные контексты на основании входящих в них лексико-семантических полей. Контекст *география* сосредотачивает в себе такие поля, как *Geographical names, Places, Geographical terms*. Контекст *экология* соотносится с лексико-семантическими полями *Temperature: Hot/on fire, Green issues, Helping.* Контекст *государственное устройство* объединяет лексико-семантические поля *Personal names, Government, In power, Belonging to a group, Politics*. Когнитивный контекст *правосудие* получает репрезентацию через лексико-семантические поля *Law and order, Warfare/defence and the army/Weapons, Violent/Angry, Crime, Dead.* Контекст *отрасли экономики* присущ только для газеты The New York Times и включает в себя поля *Business: Generally, Farming & Horticulture, Industry*. Также программой Wmatrix было выделено лексико-семантическое поле *Hindering*, которое нельзя отнести ни к одному из установленных контекстов. Таким образом, в данном издании выделяется пять когнитивных контекстов, в то время

как в The New York Post их четыре. Данные четыре контекста (*география, экология, государственное устройство, правосудие*) присущи обоим изданиям, однако в каждом составляющие их лексико-семантические поля будут различаться.

Анализ показал, что 10 лексико-семантических полей, составляющих различные когнитивные контексты вокруг ядра *Бразилия*, также совпадают в обеих исследуемых газетах. Лексико-семантические поля, соотносящиеся с этими контекстами, различаются по частотности употребления входящих в них лексических единиц. В The New York Times количественное наполнение каждого поля, имеющего аналог в газете The New York Post, будет выше в несколько раз. Так, для лексико-семантического поля *Geographical Names* количественный показатель частотности употребления в The New York Post составляет 638 случаев, в то время как в The New York Times этот показатель равен 2 973. Следующим лексико-семантическим полем с наибольшим количественным наполнением являются *Government* и *Personal Names*: в The New York Post — 357 случаев употребления, в The New York Times — 2 634. Далее следуют общие для обеих газет поля: *Belonging to a Group* и *Government, Law&Order* и *In Power, Helping* и *Law&Order*. Результаты статистического анализа каждого из выделяемых лексико-семантических полей можно представить в таблице.

Таблица

Количественное распределение лексико-семантических полей,
установленных в газетах The New York Times и The New York Post

Лексико-семантическое поле	The New York Post	The New York Times
1. Geographical Names	638	2 973
2. Government	357	1 829
3. Belonging to a Group	238	951
4. Law and Order	234	1067
5. Helping	165	768
6. Temperature: Hot/on Fire	141	537
7. Warfare: Defence and the Army	131	527
8. Violent/Angry	121	497
9. Dead	98	371
10. Green Issues	80	450
11. Personal Names	не выявлено	2 634
12. In Power	не выявлено	1 104
13. Places	не выявлено	993
14. Politics	не выявлено	875
15. Geographical Terms	не выявлено	659
16. Crime	не выявлено	389
17. Business: Generally	не выявлено	387
18. Hindering	не выявлено	275
19. Farming & Horticulture	не выявлено	225
20. Industry	не выявлено	199

Анализ количественного распределения лексико-семантическим полей показал, что 50 % полей, установленных в газете The New York Times, совпадает с полями, выделяемыми в The New York Post. Иными словами, 10 полей с наибольшей языковой репрезентативностью, обнаруженных в демократической The New York Times, также имеют место в республиканской газете The New York Post.

Данные поля соответствуют основным концептуальным областям, в которых формируется знание о Бразилии, транслируемое рассматриваемыми СМИ своим читательским аудиториям. В статьях газеты The New York Times отмечается обращение к большему разнообразию концептуальных областей: в ней отдельно выделяются такие немаловажные лексико-семантические поля, как *Crime, Business, Farming&Horticulture, Industry, in Power, Hindering, Places, Politics*, не представленные в The New York Post как самостоятельные концептуальные области.

Лексико-семантическое поле ***Geographical Names*** характерно для обоих изданий, но соотносящиеся с ним лексические единицы различны по своей численности. Установленные поля содержат названия государств и географических регионов, среди которых наиболее частотным именем, встречающимся в обоих изданиях, является хороним *Brazil*. Данные программы Wmatrix показывают, что названия географических объектов, составляющих данную категорию в газете The New York Times, относятся к объектам с более широким географическим распространением. Общими для обеих газет оказываются такие названия стран и географических территорий, как *Amazon, Brasilia, USA/United States, Venezuela, Argentina, Europe*. В газете The New York Times в статьях о Бразилии пространство взаимодействия Бразилии с другими странами мира представлено в большей степени за счет использования таких имен, как *France, China, Russia/Russian, Ukraine, Israel, Lebanon, Pakistan, Norway, Brussels, Himalayas*.

Следующим лексико-семантическим полем, часто употребляемым в обоих изданиях, выступает ***Government***. В данном случае также можно отметить тенденцию, выявленную при анализе предыдущего лексико-семантического поля: в газете The New York Times наполненность данного поля отличается большим разнообразием и детализацией по сравнению с The New York Post, в него входят такие единицы, как *intergovernmental, diplomatic, parliamentarian, ambassadorial, anti-establishment, health_secretary, civil_service, local_council, House_of_Commons, treasury*. В The New York Post данное поле представлено преимущественно терминами, которые описывают базовые элементы политической организации общества: *delegates, licenses, diplomats, governments, international_relations.* При этом для обоих изданий характерно высокое использование следующих единиц: *president* (94 случая употребления в The New York Post, 396 — в The New York Times), *government* (30/222), *country* (29/113), *state* (23/107), *officials* (21/167), *authorities* (17/43).

Лексико-семантическое поле ***Green Issues*** форматирует знания об экологии и окружающей среде. Оно получает равномерную репрезентацию на страницах обоих изданий. Ведущими в каждом случае являются пять лексических единиц: *environmental* (34 случая употребления в The New York Post, 173 — в The New York Times), *deforestation* (20/152), *environment* (15/51), *environmentalists* (13/15), *pollute* (10/13). В The New York Times определяются такие салиентные лексические единицы, как *ecosystem, conservation_areas, deforestation_driven, deforestation_work, ecology, environment_departure, conservationist*. Слова *environment_departure, conservationist* присутствуют также в лексико-семантическом поле, соотносящемся с когнитивным контекстом *государственное устройство*.

Лексико-семантическое поле ***Law and Order*** является общим для обоих изданий. Его языковая репрезентация будет различной: в газете The New York Post доминируют лексические единицы, обозначающие места лишения свободы — *prison, polic*e, *inmates, prisoners*, в то время как в издании The New York Times в данном поле преобладают такие единицы, как *police, prosecutors, prison, court, law, judge*, семантически связанные с судебно-правовой системой.

Лексико-семантическое поле ***Temperature: Hot/on Fire*** появляется в рассматриваемых газетах в 2019 году, когда в Бразилии горели леса Амазонки. Анализ демонстрирует совпадение лексических единиц, соотносящихся с данным полем. В обоих изданиях отмечены такие высокочастотные слова, как *fires* (53 случая употребления в The New York Post, 277 — в The New York Times), *blazes* (15/26), *burn* (9/14), *burning* (8/13), *burned* (5/13), *firefighters* (7/9). Контент-анализ конкорданса показал связь данных лексических единиц с другим когнитивным контекстом — *география*, так как значительная часть их употреблений контекстуально связна с единицей *Amazon.*

Лексико-семантическое поле ***Belonging to a Group*** отличается степенью наполненности языковыми единицами в анализируемых изданиях. В газете The New York Post наиболее частотными являются следующие единицы: *tribe* (23 случая употребления), *members* (22), *federal* (19), *group* (15),

team (12), *public* (12), *gang* (10); в The New York Times данное поле репрезентируют такие единицы, как *federal* (115), *group* (90), *members* (50), *communities* (35), *team* (38), *assembly* (32), имеющие отношение к официальным, государственным организациям. Лексические единицы, используемые в The New York Post, больше связаны с локальными группировками людей, при этом особенно примечательна высокая частотность слова *tribe* (23 случая употребления) в данном издании, использование которого способствует привлечению внимания к коренным народам Бразилии.

Лексическая наполненность лексико-семантического поля ***Helping*** одинакова в обоих изданиях, наиболее частотными единицами являются *help* (27 случаев употребления в The New York Post, 63 — в The New York Times), *aid* (27/56), *protected* (12/28), *support* (12/24), *service* (3/13).

Лексико-семантическое поле ***Dead*** отличается схожей репрезентацией в обоих изданиях, где ключевыми единицами выступают *killed* (20 случаев употребления в The New York Post, 66 — в The New York Times), *deaths* (9/37), *died* (12/20), *dead* (12/30), *massacre* (2/7), *murder* (2/3). При этом в The New York Times можно отметить высокую частотность слов *assassination* (7), *slaughterhouses* (7), а в газете The New York Post высокой частотностью обладает лексическая единица *genocide* (три случая употребления против одного в The New York Times).

Лексико-семантическое поле ***Violent/Angry*** в издании The New York Times представлено глаголами, прилагательными и существительными, связанными с эмоциональным состоянием, самые частотные из которых — *violence* (57), *threats* (31), *attack* (25), *violent* (19), *threatened* (18), *outrage* (18), *rampant* (9). В газете The New York Post наибольшая частотность характерна для единицы *violence* (20), *attack* (14), *riot* (6), *threatened* (4).

Анализ лексико-семантического поля ***Warfare: Defence and the Army*** показал, что в обоих изданиях оно является лексически наполненным и представлен 53 различными единицами в газете The New York Post и 99 единицами в The New York Times. При этом наблюдается совпадение пяти основных лексических единиц: наиболее частотными словами в обоих случаях выступают *military* (28 единиц в The New York Post, 86 — в The New York Times), *army* (7/18), *gun* (4/16), *shot* (4/14), *shooting* (4/6). Примечательным является факт высокой частотности использования лексической единицы *militia/militias* (8 случаев употребления) в газете The New York Times при ее полном отсутствии в статьях The New York Post. Анализ конкорданс показал связь данного слова с другими когнитивными контекстами — *правосудие*, так как контекст употребления слов связан с единицами, имеющими отношение к семантической области «правонарушение» (*operate in the shadows, illegal, criminal underworld run by former and current law enforcement, heavily-armed paramilitary group*), а также к когнитивному контексту *государственное устройство* через лексическую единицу *president.*

Использование программы Wmatrix позволило выявить 30 основных лексико-семантических полей, соотносящихся с 9 когнитивными контекстами, сформированных вокруг ядра когнитивной матрицы *Бразилия* в статьях американских газет The New York Times и The New York Post за 2019 год, основными из которых, с точки зрения степени языковой репрезентативности, являются 10. Общее число установленных лексико-семантических полей отличается по изданиям: в газете The New York Times их было выявлено 20, то есть в два раза выше, чем в другом анализируемом издании. Когнитивные контексты форматируют многоаспектное знание о зарубежном государстве, внутри данных контекстов складываются определенные языковые значения и смыслы, организуемые в лексико-семантические поля. Анализ численной наполненности лексико-семантических полей, совпадающих в обоих изданиях, показал, что наиболее частотные единицы (*Amazon, Brasilia, USA/United States, Venezuela, Argentina, Europe* в поле *Geographical Names*; *president, government, country, state, officials, authorities* в поле *Government*; *environmental, deforestation, environment, environmentalists, pollute* в поле *Green Issues; fires, blazes, burn, burning, burned, firefighters* в поле *Temperature: Hot/on Fire; help, aid, protected, support, service* в поле *Helping; killed, deaths, died, dead, massacre, murder* в поле *Dead*; *violence, attack, threatened* в поле *Violent/Angry; military, army, gun, shot, shooting* в поле *Warfare: Defence and the Army*) совпадают в обеих исследуемых газетах. При этом лексическая наполненность контекстов *Geographical Names, Government, Law and Order, Warfare: Defence and the Army* в газете The New York Times представляется более детальной и менее эмоционально окрашенной, чем в текстах The New York Post.

Список источников

1. Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику : курс лекций. — Тамбов : Изд. дом «Державинский», 2021. — 236 с.

2. Каримова К. Р. Понятия «образ» и «имидж» в практике СМИ и научных исследованиях // Знак: проблемное поле медиаобразования. — 2019. — № 4 (34) — С. 138–144.

3. Мартынов Б. Ф. Бразилия: приоритеты и фобии восходящей державы // Индекс безопасности. — 2010. —Т. 16, № 4 (95). — С. 43–57.

4. Николаева М. Н. Интертекстуальность как реальность языка и культуры // Пространство языка: лингвистические и методические реальности : сб. докл. на Междунар. науч. конф. / редкол. Е. Е. Чикина (отв. ред.), Т. М. Тяпкина, А. А. Негрышев. — Владимир : Владимирский гос. ун-т им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, 2011. — С. 22–27.

5. Орлова А. С. Взаимоотношения США и Бразилии в контексте становления современного мирового порядка : автореф. дис. … канд. полит. наук : 23.00.02. — М., 2011. — 37 с.

6. Чупрына О. Г., Кригер Е. И. Языковая репрезентация социополитической реальности в дискурсе американских СМИ // Вестник Московского городского педагогического университета. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». — 2021. — № 1 (41). — С. 42–52. — DOI: 10.25688/2076-913X.2021.41.1.05.

7. Эбру А. Языковые средства создания образа политического деятеля в американских и британских СМИ : автореф. дис. … канд. филол. наук : 10.02.04. — М., 2017. — 24 с.

8. Huitsing M. Media bias fact check New York Post. — 2019. — URL : https://mediabiasfactcheck.com/ new-york- post/ (дата обращения: 15.04.2022).

9. Laura Robinson. Brazil: Media from the Country of the Future (Studies in Media and Communications) // Bingley: Emerald Publising Limited. — 2017. — 440 p.

10. Statista. — 2021. — URL : https://www.statista.com/statistics/272790/circulation-of-the-biggest-daily-newspapers-in-the-us/ (дата обращения: 10.04.2022).

11. Wmatrix. — 2021. — URL : https://ucrel.lancs.ac.uk/wmatrix/ (дата обращения: 22.04.2022).

References

1. Boldyrev N. N. *Kognitivnaya semantika. Vvedeniye v kognitivnuyu lingvistiku: kurs lektsiy* [Cognitive semantics. Introduction to cognitive linguistics: a course of lectures]. Tambov, Derzhavinsky Publ. House, 2021. 236 p. (In Russian).

2. Karimova K. R. The concepts of “image” and “image” in media practice and scientific research. *Znak: problemnoye pole mediaobrazovaniya* [Sign: problem field of media education]. 2019, no. 4 (34), pp. 138–144. (In Russian).

3. Martynov B. F. Brazil: Priorities and Phobias of the Rising Power. *Indeks bezopasnosti* [Security Index]. 2010, vol. 16, no. 4 (95), pp. 43–57. (In Russian).

4. Nikolaeva M. N. Intertextuality as reality of language and culture. *Prostranstvo yazyka: lingvisticheskiye i metodicheskiye real'nosti: sb. dokl. na Mezhdunar. nauch. konf* [The space of language: linguistic and methodological reality: coll. of reports at the International Scientific Conference]. Ed. board: E. E. Chikina (responsible ed.), T. M. Tyapkina, A. A. Negryshev. Vladimir, Vladimir State University named after A. G. and N. G. Stoletov Publ., 2011, pp. 22–27. (In Russian).

5. Orlova A. S. *Vzaimootnosheniya SSHA i Brazilii v kontekste stanovleniya sovremennogo mirovogo poryadka* [Relationship between the United States and Brazil in the context of the formation of the modern world order]. Abstract of the thesis dis., 23.00.02. Moscow, 2011, 37 p. (In Russian).

6. Chupryna O. G., Kriger E. I. The language representation of sociopolitical reality in the discourse of the American media. *Yazykovaya reprezentatsiya sotsiopoliticheskoy real'nosti v diskurse amerikanskikh SMI* [Bulletin of the Moscow City Pedagogical University. Ser. Philology. Theory of Language. Language Education]. 2021. no. 1 (41). pp. 42–52. DOI: 10.25688/2076-913X.2021.41.1.05. (In Russian).

7. Ebru A. *Yazikovyie sredstva sozdaniya obraza politicheskogo deyatelya v americanskih i britanskih SMI* [Linguistic means of creating the image of a political figure in American and British media]. Abstract of the thesis dis., 10.02.04. Moscow, 2017, 24 p. (In Russian).

8. Huitsing M. *Media bias fact check New York Post.* 2019. Available at: https://mediabiasfactcheck.com/ new-york- post/ (accessed 15.04.2022).

9. Laura Robinson. *Brazil: Media from the Country of the Future (Studies in Media and Communications).* Bingley, Emerald Publ. Limited, 2017, 440 p.

10. *Statista.* Available at: https://www.statista.com/statistics/272790/circulation-of-the-biggest-daily-newspapers-in-the-us/ (accessed 10.04.2022).

11. *Wmatrix.* Available at: https://ucrel.lancs.ac.uk/wmatrix/ (accessed 22.04.2022).

Информация об авторах

Чупрына Ольга Геннадьевна — доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии института иностранных языков Московского городского педагогического университета.

Короткевич Дарья Олеговна — ассистент кафедры английской филологии института иностранных языков Московского городского педагогического университета.

Information about the authors

Chupryna, Olga — Doctor of Philology, Professor of the Department of English Philology at the Institute of Foreign Languages, Moscow City Pedagogical University.

Korotkevich, Daria — Assistant of the Department of English Philology of the Institute of Foreign Languages, Moscow City Pedagogical University.

Статья поступила в редакцию 18.06.2022;
одобрена после рецензирования 27.07.2022;
принята к публикации 27.07.2022.

Submitted 18.06.2022;
approved after reviewing 27.07.2022;
accepted for publication 27.07.2022.

РАЗДЕЛ II

АНАЛИЗ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ В ЛИНГВОКУЛЬТУРНОМ И ПЕРЕВОДЧЕСКОМ АСПЕКТАХ

Иностранные языки в высшей школе. 2022. № 3 (62). С. 63–71.
Foreign Languages in Tertiary Education. 2022;3(62):63–71.

Научная статья
УДК 811.1/.8; 81.255; 398.91
DOI: 10.37724/RSU.2022.62.3.007

Факторы адекватного перевода на русский язык пословиц разноструктурных языков *

Михаил Алексеевич Бредис
Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
briedis@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются основные факторы адекватного словарного перевода пословиц типологически разных языков. Среди данных факторов — семантическая вариативность пословиц, композиционная и образная структура, лексико-грамматическая организация, этнокультурная маркированность. Цель исследования состоит в том, чтобы проиллюстрировать их значимость и особенности проявления при переводе с типологически разных языков на русский язык, особенно при составлении двуязычных или многоязычных паремиографических сборников. Научная новизна заключается в том, что роль провербиальных факторов перевода описывалась с привлечением материала славянской, балтийской, финно-угорской, тюркской, монгольской и мон-кхмерской групп языков, которые относятся к разным типам языков: флективным, агглютинативным и изолирующим. Исследование проводилось на примере ряда пословиц русского, русинского, латгальского, латышского, литовского, карельского, финского, турецкого, тувинского, монгольского и кхмерского языков. Результат исследования показал, что провербиальные факторы перевода пословиц действуют для всех рассмотренных типов языков. Выделяются особенности передачи при переводе на русский язык национальной специфики и важность лингвокультурологического комментария для пословиц. Отмечается необходимость подбора семантических аналогов переводимых пословиц из русского языка.

Ключевые слова: пословица, паремия, перевод, провербиальные факторы перевода, паремиографический сборник, этнокультурная маркированность, семантическая вариативность, лингвокультурологический комментарий, паремиология, разноструктурные языки.

Для цитирования: Бредис М. А. Факторы адекватного перевода на русский язык пословиц разноструктурных языков // Иностранные языки в высшей школе. 2022. № 3 (62). С. 63–71. DOI: 10.37724/RSU.2022.62.3.007.

Original article

Factors of Adequate Translation into Russian of Proverbs from Typologically Diverse Languages

Mikhail A. Bredis
Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia
briedis@yandex.ru

Abstract. The paper deals with the main proverbial factors of adequate vocabulary-based translation of proverbs from typologically different languages. Among the main proverbial factors are semantic variability of a proverb, its composition and lexico-grammatical structure, as well as the presence of ethnically and culturally marked notions and

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00305.

© Бредис М. А., 2022

tropes. The purpose of the study is to illustrate their significance and features of manifestation when translating from typologically different languages into Russian, especially when compiling bilingual or multilingual paremiographic collections. The academic novelty of the work lies in the fact that the role of the proverbial translation factors is described with the involvement of the material of the Slavic, Baltic, Finno-Ugric, Turkic, Mongolian and Mon-Khmer groups of languages, which belong to different types of languages: inflectional, agglutinative and isolating. The study is based on a number of proverbs in the Russian, Rusin, Latgalian, Latvian, Lithuanian, Karelian, Finnish, Turkish, Tuvan, Mongolian and Khmer languages. The result of this study showed that the proposed proverbial factors of proverb translation are valid for all types of languages considered. These factors do not act separately, but most often in combination. In search of adequate translation, stress is laid on national specifics and the importance of linguo-culturological commentary for proverbs, as well as on looking for semantic analogies in the Russian language.

Keywords: proverb, paroemia, translation, proverbial factors of translation, paremiographic collection, ethno-cultural marking, semantic variability, linguoculturological commentary, paremiology, typologically diverse languages.

For citation: Bredis M. A. Factors of Adequate Translation into Russian of Proverbs from Typologically Diverse Languages. *Inostrannye yazyki v vysshej shkole* [Foreign Languages in Tertiary Education]. 2022; 3(62): 63–71 (In Russ.). DOI: 10.37724/RSU.2022.62.3.007.

Введение

Перевод рассматривается современными лингвистами как комплексное многоаспектное явление. Согласно В. Н. Иванову, в комплексном понимании перевод трактуется как 1) языковая, 2) культурная, 3) семиотическая (знаковая), 4) содержательная смысловая (когнитивная) и 5) коммуникативная реальность. Каждый из аспектов устанавливает то, что отличает перевод от обычной работы языкового знака [Иванов, 2017, с. 20].

Помимо этих общих аспектов перевода для пословиц, как и для других единиц языка, существуют и свои частные факторы, которые определяют специфику их перевода. В связи с этим важным представляется установление провербиальных факторов перевода, то есть «таких характеристик пословичной формы и содержания, которые прямо и непосредственно влияют на адекватность передачи этнокультурной и языковой специфики пословиц при их переводе на другой язык» [Бредис, Иванов, 2022, с. 20]. К провербиальным факторам словарного перевода относятся: семантическая вариативность, композиционно-образная структура, лексико-грамматическая организация, этнокультурная маркированность пословичных образов и понятий [Там же].

Цель данной работы состоит в том, чтобы в подтверждение высказываемых теоретических положений о провербиальных факторах адекватного перевода привести и проанализировать характерные примеры перевода пословиц типологически различных языков на русский и подбора семантических аналогов переводимых пословиц из русского языка. Для этого из авторитетных паремиографических сборников были отобраны примеры отдельных пословиц русинского, латгальского, латышского, литовского, финского, карельского, турецкого, тувинского, монгольского и кхмерского языков. Данные языки относятся к трем разным типам языков: флективному, агглютинативному, изолирующему.

Фактор семантической вариативности пословицы

Одной из трудностей в переводе пословиц является их семантическая вариативность. Находясь на грани между языковым знаком и фольклорным текстом, пословица имеет базовое и ситуативное значение. В отличие от песен и отчасти загадок пословица никогда не произносится просто так, а всегда по поводу. Она всегда непосредственно связана с контекстом и представляет собой знак ситуации. При этом как фольклорный текст она может выступать относительно самостоятельно (без контекста). Перевод пословицы без контекста предполагает наличие некого багажа лингвокультурологических знаний переводчика для обеспечения адекватности перевода. Но «чисто семантический, внеконтекстный, виртуальный» способ толкования пословицы приводит лишь к гипотетическому результату, выявляющему предполагаемый «семантический потенциал» пословицы, когда чрезвычайно трудно верифицировать интерпретацию, особенно имея дело с культурами других народов [Krikmann, 2009, p. 15]. В речи контекст пословицы может определяться не только намерением говорящего, но иногда и выражением его лица и интонацией. Кроме того, многое, по

выражению финского исследователя Матти Кууси, зависит от того, произносится ли пословица как «ода или как сатира» [Kuusi, 1994, p. 107].

Примером семантической вариативности, затрудняющей перевод, может служить тувинская пословица *«Кыш эртер, Кылык частыр»* [ППТН, 2020, с. 111]. На первый взгляд, ее перевод на русский довольно прост: «Зима пройдет, тревоги улягутся». Этот перевод дает и словарь. Образы пословицы ясны. Ключевая идея этой паремии — мысль о том, что все пройдет. Образ суровой зимы, особенно для народа с кочевыми традициями, говорит о больших трудностях и заботах, связанных с зимовкой людей и скота. Мы можем подобрать соответствующий семантический эквивалент в русском: «Весна да лето, пройдет и не это».

Однако семантическая вариативность тувинской пословицы позволяет перевести ее по-другому. Вторую часть — кылык частыр — можно понимать как «остыть, отойти от гнева». В этом случае пословица приобретает новую интерпретацию при реконструкции ее ситуативного значения. Тут речь идет о гневе и ссорах. По-тувински «кылык» означает «вспыльчивость, запальчивость, раздражительность». В таком контексте образ зимы (кыш) — метафора гнева, вспышки раздражения, которые должны успокоиться. Ключевой идеей пословицы становится мысль «вспыльчивый отходчив», а частичным семантическим эквивалентом в русском языке может быть «Крута горка, да отходчива».

Таким образом, учитывая фактор семантической вариативности, в качестве перевода на русский тувинской пословицы «Кыш эртер, Кылык частыр» можно предложить такой вариант, как «Зима пройдет, тревоги (обиды, гнев) улягутся (утихнут)» [Бредис, Иванов, 2022, с. 22].

Представляется, что традиционные общеупотребительные пословицы всегда должны иметь одно и то же значение в конкретной ситуации. Однако это не так, и приходится согласиться с литовской исследовательницей Л. Кудиркене, что нельзя быть уверенным в том, что фраза (пословица), записанная более ста лет назад, имела в виду абсолютно то же, что и сейчас [Kudirkienė, 2007, psl. 13]. В картотеке Литовского института литературы и фольклора имеется старинная пословица: “*Lobis budina, vargas migdina”* («Богатство пробуждает, а горе усыпляет»). Ее ключевую мысль можно представить так: «Богатство не дает его обладателю спокойно спать, порождая опасения, заботы или угрызения совести». Пословица так и воспринимается современными литовцами. Однако в словаре Йокубаса Бродовскиса (XVIII век) она снабжена комментарием: богатство дает человеку стимул, не дает «дремать», а бедность подавляет, делает его пассивным. В качестве семантического эквивалента к ней Й. Бродовскис приводил немецкую пословицу “*Guth macht Muth, Armuth wehe thut”* («Богатство дает смелость, а бедность причиняет горе»). Семантическая вариативность проявилась в том, что спустя столетия базовое значение этой пословицы изменилось на противоположное. Все дело в деметафоризации паремии: в сборнике XVIII века глаголы “budina”, “migdina” («пробуждает», «усыпляет») воспринимались современниками как метафоры, а в наши дни пословица имеет почти буквальный смысл — как обобщение [Бредис, 2019, с. 103]. И только комментарии в словарях помогли установить сдвиг значения пословицы с течением времени.

Фактор композиционно-образной структуры

Композиционно-образная структура принадлежит к провербиальным факторам перевода. Она может отличаться в различных лингвокультурах. В русском языке преобладают образные пословицы, восходящие к меткой народной речи, а в английском языке более половины пословичного фонда составляют единицы, лишенные предметной образности, которые в своем большинстве восходят к письменным источникам [Бредис, Иванов, 2022, с. 23]. Для тувинских пословиц характерна двучленная композиция: в плане образов пословица представляет как бы сопоставление двух миниатюрных картинок. При этом общее значение пословица приобретает в результате объединения образов. Приведем в пример тувинскую пословицу: *«Аксыҥ-биле аал көжүрбе, Дылыҥ-биле дыт ужурба»*, которая в словаре К. Будупа переводится как «Языком дерево не вали, Словом аал не переноси» [ППТН, 2020, с. 14]. При этом в переводе композиционные части переставлены местами, а слово «дыт» переведено как дерево вообще (ыяш), хотя «дыт» по-тувински значит «лиственница». Думается, что при переводе необходимо сохранять композицию, а также образность и ее лексическое выражение в пословицах. Так, использование слова «лиственница» придает пословице

другой смысл, поскольку лиственница относится к числу наиболее твердых пород дерева, и потому рубить языком лиственницу — еще большая гипербола. Аналогичная по модели пословичная образность встречается и в других языках. Например, латгальский эквивалент тувинской пословицы построен на основе близкой структурно-семантической модели: *“Ar mēli pilis ceļ, ar dorbim — aizkrōsnē sēd”* («Языком замки строит, на деле — за печкой сидит») [Opincāne, 2000, lp. 6], «где используется такой же невозможный, как и “рубка лиственницы языком”, образ “строительства замка посредством языка как анатомического органа”, ср.: ar mēli = дылың-биле (языком)» [Бредис, Иванов, 2022, с. 25].

Довольно проста для перевода турецкая пословица *“Ayının kırk türküsü varmış, hepsi de ahlat üstüne”* («У медведя сорок песен, и все они о груше») [Епифанов, 2006, с. 30]. Однако при ее переводе для паремиологического словаря (двуязычного или полилингвального) уместен лингвокультурологический комментарий. Интересен образ медведя и груши в сравнении с русскими образами медведя и малины, меда. Также в словаре желательно подобрать семантический эквивалент этой пословицы в русском языке: «У кого что болит, тот про то и говорит».

Приведем пример кхмерской пословицы, образность которой создает на первый взгляд впечатление некой бессмыслицы для человека, незнакомого с кхмерской лингвокультурой. В оригинальном написании она выглядит так:

មនុស្សនិងប្រាក់

យក្សនិងសាច់

ឆ្កែនិងអាចម៍

អាចារ្យនិងតែ

Буквальный перевод: «Человек и деньги / якк (злой дух) и мясо / собака и кал / учитель (монах?) / задаток (или чай?)». Здесь особенно ярко проявляется роль лингвокультурологического комментария, без которого человеку другой культуры сложно понять смысл паремии. На одном из кхмерских пословичных сайтов дается подробный комментарий с объяснениями. Первая пара образов — человек и деньги — говорит о том, что человек падок на деньги (человек и деньги, как железо и магнит). Вторая пара образов — якк и мясо — для камбоджийцев не нуждается в пояснении. Якки (якхи, якшас) — это пришедшие из индийской в кхмерскую мифологию сверхъестественные существа низшего порядка, которые чрезвычайно падки на мясо. По той же логике можно понять и остальные пары. В следующей паре — собака и кал — возможно, имеется в виду нечто вроде того, о чем говорилось в послании святого апостола Петра (2Пет. 2:20): «Но с ними случается по верной пословице: *пес возвращается на свою блевотину*, и: вымытая свинья идет валяться в грязи» (курсив наш. — *М. Б.*). И последняя пара должна трактоваться как *учитель* и *задаток*. В такой трактовке мы получим следующую рекомендацию: «Не доверяй человеку деньги, якку — мясо, собаку не пускай к навозу, а учителю не давай задатка» [Бредис, 2019, с. 107]. Чаще всего в Камбодже употребляется только первая или две первые пары образов: человек и деньги, якк и мясо.

Образность еще одной кхмерской пословицы также требует лингвокультурологического комментария:

ក្រពើវង្វេងបឹង — «Крокодил перепутал озеро» [ТСКП, 2011, с. 57].

В кхмерском толковом словаре пословиц Ли Тхайли указывается, что крокодил в этой паремии олицетворяет неблагодарность, а озеро — это поддержка, помощь, убежище, предоставленные другими людьми. В ней осуждается неблагодарность человека по отношению к людям, которые помогали ему в свое время. Речь может идти о человеке, добившемся высокого поста и забывшего тех, кто ему помогал в карьере, или о человеке, забывшем своих родителей. В качестве примера приводится ситуация из относительно недавней истории Камбоджи, к которой подходит эта пословица: некие молодые люди, бросив учебу в буддийском монастыре, ушли вершить революцию, а вернувшись, выгнали монахов и разорили монастырь. О таких людях, не помнящих добра, кхмеры говорят: «Крокодил, перепутавший озеро». Корни этой пословицы, несомненно, уходят к кхмерским народным сказкам, где крокодил нападает на буйвола, освободившего его от пут, которыми его связали охотники. В камбоджийском сегменте Интернета можно найти видео спектакля под названием

«Крокодил перепутал озеро», в котором инсценируется история с неблагодарным крокодилом [ТСКП, 2011, с. 57].

Сложна для понимания финская пословица *“Oma maa mansikka”* (буквально «Свой край — земляника»), приводимая финской исследовательницей Л. Гранбом-Херранен [Granbom-Herranen, 2014, p. 115]. При простоте буквального перевода она недоступна пониманию без подробного лингвокультурологического комментария. Это первая часть традиционной пословицы *“Oma maa mansikka, muu maa mustikka”* (буквально «Свой край — земляника, другой край — черника»). Комментируя пословицу, исследовательница отмечает, что в старину в Финляндии все леса находились в общем владении. Если крестьянин выжигал какой-то участок леса, устраивая пашню, этот участок становился собственностью крестьянина. Считалось, что земля принадлежит ему до тех пределов, пока на ней растет дикая земляника. Как известно, эта ягода растет вблизи крестьянского дома, а значит, на его земле. Черника же растет в лесу, то есть на общей территории. При помощи образов ягод передается идея разграничения своего и чужого. Знание об этом является необходимым условием для правильного понимания базового значения данной пословицы. Л. Гранбом-Херранен отмечает: «Сегодня финны могут не знать о происхождении этой пословицы, хотя идею понимают» [Granbom-Herranen, 2014, p. 115]. Традиционное базовое значение этой пословицы соответствует русским эквивалентам «Чужбина — калина, Родина — малина», «В гостях хорошо, а дома — лучше».

Пословичная образность в некоторых случаях вообще не поддается интерпретации. Финская исследовательница О. Лаухакангас приводит пример старинной финской пословицы: *“Kuhan pää, — Juhan pää, hauen pää, — halon pää, siian pää — sian pää, lahnan pää — lampaan pää, särjen pää — kärjen pää”* (буквально «Голова судака — голова Юхи, голова щуки — кусок дерева, голова сига — голова свиньи, глава леща — голова овцы, голова плотвы — голова черного дятла») [Laukahangas, 2010, p. 88]. Предполагается, что все перечисленные «головы» похожи. Исследовательница считает, что это кулинарная пословица, но толковать ее не берется. Однако трудно объяснить в кулинарном смысле сравнение «голова щуки — кусок дерева» или «голова судака — голова Юхи» (финское мужское имя). Любая интерпретация может быть ошибочной, так как ситуация, знаком которой является пословица, давно забыта [Бредис, 2019, с. 105].

Фактор лексико-грамматической организации

Даже при переводе пословиц типологически близких языков могут быть случаи, когда грамматическая организация в заимствованной пословице с той же образностью отличается от оригинала. Так, латгальская пословица *“Nātur symtu rublu, tūr symtu drāugu”* — «Не имей сто рублей, а имей сто друзей» — совпадает с русской и лексически, и грамматически. Понятно, что речь идет о заимствовании из русского языка. В данном случае адекватным будет перевод при помощи русской пословицы. В близкородственном латгальскому латышском языке эта пословица грамматически выражается по-другому: *“Labāk simtu draugu, nekā simtu rubļu”* — «Лучше сто друзей, чем сто рублей», *“Lai tev nav simts rubļu, bet lai ir simts draugu”* — «Пусть у тебя нет ста рублей, но пусть будет сто друзей» [Бредис, 2019, с. 142]. И переводить на русский в паремиологических сборниках их следует именно так, в соответствии с грамматикой каждого из языков. И, разумеется, с указанием русского аналога.

Кхмерский язык принадлежит к типу изолирующих, несмотря на наличие некоторых древних аффиксов. Слова не изменяются, отношения между ними выражаются специальными служебными элементами и порядком слов в предложении. Помимо того, в пословицах может не быть указания ни на лицо, ни на число, ни на время. Это следует учитывать в переводе на русский. Например, первая часть одной трехчастной кхмерской пословицы выглядит так:

ក្របីបាត់ទើបធ្វើរបង (буквально «Буйвол исчезать тогда делать забор») [ТСКП, 2011, с. 66].

Здесь нужен перевод по правилам русской грамматики согласно семантике: «Когда буйвол пропал, тогда делают забор». В словаре перевод следует снабдить русскими семантическими эквивалентами, например: «Русский мужик задним умом крепок». Эта пословица по семантике и образности также близка к старинной галицийской паремии: «Мудрый Ляхъ по шкодѣ, якъ коня

украли, то стайню замыкае» («Умный поляк после убытка, как коня украли, то конюшню запирает») [Čelakovský, 1893, s. 469].

Лексико-грамматическая организация затрудняет адекватный перевод на русский язык тувинской пословицы *«Бак кижиниң чоруу / Баарда, кээрде — дөрт»* [ППТН, 2020, с. 20], которая в паремиологическом словаре Б. К. Будупа переводится на русский язык как «У вспыльчивого и забывчивого / Два прихода и два ухода». Тувинское «бак» имеет значение «плохой, дурной, нерадивый». Буквально пословица переводится так: «У плохого (нерадивого) человека / Уходов, приходов — четыре». Однако фраза «Баарда, кээрде — дөрт» («Уходов, приходов — четыре») может неверно восприниматься реципиентом как «четырежды приходит и уходит». Исходя из этого, во второй части вместо буквального перевода целесообразно использовать принцип адаптивного перевода, что в итоге даст наиболее приемлемый перевод всей пословицы как «Дурной (нерадивый) человек дважды за одним приходит и уходит». Эквивалентной в русском языке является пословица «Глуп да ленив одно дважды делает» [Бредис, Иванов, 2022, с. 27].

Перевод короткой монгольской пословицы *«Уруудахад буруутах»* на русский язык получается гораздо длиннее: «Когда дело идет к упадку, становишься во всем виновным» [Кульганек, 2017, с. 148]. Буквально же паремия переводится так: «Виновен в падении». В приведенном русском переводе уже присутствует комментарий. В словаре можно давать краткий перевод этой пословицы, но необходим комментарий для разъяснения ситуации.

У ряда народов к признакам пословиц относится ритмическая организация текста. Пекка Хакамиес считает присущую карело-финским паремиям аллитерацию и порядок слов, зависящий от того, что требуется сказать, важными признаками, позволяющими финнам распознать в речи пословицу [Hakamies, 2014, p. 61]. Старые финские и карельские пословицы обладают ритмикой, присущей эпосу «Калевала». Приведем пример карельской пословицы, которая имеет непосредственное отношение к этому эпосу: *"Kielti vanha Väinämöini kullalla kumartumašta, hopialla horjumašta"* — «Не велел старый Вяйнемейнен кланяться перед золотом, гнуться перед серебром» [КПП, 2011, с.161]. В лексическом составе данной паремии содержится этнокультурно маркированный элемент — антропоним Вяйнемейнен (карел. и фин. *Väinämöinen*), главный персонаж «Калевалы», первочеловек, вещий рунопевец, заклинатель и богатырь. Часто в эпосе он упоминается с эпитетом *vanha* («старый»). При переводе этой пословицы желательно учитывать и момент ритмики, но при этом ради художественного впечатления не следует жертвовать адекватностью словарного перевода [Бредис, Иванов, 2021, с. 611]. Поэтому перевод, приведенный в словаре карельских пословиц, по нашему мнению, является адекватным словарным переводом.

Фактор этнокультурной маркированности

Важным фактором перевода является наличие этнокультультурно маркированных элементов паремии. Наличие этнолингвомаркéров (термин О. В. Ломакиной) — носителей культурной памяти народа — часто требует снабжать словарный перевод лингвокультурологическим комментарием. Можно привести множество примеров пословиц с этнолингвомаркерами, мы же в рамках данной статьи ограничимся двумя. Так, национально маркированной является русинская пословица *«За пінязі мелтõвшаґош, а без гроши — русин»* (буквально «За деньги уважаемый господин, а без денег — русин») [Бредис, Ломакина, 2020, с. 34]. Этнолингвомаркер здесь — этноним русин. Кроме того, в пословице присутствует заимствование из венгерского языка «мелтõвшаґош», а также слово «пінязі», которое восходит к древнерусскому и старославянскому корню, обозначавшему первоначально название древнегерманской монеты pfenning. Оно также может служить этнолингвомаркером, так как в современном русинском языке «пінязі» означает «деньги» вообще. «Мелтõвшаґош» (венг. "méltóságos") переводится как «досточтимый, ваша милость, ваше благородие». В комментарии следует указать, что «русины в целом жили беднее, чем окружающие их соседи — венгры», что закрепилось в данной паремии, и «поэтому вежливое обращение к состоятельному и благородному человеку в пословице венгерское» [Там же]. Русское соответствие: «Деньги есть — Иван Петрович, денег нет — паршива сволочь» [Мокиенко, 2010, с. 264].

В некоторых случаях этнолингвомаркеры следует оставлять без перевода, снабжая их комментарием. Так, тувинская пословица *«Азага кыскаш-даа эвес / Бурганга чула-даа эвес»* [ППТН,

2020, с. 14] с учетом фактора этнокультурно маркированных компонентов переводится как «Ни аза щипцы (кочерга), ни бургану лампада» [Бредис, Иванов, 2022, с. 29.]. Это, конечно, заимствование из русского языка пословицы «Ни Богу свечка, ни черту кочерга», однако трансформированное в тувинском языке в результате культурной ассимиляции. Этнолингвомаркерами в ней являются аза и бурган. Термином «аза» в тувинском фольклоре обозначается злой дух, демон, черт, а «бурган» — это общее для некоторых тюркских и монгольских народов обозначение божества и его изображения. Само слово заимствовано из монгольского языка. На заимствование из русского указывает и тувинское кыскаш (щипцы, кочерга), так как изначально кочерга в русской пословице означала вовсе не металлическую кочергу для помешивания углей, а толстую лучину, обожженную с одного конца, которую использовали также для освещения. Таким образом, в русской пословице сравнивались два источника света — свечка и кочерга. Об этом напоминают пословицы славянских народов, например, польская паремия *“Bogu świeczka, a diabłu ogarek”* («Богу свечка, а дьяволу — огарок») [Adalberg, 1894, с. 31] с вариантами *“Panu Bogu świeczka, i <a> diabłu ogarek”* («Господу Богу свечка, и (а) дьяволу — огарок»); *“Palić (Zapalić) Panu Bogu świeczkę i diabłu ogarek (kaganiec)”* («Жечь (Зажечь) Господу Богу свечку и дьяволу огарок (каганец)» [Stypuła, 2003, s. 740]. В ней также речь идет о двух источниках света (огарок свечи или каганец). Слово «кыскаш» в тувинской пословице свидетельствует о том, что она попала в тувинский язык из русского в то время, когда в русском варианте первоначальное значение слова «кочерга» уже было забыто [Бредис, Иванов, 2022, с. 29].

Заключение

Обращение к провербиальным факторам перевода на примере пословиц типологически различных языков показало, что эти факторы действуют при переводе пословиц всех рассмотренных типов языков (флективного, агглютинативного и изолирующего). Приведенные примеры доказывают важность учета всех провербиальных факторов перевода (семантической вариативности, композиционно-образной структуры, лексико-грамматической организации, этнокультурной маркированности) при словарном переводе пословиц разноструктурных языков на русский язык. Примеры также демонстрируют тот факт, что они не существуют и не функционируют по раздельности, поскольку представляют связанные между собой аспекты пословицы, которая одновременно является знаком языка и кратким фольклорным текстом. В статье проиллюстрированы особенности передачи национальной специфики пословиц на русский язык и подтверждается важность и необходимость снабжения словарных статей в двуязычных и многоязычных паремиографических сборниках по возможности полным лингвокультурологическим комментарием. Также в словарной статье при переводе пословиц на русский язык необходим подбор семантических аналогов пословиц из русского языка. Учитывание провербиальных факторов перевода поможет преодолению переводческих трудностей и обеспечению адекватного научного перевода пословиц.

Список источников

1. Бредис М. А. Человек и деньги: очерки о пословицах русских и не только. — СПб. : Петербургское Востоковедение, 2019. — 296 с.

2. Бредис М. А., Ломакина О. В. Пограничные территории как пример культурно-языкового трансфера (на материале латгальской и русинской паремиологии) // Вопросы этнополитики. — 2020. — № 2. — С. 28–38.

3. Бредис М. А., Иванов Е. Е. Типология пословиц прибалтийско-финских народов России о богатстве и бедности (на европейском паремиологическом фоне) // Вестник угроведения. — 2021. — Т. 11, № 4. — С. 607–615. — DOI: 10.30624/2220-4156-2021-11-4-607-615.

4. Бредис М. А., Иванов Е. Е. Провербиальные факторы перевода тувинских пословиц в аспекте нормативной и полилингвальной паремиографии (на фоне русского и английского языков) // Новые исследования Тувы. — 2022. — № 1. — С. 17–36. — DOI: 10.25178/nit.2022.1.2.

5. Епифанов А. А. Русские пословицы и поговорки и их турецкие аналоги = Türk atasözleri ve rus karşiliklari. — СПб. : КАРО, 2006. — 351 с.

6. Иванов В. Н. Пять аспектов теории перевода // Вестник Московского университета. Сер. 22 : Теория перевода. — 2017. — № 2. — С. 20–48.

7. Карельские пословицы и поговорки (КПП) = Karjalazet sananpolvet da sananpiät = Karjalaiset šananlaškut ta šananpolvet. — Petroskoi : Periodika, 2011. — 240 с.

8. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г., Николаева Е. К. Большой словарь русских пословиц (БСРП). — М. : ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2010. — 1024 с.

9. Пословицы и поговорки тувинского народа (ППТН) / авт.-сост. Б. К. Будуп. — Кызыл : Тувинское кн. изд-во : Радуга Тувы, 2020. — 112 с.

10. Adalberg S. Księga przysłów przypowieści i wyrażeń przysłowiowych polskich. — Warszawa : Druk Emila Skiwskiego,1894. — 805 s.

11. Čelakovský Fr. Lad. Mudrosloví národu slovanského v příslovích, uspořádal: Jan V. Novák nakladatel: Alois Hynek. — Praha, 1893. — 783 str.

12. Granbom-Herranen L. Beyond Understanding: How Proverbs Violate Grice's Cooperative Principle // Scala naturae. Festschrift in Honour of Arvo Krikmann for his 75th Birthday. — Tartu : Estonian Literary Museum Scholarly Press, 2014. — Pp. 107–120.

13. Hakamies P. On the Proverbiality of Finnish Proverbs // Scala naturae. Festschrift in Honour of Arvo Krikmann for his 75th Birthday. — Tartu : Estonian Literary Museum Scholarly Press, 2014. — Pp. 57–70.

14. Krikmann A. Proverb Semantics. Studies in Structure, Logic, and Metaphor. — Burlington ; Vermont : The University of Vermont, 2009. — 312 pp.

15. Kudirkienė Lilija. Patarlės interpretacija: diachroninis aspektas. — Tautosakos darbai, 2007. — [t.] XXXIII. — Psl. 13–26.

16. Kuusi M. Mind and Form in Folklore. Selected Articles, ed. by Henni Ilomäki. — Helsinki : Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1994. — 199 p.

17. Lauhakangas Outi. Paremiological Correspondence and its After-Thoughts. — Folklore. — 2010, Sep. — Vol. 46. — Tartu : Estonian Literary Museum and Estonian Folklore Institute, 2010. — Pp. 83–94.

18. Opincāne B. Latgaļu parunas un sokomvōrdi / sak. B. Opincāne. — Rēzekne : Latgolas kult. centra izd., 2000. — 86 lpp.

19. Stypuła R. Słownik przysłów i powiedzeń rosyjsko-polski, polsko-rosyjski. — Warszawa : Wiedza Powszechna, 2003. — 997 s.

20. លី ថៃលី វចនានុក្រមសុភាសិតខ្មែរអធិប្បាយ-ភាគ២។ ក្រុងព្រះសីហនុ ឆ្នាំ ២០១១-ឯ៣០ ទំព័រ (Ли Тхайли. Толковый словарь кхмерских пословиц (ТСКП) : в 2 т.). — Сианукville, 2011. — 630 с.

References

1. Bredis M. A. *Chelovek i den'gi: ocherki o poslovitsakh russkikh i ne tol'ko* [Man and Money in Proverbs: Essays on Russian and other Proverbs]. St. Petersburg, Peterburgskoe Vostokovedenie Publ., 2019. 296 p. (In Russian).

2. Bredis M. A., Lomakina O. V. Border territories as an example of cultural and linguistic transfer (based on the material of Latgalian and Rusin paremiology). *Voprosy etnopolitiki* [Issues of Ethnopolitics]. 2020, no. 2, pp. 28–38. (In Russian).

3. Bredis M. A., Ivanov E. E. Typology of proverbs of the Baltic-Finnish peoples of Russia about wealth and poverty (on the European paremiological material). *Vestnik ugrovedeniia* [Bulletin of Ugric Studies]. 2021, vol. 11. no. 4, pp. 607–615. DOI: 10.30624/2220-4156-2021-11-4-607-615. (In Russian).

4. Bredis M. A., Ivanov E. E. Proverbial factors in translating Tuvan proverbs in the light of normative and poly-lingual paremiography (as contrasted to Russian and English languages). *Novye issledovaniia Tuvy* [The New Research of Tuva]. 2022, no. 1, pp. 17–36. DOI: 10.25178/nit.2022.1.2. (In Russian).

5. Epifanov A. A. *Russkie poslovitsy i pogovorki i ikh turetskie analogi* [Russian proverbs and sayings and their Turkish counterparts] = Türk atasözleri ve rus karşiliklari. St. Petersburg, KARO Publ., 2006, 351 p. (In Russian and Turkish).

6. Ivanov V. N. Five aspects of translation theory. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 22 : Teoriia perevoda* [Herald of Moscow University. Ser. 22. Translation Theory]. 2017, no. 2, pp. 20–48. (In Russian).

7. *Karel'skie poslovitsy i pogovorki* [Karelian proverbs and sayings] = Karjalazet sananpolvet da sananpiät = Karjalaiset šananlaškut ta šananpolvet. Petroskoi, Periodika Publ., 2011, 240 p. (In Russian and Karelian).

8. Mokienko, V. M., Nikitina T. G., Nikolaeva E. K. *Bol'shoi slovar' russkikh poslovits* [The Big Dictionary of Russian Proverbs]. Moscow, OLMA Media Group Publ., 2010, 1024 p. (In Russian).

9. *Poslovitsy i pogovorki tuvinskogo naroda* [Proverbs and sayings of the Tuvan people]. Author-comp. B. K. Budup. Kyzyl, Tuvinskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., Raduga Tuvy, 2020, 112 p. (In Russian and Tuvan).

10. Adalberg S. *Księga przysłów przypowieści i wyrażeń przysłowiowych polskich*. Warszawa, Druk Emila Skiwskiego, 1894, 805 s. (In Polish).

11. Čelakovský Fr. Lad. *Mudrosloví národu slovanského v příslovích,* uspořádal: Jan V. Novák nakladatel: Alois Hynek. Praha, 1893, 783 str. (In Chech).

12. Granbom-Herranen L. Beyond Understanding: How Proverbs Violate Grice's Cooperative Principle. *Scala naturae. Festschrift in Honour of Arvo Krikmann for his 75th Birthday*. Tartu, Estonian Literary Museum Scholarly Press, 2014, pp. 107–120.

13. Hakamies P. On the Proverbiality of Finnish Proverbs. *Scala naturae. Festschrift in Honour of Arvo Krikmann for his 75th Birthday*. Tartu, Estonian Literary Museum Scholarly Press, 2014, pp. 57–70.

14. Krikmann A. *Proverb Semantics. Studies in Structure, Logic, and Metaphor*. Burlington, Vermont, The University of Vermont, 2009, 312 p.

15. Kudirkienė, Lilija. Patarlės interpretacija: diachroninis aspektas. *Tautosakos darbai*, 2007, [t.] XXXIII, Psl. 13–26. (In Lithuanian).

16. Kuusi, M. *Mind and Form in Folklore. Selected Articles*. Ed. by Henni Ilomäki. Helsinki, Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1994, 199 p.

17. Lauhakangas Outi. Paremiological Correspondence and its After-Thoughts. Folklore; 2010, Sep., vol. 46. Tartu, Estonian Literary Museum and Estonian Folklore Institute, 2010, pp. 83–94.

18. Opincāne B. *Latgaļu parunas un sokomvōrdi. Sak. B. Opincāne*. Rēzekne, Latgolas kult. centra izd., 2000, 86 lpp. (In Latgalian).

19. Stypuła R. Słownik przysłów i powiedzeń rosyjsko-polski, polsko-rosyjski. Warszawa, Wiedza Powszechna, 2003, 997 s. (In Polish and Russian).

20. លី ថៃលី វចនានុក្រមសុភាសិតខ្មែរអធិប្បាយ-ភាគ២។ ក្រុងព្រះសីហនុ ឆ្នាំ ២០១១-៦៣០ ទំព័រ [Li Thaili. Explanatory Dictionary of Khmer Proverbs. In 2 vol.]. Sihanoukville, 2011, 630 p. (In Khmer).

Информация об авторе

Бредис Михаил Алексеевич — кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов.

Information about the author

Bredis, Mikhail — Ph. D. (Candidate of Philology), Leading Research Fellow, Department of Foreign Languages, Faculty of Philology, Peoples' Friendship University of Russia.

Статья поступила в редакцию 16.06.2022;
одобрена после рецензирования 18.07.2022;
принята к публикации 22.07.2022.

Submitted 16.06.2022;
approved after reviewing 18.07.2022;
accepted for publication 22.07.2022.

Иностранные языки в высшей школе. 2022. № 3 (62). С. 72–78.
Foreign Languages in Tertiary Education. 2022;3(62):72–78.

Научная статья
УДК 81’25
DOI: 10.37724/RSU.2022.62.3.008

Стратегия перевода названий чая и вина как культуроспецифических единиц (на материале романа «Сон в красном тереме») [*]

Лю Байвэй
Хэйлунцзянский университет, Харбин, Китайская Народная Республика
7116660@qq.com

Аннотация. Теория перевода так называемых «культуроспецифических единиц» (“culture-specific items”) Хавьера Франко Айкселы (Javier Franco Aixela, 1996) предлагает новые идеи для практики перевода. В нашей статье анализируется перевод названий чая и вина, таких как «Чай Фэнглу», «Чай Люань» и «Вино Тусу», в русском переводе романа «Сон в красном тереме», выполненном В. А. Панасюком (1995). Выявляются использованные стратегии перевода, а именно: повторение, перевод без учета культурной специфики, изменение орфографии, интерпретация текста, «ограниченная интернационализация» и опущение с целью разъяснения и популяризации стратегий передачи культурной специфики языковых единиц на примерах. Можно видеть, что стратегии перевода, предложенные Х. Ф. Айкселой еще четверть века назад, по-прежнему имеют большую практическую ценность.

Ключевые слова: Javier Franco Aixela, culture-specific items in translation, чай и вино, русский перевод романа «Сон в красном тереме», стратегия перевода.

Для цитирования: Лю Байвэй. Стратегия перевода названий чая и вина как культуроспецифических единиц (на материале романа «Сон в красном тереме») // Иностранные языки в высшей школе. 2022. № 3 (62). С. 72–78. DOI: 10.37724/RSU.2022.62.3.008.

Original article

The Strategies of Translating the Names of Tea and Wine as Culture-Specific Items into Russian in “A Dream of Red Mansions”

Liu Baiwei
Heilongjiang University, Harbin, China
7116660@qq.com

Abstract. Javier Franco Aixela's Translation Theory of culture-specific items (CSI) offers new ideas for translation practice. This article analyzes the translation of the names of tea and wine, such as “Fenglu Tea”, “Liuan Tea” and “Tusu Wine” in the Russian translation of the 1995 edition of Panasyuk’s “A Dream of Red Mansions”, and analyzes the translation strategies adopted by the translator, namely repetition, linguistic translation disregarding cultural connotations, spelling changes, text interpretation, limited internationalization and deletion in order to clarify and promote Javier Franco Aixela's translation strategy of “cultural exclusivity" by examples. It can be seen that the translation strategy proposed by Javier Franco Axela for translation still has great practical value.

Keywords: Javier Franco Aixela, culture-specific items in translation, Tea and wine, Russian translation of the novel “A Dream of Red Mansions”, Translation Strategy.

For citation: Liu Baiwei. The Strategies of Translating the Names of Tea and Wine as Culture-Specific Items into Russian in “A Dream of Red Mansions”. *Inostrannye yazyki v vysshej shkole* [Foreign Languages in Tertiary Education]. 2022; 3(62):72–78. (In Russ.) DOI: 10.37724/RSU.2022.62.3.008.

[1] Данная статья является частью научно-исследовательского проекта 2021 года (ратификации проекта № WY2021014-A) и идеологического и политического воспитания в рамках учебной программы «Чтение I» Хэйлунцзянского университета.

© Лю Байвэй, 2022

Введение

«Сон в красном тереме» — это кульминация великолепной цивилизации Китая. Роман отражает китайскую культуру глубоко и всеобъемлюще, что в определенной степени вызвало трудности при переводе ввиду множества культурных различий. В статье перечислены некоторые стратегии, используемые переводчиком для передачи культурно-специфической лексики, показано, какие трудности перевода создаются культурными коннотациями при отсутствии у переводчика необходимых фоновых знаний, обоснована необходимость «серьезного оперативного вмешательства» в литературный текст, с которым переводчик работает. Эта статья основана на теории перевода, предложенной в 1996 году испанским ученым Хавьером Франко Акселой (Javier Franco Aixela). На примере перевода названий чая и вина в романе «Сон в красном тереме» исследуется конкретное практическое применение рекомендуемых переводческих стратегий с целью обеспечения нового взгляда на практику перевода культурообусловленных единиц.

1. Стратегия перевода, предложенная Айкселой, и комментарии к теории культурно-специфических единиц (CSI)

В 1996 году Х. Ф. Айксела предложил метод классификации стратегий перевода по культурно-специфическим единицам (culture-specific items — CSI). «Для определенных элементов, которые появляются в тексте, трудности перевода возникают, когда функция и значение исходного текста переносятся на перевод, потому что соответствующий элемент не существует в культурной системе иноязычного читателя или имеет иной текстовый статус» [Чжан Наньфэн, 2004, с. 23]. Так называемый различный текстовый статус означает, что подобные элементы имеют разные значения из-за несовпадений в идеологии, идиоматике или частоте использования. По словам Х.Ф. Айкселы, его цель — показать, что феномен «культурной исключительности» обусловлен не только культурно маркированной единицей как таковой, но и ее функцией в тексте. Таким образом, все, что читателю представляется непонятным или неприемлемым, представляет собой культурно-специфическую единицу [Aixela, 1996, pp. 54–55].

Из трех испанских переводов детективного романа “The Maltese Falcon” («Мальтийский сокол») американского писателя Дэшиела Хэмметта Айксела выделил одиннадцать стратегий борьбы с «элементами, лишенными культурных коннотаций», и расположил их в соответствии со степенью «межкультурного манипулирования». Он подчеркнул, что его принцип классификации и сама последовательность описываемых стратегий — от минимального (точнее, от нулевого) вмешательства переводчика в способ передачи культурообусловленной единицы до максимального — призваны помочь переводчику определить, должна ли общая тенденция перевода быть «прочитана *как близкая* к *оригинальному* тексту» или «прочитана как *оригинальный* текст» (курсив наш. — *Л. Б.*) [Aixela, 1996, pp. 54–55].

Х. Ф. Айксела предлагает одиннадцать стратегий перевода, первые пять из которых являются основными, а остальные шесть — альтернативными:

1) повторение (repetition) — исходный текст копируется;

2) преобразование орфографии (orthographic adaptation) — дается транскрипция или транслитерация;

3) языковой перевод, не вникающий в культурную специфику (linguistic non-cultural translation) — предлагается перевод, максимально близкий к денотативному смыслу оригинала с целью точно передать его денотативный смысл;

4) объяснение за рамками текста (extratextual gloss) — добавляется при использовании первых трех стратегий, но, если внедрение объяснения в текст представляется неэтичным или неэстетичным, оно реализуется как концевая сноска, примечание в скобках, подстрочный комментарий и т. д.;

5) объяснение в тексте (intratextual gloss) — повторяет ту же стратегию, что и в предыдущем случае, но объяснение внедряется в текст по возможности незаметно, чтобы не отвлекать внимание читателя;

6) использование синонимов (synonymy) — применяются разные способы перевода одних и тех же культурно значимых единиц для избежания повторов;

7) ограниченная универсализация (limited universalization) — переводчик заменяет непонятную для читателя культурно-специфическую единицу на близкую по значению, также относящуюся к культуре исходного языка, с которой читатель перевода лучше знаком;

8) абсолютная универсализация (absolute universalization) — переводчик решает не передавать исходную культурную единицу, заменяя ее нейтральным выражением;

9) ассимиляция (naturalization) — культурообусловленные единицы исходного языка передаются культурно значимыми единицами принимающего языка, так что «иностранный налет» исходной единицы полностью исчезает;

10) опущение (deletion) — удаление труднообъяснимых и малозначимых для текста единиц;

11) самостоятельное создание (autonomous creation) — переводчик вводит в текст культурообусловленную единицу языка перевода при отсутствии культурообусловленной единицы в оригинальном тексте.

Айксела добавляет, что в дополнение к этим одиннадцати типам могут применяться и другие стратегии:

– компенсация (удаление + добавление элементов с аналогичными эффектами в другой части текста);

– вытеснение (перемещение элементов, лишенных культурных коннотаций, в другое место);

– разбавление (по идеологическим соображениям удаляются некоторые элементы, которых «слишком много» или они неприемлемы, и заменяются на «мягкие» единицы, которые больше соответствуют традициям перевода или предполагаемым ожиданиям читателей) [Aixela, 1996, pp. 60–64].

Очевидно, чем больше контактов между двумя культурами, тем выше степень переводимости: возрастает количество культурных ссылок, которые требуют все меньших манипуляций переводчика, чтобы сделать представленную в них информацию приемлемой в целевой культуре [Aixela, 1996, pp. 54–55].

2. Стратегия перевода названия чая и вина в романе «Сон в красном тереме»

«Сон в красном тереме» — это энциклопедия жизни в феодальном обществе. Обширная и глубокая чайная культура Китая в романе время от времени изображается в сценах жизни четырех главных семей — Цзя, Ван, Ши и Сюэ, отражая духовный оттенок чайной культуры китайской нации в описании различных чайных церемоний и запечатлевая чайную культуру семьи. Например: “钟鸣鼎食、诗礼簪缨” (“zhōngmíng dǐng shí, shīlǐzān yīng” [чжун мин дин ши, ши ли зан ин]) означает «удар в колокол и прием пищи», что следует понимать как роскошь чаепитий, доступную знати.

Хотя Цао Сюэцинь только преуменьшил сюжеты о чае, начиная с чайных продуктов, чайных сервизов, качества воды, чайных обычаев, чайных ритуалов и чайных стихотворений, которые он представил читателю, мы все можем почувствовать богатую атмосферу чайной культуры в жизни принцев и знати [Хун Янь, 1996, с. 151]. Немаловажное значение имеют названия сортов чая и способов его приготовления, что требует особого внимания в процессе перевода.

Роман «Сон в красном тереме» можно считать наглядным доказательством того, что богатая культура виноделия Китая формировалась на протяжении тысячелетий. В произведении воссоздаются все аспекты жизни аристократической семьи: описание банкетов, дегустация вина, винные ритуалы, винные обычаи, винная этика, винные порядки, пьянство и знания о вине. Представление культуры виноделия и винопития в повествовании охарактеризовано как «самое всеобъемлющее и захватывающее в древнекитайских романах» [Ван Шаньшань, Цай Бифань, Су Чжучэн, 2014, с. 143]. Однако именно из-за широты и глубины раскрытия автором культуры потребления вина слова с уникальным национальным культурным контекстом в этом литературном произведении стали трудными для перевода. Существует множество сложных названий вин, за каждым из которых скрывается своя историческая справка и культурная информация, такая как намеки на персонажей. Из-за отсутствия культурного «консенсуса» с автором оригинала читатели могут чувствовать себя посторонними, что вызовет препятствия для понимания исходной текстовой информации.

(1) *“警幻道“此茶出在放春山遣香洞, 又以仙花灵叶上所带之宿露而烹, 此茶名曰**‘千红一窟’**。”*
*“警幻道“此酒乃以百花之蕊, 万木之汁, 加以麟髓之醅, 凤乳之曲酿成, 因名为**‘万艳同杯’**。”（第5回）*

Этот чай называется: ***благоуханием тысячи роз из одного чертога****. Растет он в пещере Ароматов на море Весны, — пояснила Цзинхуань, — а заварен на росе, собранной с цветов бессмертия.*

*Вино это приготовлено из нектара ста цветов и десяти тысяч деревьев, — отвечала Цзинхуань, — и настоено на костях цилиня и молоке феникса. Потому и называется: «****Десять тысяч прелестей в одном кубке****».*

В данных примерах названия чая и вина вымышлены Цао Сюэцинем. Здесь обыгрывается неоднозначность смысла: “千红一窟” и “千红一枯” (“qiānhóng yī kū” и “qiānhóng yī kū” — «благоуханием тысячи роз из одного чертога» и «тысячи роз обречены на гибель), “万艳同杯” и “万艳同悲” (“wànyàn tóng bēi” и “wànyàn tóng bēi” — «десять тысяч прелестей в одном кубке» и «десять тысяч прелестей в одной печали»). По произношению фразы одинаковы, и это подчеркивает глубокое сочувствие автора к красавице, которую часто постигает горькая участь, а также служит раскрытию темы романа «Сон в красном тереме» [Хун Янь, 1996, с. 151].

В оригинальном тексте используется техника лингвистического перевода без культурных коннотаций. Такого рода культурно-специфичные элементы всегда затрудняют перевод. Сложно найти компромисс между дословной точностью и глубинным смыслом — в большинстве случаев соблюдается только один аспект, а второй приносится в жертву при переводе. В данном примере переводчик сохраняет лишь поверхностный смысл и не может достичь уровня каламбура на китайском языке.

(2) *“接着茜雪捧上茶来,宝玉因让林妹妹吃茶众人笑到“林妹妹早走了,还让呢。”宝玉吃了半碗茶,忽又想起早起的茶来,因问茜雪道“早起沏了一碗枫露茶,我说过,那茶室三四次后才出色的,这会子怎么又沏了这个来?”（第8回）*

*Ты заварила утром чай «****кленовая роса****», а я сказал, что этот чай надо заваривать три-четыре раза, чтобы у него был настоящий цвет. Зачем же ты заварила новый?*

Чай Фэнглу переводится как «кленовая роса». Переводчик использовал здесь метод лингвистического (буквального) перевода. Чай Фэнглу действительно необыкновенный. Как правило, он заваривается три или четыре раза и имеет вкус воска, что является его настоящим вкусом.

Кленовые деревья относительно редки в России, поэтому вполне возможно, что кленовая роса также весьма ценна. Переводчик здесь усилил очарование текста и подчеркнул общественное положение аристократии и дворянский статус Баоюя.

(3) *“只见妙玉亲自捧了一个海棠花式雕漆填金云龙献寿的小茶盘,里面放一个成窑五彩小盖钟,捧与贾母。贾母道:“我不吃六安茶。”妙玉笑说:“知道。这是老君眉。”贾母接了,又问是什么水。妙玉笑回:“是旧年蠲的雨水。”（第41回）*

Он видел, как монахиня собственноручно поднесла матушке Цзя черный лакированный поднос в форме цветка бегонии. На подносе золотом был нарисован дракон в облаках, дарующий долголетие, и стояла закрытая белой крышечкой чайная чашечка из фарфора Чэнхуа, разрисованная цветами.

— Я не пью ***чай из Люаня****, — предупредила матушка Цзя.*

*— Знаю, — ответила Мяоюй. — Это совсем другой, он называется «****Брови почтенного старца****».*

— А воду для него где брали? — поинтересовалась матушка Цзя.

— Вода дождевая. Я храню ее с прошлого года, — ответила Мяоюй.

Как описание персонажей, так и описание чайного сервиза здесь очень уместны, поскольку полностью созвучны китайской чайной культуре. Чай Люань, также известный как «ломтики дыни», производится в уезде Люань провинции Аньхой. Его можно использовать в лечебных целях, он является разновидностью зеленого чая. Переводчик перевел «Чай Люань», изменив написание, и транслитерировал название места «Люань». Это наиболее часто используемый метод при переводе названий мест и имен людей.

Здесь необходимо также прокомментировать название «Брови почтенного старца»: это чай Байхао, выращенный в Цзюньшане (озеро Дунтин, провинция Хунань), приготовленный из отборных бутонов с ярким ароматом, сладким вкусом, в форме длинных бровей, отсюда и название. Матушка Цзя — очень уважаемая пожилая дама, и чай, который она пьет, — это, естественно, «Брови почтенного старца». Она состоятельна и знатна и использует богатый и благородный знаменитый чай, чтобы не потерять свою индивидуальность. Поэтому «Брови почтенного старца» — это ее

особый чай, и в особняке Цзя нет второго человека, который мог бы им насладиться. Название этого чая, как и чая Фэнлу, переводится без учета культурных коннотаций, хотя лексика дословного перевода («почтенный старец») все же намекает на его высокий статус.

(4) *“该沏些个**普洱茶**吃。”袭人晴雯二人忙笑说：“沏了一子**女儿茶**，已经吃过两碗了。大娘也尝一碗，都是现成的。”（第63回）*

*— Надо было заварить **чай Пуэр**.*

*— Мы **заварили целый чайник дочернего чая**, он уже выпил две чашки. Сейчас и вам нальем чашечку, попробуйте!*

В примере названы два вида чая: Пуэр и дочерний чай. Пуэр, производимый в Юньнани, считается драгоценным чаем. Он преобладал при дворе и среди чиновников династии Цин. В «Новом языке Южной Юньнани» сказано: «Сокровища чая Пу (Эр) носят имена Мао Цзянь и дочери» [Чжан Хун, 1755, с. 5]. Ли Шичжэнь рекомендовал его к употреблению в «Сборнике материалов медицины»: «Мазь из чая Пуэр черная, как лак, она устраняет мокроту, очищает желудок и питает тело, а также хорошо помогает в других случаях». Дочерний чай — это разновидность чая Пуэр. Он также известен как скальный фруктовый фиолетовый, желтый чайный корень и дочерний красный [Там же, с. 13].

В приведенных нами примерах для перевода «чай Пуэр» используется транскрипция, но специального перевода для названия «дочерний чай» нет. Такое упрощение перевода вполне оправданно, поскольку упоминание дочернего чая следует непосредственно за чаем Пуэр, и потому читателям легко его понять и принять. Здесь используется метод ограниченной универсализации: хорошо известное общее название «Пуэр» выбрано для замены *одного из* чаев Пуэр.

(5) *“这是金项圈，这是金珠首饰，共八十件。这是妆蟒四十匹。这是各色绸缎一百二十匹。这是四季的衣服共一百二十件。外面也没有预备羊酒，这是折**羊酒**的银子。”（第97回）*

*— Это золотые ожерелья, — говорила она, — их всего восемьдесят штук. Вот сорок кусков шелка с узорами из драконов, и еще сто двадцать кусков шелка и атласа, все разных цветов. Тут сто двадцать смен одежды для четырех времен года и деньги на **вино** и угощение.*

В этом примере “羊酒” означает «овцы и вино». Со времен Северной и Южной династий овцы и вино использовались не только в качестве жертвоприношений, наград и атрибутов праздников, но и в качестве свадебных подарков [Хун Янь, 1996, с. 150]. В данном случае имеется в виду приданое во время бракосочетания. Здесь применяется стратегия абсолютной универсализации, то есть культурообусловленная единица “羊酒” интерпретируется как вино и что-то съедобное. Несмотря на то, в России подобного обычая нет, этого объяснения достаточно, чтобы читатели поняли сказанное.

(6) *“黛玉说：“**我吃了一点子**螃蟹，觉得心口微微的疼，须得热热的喝口**烧酒**。”宝玉就叫将那**合欢花浸的酒**烫了一壶来。”（第38回）*

*— Не годится, — заметила она, — нужно подогретое **гаоляновое вино**. У меня от крабов изжога!*

*— Вот подогретое вино! — отозвался Баоюй и велел служанкам принести **чайник с вином, настоянным на листьях акации**.*

Акация (夜合花 — yèhéhuā) цветет в июне, обладает легким ароматом и сладким вкусом. Она успокаивает нервы и снимает депрессию, может вылечить стеснение в груди, бессонницу и забывчивость. Дайюй ела крабов и пила слегка нагретое вино, настоянное на цветах акации, чтобы избавиться от простуды и депрессии, кроме того, это было очень полезно для лечения ее сентиментальности и бессонницы.

Уточним, что китайское слово «Шочу» — это, на самом деле, гаоляновое вино. Здесь переводчик объяснил текст как «вино, пропитанное цветами акации» — фразой, которая очень точно выражает способ приготовления вина.

(7) *“男东女西归坐，献**屠苏酒**，合欢汤，吉祥果，如意糕毕，贾母起身进内间更衣，众人方各散出。”（第53回）*

*С восточной стороны сели мужчины, с западной — женщины. Чего только не было на столе! Мясные блюда, отвары, фрукты, **вино**, всевозможные печения.*

Тусу (屠苏) — это название травяного сбора. Су — это своего рода «древний дом», и вино, сваренное в таком доме, называют вином Тусу. Говорят, что этот напиток был создан Хуа Туо, известным врачом, в конце династии Хань. Формула травяного состава, на котором настаивается вино, включает ревень, атрактилоды (бай чжу), Гуйжи Саньхань (веточки китайского коричника), перец и другие традиционные китайские лечебные средства, способствующие оздоровлению организма. Считается, что целебное вино — это лекарство, которое питает Янь и предотвращает эпидемии. Позже вино Тусу стало популярным благодаря Сунь Сымяо, известному врачу династии Тан. Каждый год в двенадцатый лунный месяц Сунь Сымяо раздавал соседям и жителям деревни пакет с лекарством, объясняя, что замачивание лекарства в вине и его употребление в канун Нового года может предохранить от заболевания. Собственный дом Сунь Сымяо был назван «Дом Ту Су». В дальнейшем, передаваясь из поколения в поколение, вино Тусу стало традиционным во время празднования китайского Нового года.

Как следует из вышесказанного, название «Ту Су» богато культурными коннотациями. Переводчик учел трудности их восприятия русскими читателями и опустил культурную составляющую названия вина, отказавшись от внетекстовых комментариев и просто перечислив поданные кушанья, предполагающие роскошь банкета. Переводчик справедливо счел, что если аудитория перевода — обычные российские читатели, а не профессионалы, изучающие китайскую культуру, то желательна принятая переводчиком стратегия перевода, которая снизит нагрузку на читателей.

Заключение

Таким образом, В. А. Панасюк удачно завершил перевод романа «Сон в красном тереме». Поскольку содержание оригинального текста очень богато, а культурный охват довольно широк, можно себе представить трудности, с которыми сталкивается переводчик в процессе работы.

Что касается перевода названий чая и вина, обсуждаемого в этой статье, то он содержит большое количество элементов, лишенных культурных коннотаций. Хотя в период деятельности В. А. Панасюка еще не существовало теории перевода Айкселы, но в приведенных примерах переводчик невольно использовал стратегии перевода, предложенные этим ученым: преобразование орфографии, языковой перевод, интерпретация текста, ограниченная интернационализация и удаление. Можно заключить, что стратегии перевода, разработанные Айкселой для передачи CSI четверть века назад, по-прежнему имеют большую практическую ценность.

Исходя из предпосылки сохранения и максимально возможной передачи культурной информации исходного текста, переводчик должен попытаться найти способ сделать перевод приемлемым для читателей в культурной атмосфере перевода. Для некоторых «непереводимых» явлений, таких как рифмованные стихи с жестко заданным количеством слов в строке и тоновым оформлением, а также каламбуры на языке-источнике, нельзя видеть компромисс в отказе от оков формы и сосредоточении на передаче семантического уровня.

Кроме того, некоторые абзацы, состоящие всего из нескольких слов, трудно объяснимые и не имеющие существенного отношения ко всему тексту, можно напрямую удалить без перевода, что не только сделает повествование плавным, но и облегчит читателям в контексте перевода восприятие культуры, которую нужно принять и понять. А если культурно насыщенная информация необходима и не может быть удалена, можно использовать внетекстовые пояснения, чтобы не только не слишком утруждать читателя, но и максимально сохранить культурную информацию исходного текста, решая, таким образом, сразу несколько задач.

Список источников

1. Цао Сюэцинь. Сон в красном тереме / пер. с кит. В. А. Панасюка. — М. : Гос. изд-во худ. лит., 1995. — Т. 1. — 879 с. ; Т. 2. — 863 с.

2. Aixela J. F. Culture-specific Items in Translation // Translation, Power, Subversion / Eds. R. Álvarez, M. C. Vidal Claramonte. — Clevedon ; Filadelfia ; Adelaida : Multilingual Matters, 1996. — Pp. 52–60.

3. 曹雪芹 高鹗. 红楼梦. 北京：人民文学出版社, 1982. Цао Сюэцинь, Гао Э. Сон в красном тереме. — Пекин : Изд-во нар. лит., 1982. — 1648 с.

4. 弘岩. 红楼梦放眼录 // 红楼梦学刊. — 1996（1）. Хун Янь. Сон в красном тереме // Сон в красном тереме. — 1996 (1). — С. 150–151.

5. 王姗姗 蔡碧凡 苏祝成. 《红楼梦》中的茶文化评述 // 农业考古. — 2014 (2). Ван Шаньшань, Цай Бифань, Су Чжучэн. Комментарий к чайной культуре в романе «Сон в красном тереме» // Сельскохозяйственная археология. — 2014 (2). — С. 142–147.

6. 张泓.《滇南新语》. Чжан Хун. Новая тема о чае Южной Юньнани. 1755. — 135 с. — URL : https://www.puercn.com/puerchanews/lianliankan/69957.html (дата обращения: 25.03.2022).

7. 张南峰. 艾克西拉的文化专有项翻译策略评介 // 中国翻译. — 2004 (1). Чжан Наньфэн. Обзор стратегий перевода культуроспецифических единиц в классификации Айксельы // Перевод на китайский язык. — 2004 (1). — С. 23–29.

References

1. Cao Xueqin. *A Dream of Red Mansions*. Transl. from Chinese by V. A. Panasyuk. Moscow, Gos. izd-vo khud. lit. Publ., 1995, 1742 p. (In Russian).

2. Aixela J. F. Culture-specific Items in Translation. *Translation, Power, Subversion*. Eds. R. Álvarez, M. C. Vidal Claramonte. Clevedon, Philadelfia, Adelaida, Multilingual Matters, 1996, pp. 52–60.

3. 曹雪芹 高鹗. 红楼梦. 北京：人民文学出版社, 1982. Cao Xueqin, Gao E. *A Dream of Red Mansions*. Beijing, People's Literature Press, 1982. 1648 p. (In Chinese).

4. 弘岩. 红楼梦放眼录. 红楼梦学刊, 1996 (1). Hong Yan. A Dream of Red Mansions. *Journal of Dreams of Red Mansions*, 1996 (1), pp. 151–152. (In Chinese).

5. 王姗姗 蔡碧凡 苏祝成. 《红楼梦》中的茶文化评述. 农业考古. 2014 (2). Wang Shanshan, Cai Bifan, Su Zhucheng. Commentary on tea Culture in “A Dream of Red Mansions”. *Agricultural archaeology*. 2014 (2), pp. 142–147. (In Chinese).

6. 张泓.《滇南新语》. Zhang Hong. **“**New Language of Southern Yunnan”. Available at: https://www.puercn.com/puerchanews/lianliankan/69957.html (accessed 25.03.2022). (In Chinese).

7. 张南峰. 艾克西拉的文化专有项翻译策略评介[J]. 中国翻译, 2004 (1). Zhang Nanfeng. A review of Aixela's Cultural Translation Strategies. *Chinese Translation*. 2004 (1), pp. 23–29. (In Chinese).

Информация об авторе

Лю Байвэй — доктор филологических наук, профессор Института русского языка Хэйлунцзянского университета. Почтовый адрес: 150080, КНР, Харбин, Хэйлунцзянский университет, почтовый ящик № 125.

Information about the author

Liu Baiwei — PhD (Philology), Professor, Russian Department of Heilongjiang University. Postal address: China, Harbin, 150080, Heilongjiang University, mailbox No. 125.

Статья поступила в редакцию 20.07.2022;
одобрена после рецензирования 07.08.2022;
принята к публикации 17.08.2022.

Submitted 20.07.2022;
approved after reviewing 07.08.2022;
accepted for publication 17.08.2022.

Иностранные языки в высшей школе. 2022. № 3 (62). С. 79–86.
Foreign Languages in Tertiary Education. 2022;3(62):79–86.

Научная статья
УДК 811.111
DOI: 10.37724/RSU.2022.62.3.009

Адаптация англицизмов в современных французских и итальянских IT-терминосистемах (сопоставительный аспект)

Александр Георгиевич Никитюк
Московский городской педагогический университет, Москва, Россия
nikitukag@mgpu.ru

Аннотация. В статье описываются современные процессы, связанные с нормализационной деятельностью на территории Франции и Италии, которые влияют на адаптацию англицизмов к IT-терминосистемам французского и итальянского языка. Рассматривается адаптация англицизмов, относящихся к таким структурным типам, как простое слово, сочетание слов, производное слово, сокращение. Сопоставительный анализ состава терминосистем французского и итальянского языков показывает сходство в адаптации структуры простого слова. Составные англицизмы представлены в сопоставляемых терминосистемах обоих языков, при этом в процессе адаптации они могут как сохранять свою форму, так и частично изменять ее согласно правилам принимающего языка. В обоих языках англицизмы-производные слова могут адаптироваться с помощью суффиксов или префиксов принимающего языка, также констатируется сходство в сохранении структуры англицизма-сокращения. Количественный подсчет показывает сходство в представленности названных типов в обоих языках: большинство англицизмов составляют производные слова, образованные суффиксальным способом, далее располагаются сокращения, сочетания слов, потом простые и префиксальные заимствования. Различие между IT-терминосистемами итальянского и французского языков заключается в том, что адаптация с сохранением структуры исходных терминов в большей степени характерна для IT-терминосистемы итальянского языка. Кроме того, во французском языке меняется произношение заимствованного из английского языка IT-термина в соответствии с произносительными нормами французского языка, при этом грамматическая структура английского языка редко сохраняется без изменений, тогда как в итальянском языке в случае сохранения грамматической структуры фонетическая форма не изменяется.

Ключевые слова: термин, терминология, терминологический процесс, терминосистема, IT-термин, англицизм, нормализация, сопоставительное языкознание, заимствование, структурный тип.

Для цитирования: Никитюк А. Г. Адаптация англицизмов в современных французских и итальянских IT-терминосистемах (сопоставительный аспект) // Иностранные языки в высшей школе. 2022. № 3 (62). С. 79–86. DOI: 10.37724/RSU.2022.62.3.009.

Original article

Adaptation of English IT-Terms in Modern French and Italian IT-Terms Systems (Comparative Aspect)

Aleksandr G. Nikitiuk
Moscow City University, Moscow, Russia
nikitukag@mgpu.ru

Abstract. The article describes the modern processes associated with the normalization activities in the territory of France and Italy, which affect the English borrowings adaptation to French and Italian IT-terms systems. We describe the adaptation of English borrowings related to such structural types as simple word, word combination, derived word, abbreviation. A comparative analysis of the French and Italian terminological systems shows similarities in the adaptation of simple words. The word combinations are represented in both languages, they can retain their form or partially change it according to adaptation models of French and Italian language. In both languages, derived words can be adapted with suffixes or prefixes as well as there is a similarity in maintaining the structure of English derived words. The calculation shows similarities in the representation of these types in both languages: the largest number of English borrowings is represented by derived words formed by suffix, followed by abbreviations, word combinations, simple words and prefix borrowing. The difference between Italian and French IT terminology is that adaptation with the preservation of the original term structure is more typical of the Italian IT terminology. The pronunciation of the borrowed IT-term changes in accordance with the French pronunciation norms, while the English grammatical structure of the term is rarely kept unchanged. In the Italian language the phonetic form does not change in case the grammatical structure is preserved.

© Никитюк А. Г., 2022

Keywords: term, IT-term, terminology, terminological process, term system, structural types, borrowings, normalization, comparative linguistics.

For citation: Nikitiuk A. G. Adaptation of English IT-Terms in Modern French and Italian IT-Terms Systems (Comparative Aspect). *Inostrannye yazyki v vysshej shkole* [Foreign Languages in Tertiary Education]. 2022; 3(62):79–86. (In Russ.) DOI: 10.37724/RSU.2022.62.3.009.

В современном языкознании распространение специальной лексики приводит к появлению новых терминосистем, обновлению и расширению уже существующих. В связи с этим повышенное внимание уделяется уточнению содержания понятий «термин» и «терминология» [Авербух, 2018, с. 48–51]. Исследователи обращаются к сопоставительному анализу терминосистем различных языков, в том числе французского и итальянского, с целью их стандартизации и гармонизации [Гринев, 2017, с. 69].

Терминология сферы информационных технологий (далее — IT) активно развивается: возникают новые терминосистемы, расширяются уже существующие; отдельные единицы специальной лексики закрепляются в языке и переходят в разряд общеупотребительной лексики. В силу ряда экстралингвистических факторов тенденции развития терминосистем сферы IT, как и других терминосистем, во французском и итальянском языке различаются и обладают определенной спецификой.

Во Франции активно ведет нормализационную терминологическую работу Французская академия. Она координирует деятельность Генеральной комиссии по терминологии и неологии (*Commission spécialisée de terminologie et de néologie*) и других специализированных комиссий, например, Подготовительной терминологической комиссии (*Commission préparatoire*), которые выносят на рассмотрение академии вопросы, связанные с функционированием в языке единиц специальной лексики. Одобрение членов академии является необходимым условием для публикации новых терминов в «Официальном вестнике Французской Республики» (*Journal Officiel de la République Française*) и свидетельством допустимости их использования. Статус Французской академии как нормативного языкового регулятора закреплен на законодательном уровне, и сегодня она несет ответственность за подбор французских эквивалентов терминам иностранного происхождения, чтобы препятствовать их бесконтрольному распространению и таким образом заботиться о чистоте французского языка [Короленко, 2020, с. 29].

В Италии нет государственного института, ответственного за стандартизацию итальянского языка, однако существуют организации, которые способствуют изучению языка и его распространению. Например, Академия Делла Круска выпускает новые издания словаря итальянского языка, консультирует по лингвистическим вопросам, публикует статьи о неологизмах. Подразделение академии – группа *Incipit* — регулярно, начиная с 2016 года, публикует статьи, в которых предлагаются альтернативные варианты заимствованиям и неологизмам. Итальянская терминологическая ассоциация (*Associazione italiana per la terminologia*) разрабатывает онлайн-словари итальянских эквивалентов заимствованным терминам и ежегодно проводит конференции, посвященные терминологическим вопросам [Никитюк, Разумова, 2021, с. 33–36].

В данной статье устанавливаются способы образования IT-терминов, характерные для французского и итальянского языка, в сопоставительном аспекте. В качестве теоретической основы исследования используется классификация С. В. Гринева-Гриневича, который выделяет четыре категории способов терминообразования: семантическую, морфологическую, синтаксическую, морфолого-синтаксическую [Гринев-Гриневич, 2008, с. 123]. В рамках этой статьи анализируются способы адаптации IT-терминов английского происхождения во французском и итальянском языках. Исследование проводится на материале 789 терминов на французском языке и 789 терминов на итальянском языке из сферы IT. Термины отобраны из четырехъязычного глоссария *ICTterm* методом сплошной выборки.

Прежде всего отметим, что заимствование из английского языка является одним из наиболее распространенных способов образования IT-терминов. В силу перечисленных ранее экстралингвистических факторов процесс введения новых терминов во французский язык и закрепления в нем является более контролируемым со стороны нормализаторских институтов Франции, чем Италии. Именно поэтому во многих случаях при заимствовании термина из английского языка его форма в итальянском языке не меняется, и сохраняется его исходное произношение и семантика, в то время как во французском языке обязательно производится фонетическая адаптация, например:

англ. *plug and play [plʌg ænd pleɪ]* – франц. *plug and play [plug‿ãplɛ]* [Termini scelti delle tecnologie … , 2005, p. 87].

В данной статье изучаются случаи адаптации англицизмов во французской и итальянской IT-терминосистеме по четырем перечисленным ниже структурным типам, представленным в IT-терминосистеме анализируемых языков (в качестве основы взяты структурные типы, предложенные в учебном пособии по русскому языку Н. М. Шанского и А. Н. Тихонова) [Шанский, Тихонов, 1987, с. 18–20].

Рассматриваемые структурные типы англицизмов в IT-терминосистемах французского и итальянского языков следующие:

1) простое слово (в том числе как с одной, так и с несколькими корневыми морфемами);
2) составные (минимум из двух слов);
3) производное слово (с добавлением французских или итальянских суффиксов или префиксов к исходной английской корневой морфеме);
4) сокращение (аббревиатура).

Функционирование адаптированных англицизмов сначала описывается во французском языке, потом — в итальянском языке.

Обратимся к адаптации англицизма, представленного структурно в виде простого слова в исходном языке (английском), который осваивается французским языком без графических изменений. Отметим, что при этом во всех случаях произношение заимствованных IT-терминов меняется в соответствии с нормами французского языка. Простые, непроизводные англицизмы во французской IT-терминосистеме полностью или частично сохраняют свой внешний вид. Например, англ. *animation [ænɪˈmeɪʃn]* — франц. *animation [animasjɔ̃]* [Termini scelti delle tecnologie … , 2005, p. 59]. Как следует из приведенного примера, англицизм, представляющий собой простое слово, при адаптации к IT-терминосистеме французского языка сохранил свою исходную структуру.

Далее перейдем к составным англицизмам — сложным словам. В терминосистеме информационных технологий ряд терминов английского происхождения, состоящих из двух и более слов, во французском языке сохраняет исходную структуру, например: англ. *plug and play [plʌg ænd pleɪ]* — франц. *plug and play [plug‿ãplɛ]* [Termini scelti delle tecnologie … , 2005, p. 87]. Как правило, вместо адаптации происходит подбор эквивалентного термина с использованием словообразовательных моделей французского языка.

В подавляющем большинстве случаев в принимающем языке, то есть французском, англицизм адаптируется не только фонетически, но и графически, сохраняя при этом структуру простого слова или словосочетания. Следует отметить, что в некоторых случаях во французском языке изменяется структура англицизма при сохранении исходных морфем, например: англ. *test concept* – франц. *concept de test* [Termini scelti delle tecnologie … , 2005, p. 112]. Как следует из этого примера, характерная для английского языка беспредложная конструкция во французском языке подстраивается путем добавления предлога *de* и перестановки главного и зависимого слова в словосочетании.

Теперь рассмотрим адаптацию англицизма в виде производного слова. Вначале проанализируем употребление суффиксов, способствующих адаптации англицизмов во французском языке. К числу таких суффиксов относятся *TION, AGE, IQUE, MENT, EUR* [Guide de néologie terminologique, 2014, p. 27].

Самым частотным является суффикс *TION*, например: англ. *acceptance test* – франц. *test d'acceptation* [Termini scelti delle tecnologie …, 2005, p. 112]. Как показывает пример, форма заимствованного слова сохраняется, но адаптация происходит за счет французского суффикса *TION*, имеющего отличную от эквивалентного английского суффикса фонетическую форму. Этот суффикс обозначает процесс, продолжительность действия. Зафиксированы также случаи адаптации с использованием суффикса действующего лица *EUR*, например: англ. *indicator* — франц. *indicateur* [Ibid., p. 174]. В адаптированных англицизмах встречается суффикс *AGE* со значением процесса, продолжительного действия: англ. *parameterisation* — франц. *paramétrage* [Ibid.]. Кроме того, для адаптации англицизмов используется суффикс *MENT*, применяемый для описания законченных процессов: англ. *e-government* — франц. *cybergouvernement* [Ibid., p. 110]. Наконец, обнаружены единичные случаи использования суффиксов *IÈRE, IQUE*: англ. *banner* — франц. *bannière* [Ibid., p. 157]; англ. *informatics* — франц. *informatique* [Ibid., p. 174].

Англицизмы во французской IT-терминосистеме проходят процесс приспособления за счет прибавления к корню слова префикса *CYBER*, например: англ. *e-administration* — франц. *cyberadministration* [Termini scelti delle tecnologie … , 2005, p. 25]. В названном случае наблюдается процесс замены английской приставки *E-* (сокращение от *electronic*) на французскую приставку *CYBER* с аналогичным значением. Кроме упомянутой приставки, во французской IT-терминосистеме англицизм может получить приставку *SOUS* вместо английского префикса: англ. *Subroutine* — франц. *sous-routine* [Ibid., p. 52].

Следующим структурным типом англицизма-IT-термина являются сокращения. Зафиксированы акронимы, которые заимствуются французским языком без структурных изменений, например: англ. *CGI (common gateway interface)* — франц. *CGI (common gateway interface)* [Termini scelti delle tecnologie … , 2005, p. 62].

Обратимся к количественному подсчету для установления частотности использования структурных типов англицизмов, выступающих в виде существительных, и отобразим данные в виде диаграммы (рис. 1).

Англицизмы:

– простые — 24;
– составные — 31;
– суффиксальные — 84 (tion — 50, eur — 14, age — 10, ment — 8, ière — 1, ique — 1);
– префиксальные — 17 (cyber — 11, sous — 4, inter — 2);
– сокращения — 72.

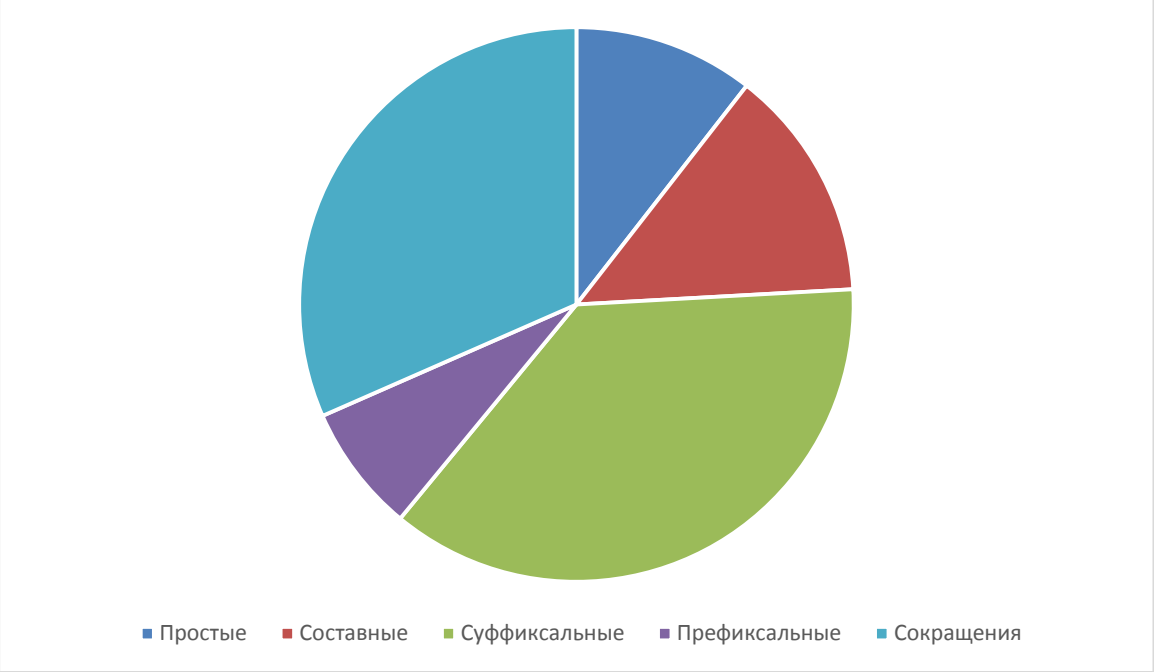

Рис. 1. Количественная представленность структурных типов англицизмов во французской IT-терминосистеме

Как следует из диаграммы, основная часть англицизмов в составе французской IT-терминосистемы представляет собой структурно оформленные слова с использованием французских суффиксов (48 %). Следующим по частотности способом адаптации являются заимствованные сокращения (32 %), реже используются сложные (14 %) и односложные (11 %) заимствования. Наименьшая доля заимствованных англицизмов приходится на префиксальное оформление структуры англицизма (7 %).

Целесообразно подобным образом проанализировать структуру англицизмов, используемых в итальянской IT-терминосистеме. Отметим, что при заимствовании термина из английского языка в итальянском языке его звуковая форма сохраняется, в отличие от адаптации во французском языке.

В итальянской IT-терминосистеме были найдены англицизмы первого из анализируемых структурных типов, а именно — простые, непроизводные. Они сохранили свою структуру в итальянском языке при переходе из английского, например: англ. *client* — итал. *client*. Как показывает пример, простой англицизм сохранил свою структуру в итальянском языке.

Составные англицизмы также имеют место в итальянской IT-терминосистеме, например: англ. *firewall* — итал. *firewall*. В этом случае полностью сохраняется структура английского термина-словосочетания в итальянском языке в составе IT-терминосистемы.

Производные англицизмы при адаптации итальянским языком также могут приобретать суффиксы или префиксы. Самыми частотными суффиксами являются *ZION (SION), ITÀ, MENT, UR, ENZ*, префиксами — *CIBER, TELE, RI, SOTTO* [Vademecum di neologia terminologica, 2014, pp. 23–30].

Проанализируем подробно каждый суффикс.

В глоссарии IT-терминов на итальянском языке наиболее распространенным суффиксом, обозначающим процесс, продолжительность действия, является *ZION* (и его вариант — *SION*). С этим суффиксом англицизм может иметь следующий вид: англ. *application* — итал. *applicazione* [Termini scelti delle tecnologie … , 2005, p. 104]. В этом случае англицизм меняет исходный суффикс на суффикс итальянского языка, адаптируясь к итальянской IT-терминосистеме. Суффикс *ITÀ*, который указывает на наличие определенного свойства, характерной черты, аналогичным образом изменяет исходную структуру англицизма: англ. *compatibility* — итал. *compatibilità* [Ibid., p. 111]. Упомянутый суффикс используется при адаптации англицизма и частично изменяет структуру слова. В процессе адаптации к итальянской IT-терминосистеме также используется суффикс *MENT*, который обозначает законченность процесса: англ. *retrieval* — итал. *ritrovamento* [Ibid., p. 143]. Как и в предыдущих случаях, итальянский суффикс преобразует структуру слова, заменяя собой начальный английский суффикс, при этом исходная корневая морфема также претерпевает изменения. Суффикс *ENZ* может применяться в процессе адаптации англицизма к IT-терминосистеме итальянского языка: англ. *transparency* — итал. *trasparenza* [Ibid., p. 191]. Пример демонстрирует, что в процессе приспособления англицизма к итальянской IT-терминосистеме происходит, как и в описанных ранее случаях, замена английского суффикса на итальянский. Итальянский суффикс с собирательным значением *UR*, как было указано выше, находит применение в процессе адаптации IT-терминов английского происхождения: англ. *infrastructure* — итал. *infrastruttura* [Ibid., p. 34]. Как показывает пример, итальянский суффикс по структуре похож на существующий в английском языке, но при адаптации форма англицизма частично меняется: суффиксы произносятся неодинаково, за ними следуют разные флексии.

Рассмотрим другие случаи аффиксации англицизма при адаптации к IT-терминосистеме итальянского языка. Частотными префиксами в этом процессе выступают *CIBER, TELE, RI, SOTTO*. Подробно проанализируем процесс префиксации при образовании англицизмов — производных слов.

Итальянский префикс *CIBER* находит свое применение при адаптации англицизма к итальянской IT-терминосистеме, например: англ. *eOrganisation, e-organisation* — итал. *ciberorganizzazione* [Termini scelti delle tecnologie … , 2005, p. 85]. В этом случае происходит замена английского префикса на итальянский. Приставка *TELE* так же, как и *CIBER*, может использоваться при адаптации английских IT-терминов с компонентом значения «электронный»: англ. *eDemocracy*; *e-democracy* — итал. *democrazia elettronica; teledemocrazia* [Ibid., p. 116]. Альтернативой использованию приставки *TELE* является эксплицитное применение прилагательного «электронный» — *elettronico*. При адаптации англицизмов английский префикс *RE* может заменяться на итальянский *RI* со значением повтора действия: англ. *reusability* — итал. *riutilizzabilità* [Ibid., p. 143]. Приставка *SOTTO* также используется для адаптации английских IT-терминов в итальянском языке: англ. *symmetric digital subscriber line* — итал. *linea di sottoscrizione digitale simmetrica* [Ibid., p. 149].

Следующим структурным типом англицизмов-*IT*-терминов выступают сокращения. Ряд акронимов заимствуется итальянским языком без структурных изменений, например: англ. *CGI (common gateway interface)* — итал. *CGI (common gateway interface)* [Termini scelti delle tecnologie … , 2005, p. 159].

Обратимся к количественному подсчету для установления частотности использования перечисленных структурных типов англицизмов, представленных в IT-терминосистеме английского языка в виде существительных (рис. 2).

Англицизмы:
- простые — 23;
- составные — 37;
- суффиксальные — 112 (*ZION/SION* — 64, *ITÀ* — 19, *MENT* — 16, *ENZ* — 5, *UR* — 8);
- префиксальные — 15 (*SOTTO* — 4, *CIBER* — 6, *RE* — 3, *TELE* — 2);
- сокращения — 94.

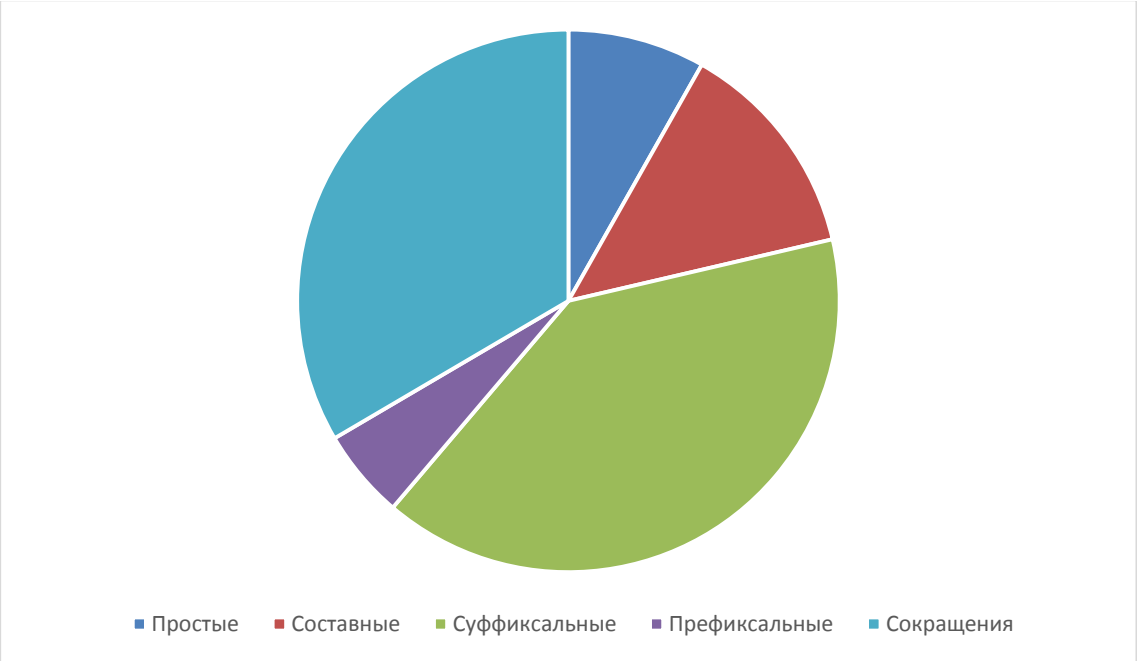

Рис. 2. Количественная представленность структурных типов англицизмов в итальянской IT-терминосистеме

Как следует из диаграммы, основная часть англицизмов в составе итальянской IT-терминосистемы представляет собой структурно оформленные слова с использованием итальянских суффиксов (40 %). Следующим по частотности способом адаптации являются заимствованные сокращения (33 %), далее — составные (13 %) и простые заимствования (8 %). Наименьшая доля заимствованных англицизмов приходится на префиксальное оформление структуры англицизма (5 %).

Сопоставительный анализ англицизмов-терминов в составе терминосистем французского и итальянского языков свидетельствует о сходстве следующих структурных типов:
- простое слово;
- сочетание слов;
- производное слово;
- сокращение.

Изучение процесса адаптации англицизмов к IT-терминосистемам сопоставляемых языков демонстрирует, что структура простого слова сохраняется как во французском, так и в итальянском языках.

Составные англицизмы представлены в сопоставляемых терминосистемах обоих языков, при этом в процессе адаптации они могут как сохранять свою форму, так и частично изменять ее согласно правилам принимающего языка. Однако во французском языке всегда меняется произношение заимствованного из английского языка IT-термина в соответствии с произносительными нормами французского языка, при этом грамматическая структура английского языка редко сохраняется без изменений, тогда как в итальянском при сохранении грамматической структуры фонетическая форма не изменяется.

В сопоставляемых языках в составе IT-терминосистем имеют место англицизмы — производные слова. Сходство заключается в том, что как во французском, так и в итальянском языке

англицизм адаптируется с помощью суффиксов или префиксов принимающего языка, однако в каждом из языков используются разные суффиксы. В обоих языках констатируется сходство в сохранении структуры англицизма-сокращения.

Что касается количественной характеристики установленных структурных типов англицизмов в составе IT-терминосистем французского и итальянского языков, то сходство проявляется в том, что наибольшее число англицизмов представлено производными словами, образованными суффиксальным способом. На втором месте по частотности употребления в обоих языках находятся заимствованные сокращения, далее следуют составные заимствования и простые. Наименьшая доля заимствованных англицизмов в обоих языках приходится на префиксальный способ оформления структуры англицизма.

Различие между IT-терминосистемами итальянского и французского языков заключается в том, что адаптация с сохранением структуры исходных терминов в большей степени характерна для IT-терминосистемы итальянского языка.

Список источников

1. Авербух К. Я., Попова Л. Г., Кулакова Ю. Н. Концептуальная структура экологических терминов английского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2018. — № 5. — С. 48–51.

2. Гринев С. В. Сопоставительное терминоведение: современное состояние // Вестник Московского городского педагогического университета. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». — 2017. — № 1 (25) 2017. — С. 68–75.

3. Гринев-Гриневич С. В. Терминоведение : учеб. пособие. — М. : Академия, 2008. — 302 с.

4. Короленко О. И. Культура диалога академиков в XXI веке: Французская Академия // Сборник трудов конференции «Диалог культур. Культура диалога: от конфликта к взаимопониманию». — М. : Московский гор. пед. ун-т, 2020. — С. 29–34.

5. Никитюк А. Г., Разумова Л. В. Нормализаторские институты современной Италии // Филологическое образование и современный мир : материалы XVII Междунар. науч.-практ. конф. — Чита : ЗабГУ, 2021. — С. 33–36.

6. Шанский Н. М., Тихонов А. Н. Современный русский язык : учеб. : в 3 ч. — 2-е изд., испр. и доп. — М. : Просвещение, 1987. — Ч. 2. Словообразование. Морфология. — С. 18–20.

7. Guide de néologie terminologique. Chancellerie fédérale. Section de terminologie. — Berne, 2014. — P. 27. — URL : https://www.bk.admin.ch/dam/bk/it/dokumente/terminologie/vademecum_di_neologiaterminologica.pdf.download.pdf/vademecum_di_neologiaterminologica.pdf (дата обращения: 15.07.2022).

8. Termini scelti delle tecnologie dell'informazione e della comunicazione. Cancelleria federale. Sezione di terminologia. 2-a edizione. — Berna, 2005. — 199 p. — URL : https://www.bk.admin.ch/dam/bk/it/dokumente/terminologie/ausgewaehlte_fachausdrueckederiktmai20052auflage.pdf.download.pdf/termini_scelti_delleticmaggio20052aedizione.pdf (дата обращения: 15.07.2022).

9. Vademecum di neologia terminologica. Cancelleria federale. Sezione di terminologia. — Berna, 2014. — Pp. 23–30. — URL : https://termcoord.eu/wp-content/uploads/2013/08/Vademecum-di-neologia-terminologica.pdf (дата обращения: 15.07.2022).

References

1. Averbuh K., Popova L., Kulakova Y. Conceptual Structure of Environmental Terms in English. *Filologicheskie nauki. Voprosy` teorii i praktiki* [Philological sciences. Questions of theory and practice]. 2018. no. 5, pp. 48–51. (In Russian).

2. Grinev S. Comparative Terms: Current State. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Ser. "Filologiya. Teoriya yazy`ka. Yazy`kovoe obrazovanie"* [Bulletin of the Moscow City Pedagogical University. Ser. "Philology. Theory of language. Language Education"], 2017, no. 1 (25), pp. 68–75. (In Russian).

3. Grinev-Grinevich S. *Terminovedenie: uchebnoe posobie* [Terminology. Training manual]. Moscow, Academy Publ., 2008, 303 p. (In Russian).

4. Korolenko O. Culture of academics' dialogue in the XXI century: French Academy. *Sbornik trudov konferencii "Dialog kultur. Kultura dialoga: ot konflikta k vzaimoponimaniyu*" [Proceedings of the Conference "Dialogue of Cultures. Culture of Dialogue: from Conflict to Mutual Understanding"]. Moscow, Moscow City Pedagogical University Publ., 2020, pp. 29–34. (In Russian).

5. Nikitiuk A., Razumova L. Normalization institutes of modern Italy. *Filologicheskoe obrazovanie i sovremenny`j mir: materialy` XVII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii* [Philological Education and the Modern World: Proceedings of the 17th International Scientific and Practical Conference]. Chita, Transbaikal State University Publ., 2021, pp. 33–36. (In Russian).

6. Shansky N., Tikhonov A. *Sovremenny`j russkij yazy`k: ucheb.: v 3 ch.* [Modern Russian language. Tutorial: in 3 pt.]. 2nd ed., ed. and enlarged. Moscow, Prosveshhenie Publ., 1987, pt. 2. Word formation, morphology. Pp. 18–20. (In Russian).

7. Guide de néologie terminologique. Chancellerie fédérale. Section de terminologie. Berne, 2014, p. 27. Available at: https://www.bk.admin.ch/dam/bk/it/dokumente/terminologie/vademecum_di_neologiaterminologica.pdf.download.pdf/vademecum_di_neologiaterminologica.pdf (accessed 15.07.2022).

8. Termini scelti delle tecnologie dell'informazione e della comunicazione. Cancelleria federale. Sezione di terminologia. 2-a edizione. Berna, 2005. 199 p. Available at: https://www.bk.admin.ch/dam/bk/it/dokumente/terminologie/ausgewaehlte_fachausdrueckederiktmai20052auflage.pdf.download.pdf/termini_scelti_delleticmaggio20052aedizione.pdf (accessed 15.07.2022).

9. Vademecum di neologia terminologica. Cancelleria federale. Sezione di terminologia. Berna, 2014, pp. 23–30. Available at: https://termcoord.eu/wp-content/uploads/2013/08/Vademecum-di-neologia-terminologica.pdf (accessed 15.07.2022).

Информация об авторе

Никитюк Александр Георгиевич — аспирант, старший преподаватель кафедры романской филологии института иностранных языков Московского городского педагогического университета.

Information about the author

Nikitiuk, Aleksandr — Postgraduate Student, Senior Lecturer, Dpt. of. Roman philology, Foreign Languages Institute, Moscow City Pedagogical University.

Статья поступила в редакцию 07.08.2022;
одобрена после рецензирования 14.08.2022;
принята к публикации 15.08.2022.

Submitted 07.08.2022;
approved after reviewing 14.08.2022;
accepted for publication 15.08.2022.

Иностранные языки в высшей школе. 2022. № 3 (62). С. 87–96.
Foreign Languages in Tertiary Education. 2022;3(62):87–96.

Научная статья
УДК 811.111'373.23
DOI: 10.37724/RSU.2022.62.3.010

Структурно-семантические и лингвокультурологические особенности этномаркированных диминутивных наименований лица в английском языке

Анна Сергеевна Ососкова
Донецкий национальный университет, Донецк, Донецкая Народная Республика
anna_ososkova@mail.ru

Аннотация. Цель исследования — установить способы выражения диминутивности английских этномаркированных наименований человека на семантическом и морфологическом уровнях, выявить их лингвокультурологические особенности. В качестве методов исследования использованы компонентный анализ, словообразовательный метод, описательный метод, лингвокультурологический анализ, элементы количественного анализа. В статье уточняются определения основных терминов исследования: диминутивность, этноним и этническое прозвище. Результаты говорят о преобладании инвективных лексем, выражающих пренебрежительное отношение говорящего к чужому народу, что объясняется дихотомией свой — чужой. При этом оценочное значение может зависеть от времени использования лексемы, географического положения и коммуникативной ситуации. Описана национально-культурная специфика исследуемых этнономинаций как отражение английской языковой картины мира. Новизна проведенного исследования заключается в рассмотрении диминутивных наименований лица по национальности, месту жительства, расовой принадлежности и другим смежным признакам в рамках категории этномаркированных лексических единиц. Кроме того, автором сформирован корпус этномаркированных наименований лица в английском языке, в которых диминутивность представлена в семантике и структуре, описаны способы ее лексикографической фиксации.

Ключевые слова: диминутивность, этноним, этномаркированные диминутивные наименования лица, этническое прозвище, английский язык.

Для цитирования: Ососкова А. С. Структурно-семантические и лингвокультурологические особенности этномаркированных диминутивных наименований лица в английском языке // Иностранные языки в высшей школе. 2022. № 3 (62). С. 87–96. DOI: 10.37724/RSU.2022.62.3.010.

Original article

Structural, Semantic, and Linguocultural Peculiarities of Ethno-Marked Diminutive Designations of a Person in English

Anna S. Ososkova
Donetsk National University, Donetsk, Donetsk People's Republic
anna_ososkova@mail.ru

Abstract. The purpose of the study is to identify ways of expressing diminutive semantics of English ethno-marked designations of a person on the semantic and morphological levels, ascertain their linguocultural peculiarities. The author employs componential analysis, method of word-formation, descriptive method, linguocultural analysis and elements of quantitative analysis. Such key concepts of the study as diminutiveness, ethnonym and ethnic nickname are defined in the article. The results of the research show that invective lexemes that express the speaker's attitude to a different nation prevail, which can be explained by the dichotomy friend — foe. At the same time the evaluative meaning of a lexeme may depend on the period of its usage, geographical position and communicative situation. The national and cultural specificity of the ethno-nominations under study is described as a reflection of the English language picture of the world. The novelty of the study consists in considering diminutive designations of a person by nationality, place of residence, race and other related features within the category of ethno-marked lexical units. In addition, the author has formed a corpus of ethno-marked designations of a person in English, in which diminutiveness is presented in semantics and structure, and described ways of its lexicographic fixation.

Keywords: diminutiveness, ethnonym, ethno-marked diminutive designations a of person, ethnic nickname, English.

© Ососкова А. С., 2022

For citation: Ososkova A. S. Structural, Semantic, and Linguocultural Peculiarities of Ethno-Marked Diminutive Designations of a Person in English. *Inostrannye yazyki v vysshej shkole* [Foreign Languages in Tertiary Education]. 2022; 3(62):87–96. (In Russ.) DOI: 10.37724/RSU.2022.62.3.010.

Данная статья посвящена изучению структурно-семантических и лингвокультурологических особенностей этномаркированных диминутивных наименований лица в английском языке. Диминутивность как языковое явление выступает чрезвычайно интересным предметом исследований и неоднократно привлекала внимание отечественных и зарубежных лингвистов, о чем свидетельствуют многочисленные труды на данную тематику. Теоретическую основу изучения диминутивов в современной лингвистике составляют работы по следующим направлениям:

– диминутивы в свете теории естественной морфологии [Dressler, Mayerthaler, 1987 ; Bybee, 1991 ; Wheeler, 1993];

– морфопрагматический подход к изучению диминутивов, провозглашающий приоритет прагматики над семантикой [Dressler, Barbaresi, 1994];

– семантическая и словообразовательная мотивация диминутивов [Исакова, 2006 ; Кубрякова, 2018 ; Leech, 1981 ; Dressler, Barbaresi, 1994 ; Jurafsky, 1996 ; Schneider, 2003];

– коммуникативно-прагматический аспект диминутивности [Резниченко, 2000 ; Звонарева, 2012 ; Wierzbicka, 2003];

– сопоставительный аспект изучения категории диминутивности в двух языках и языковой группе [Harden, 1997 ; Grandi, 2001];

– усвоение диминутивов на ранних этапах онтогенеза [Gillis, 1997 ; Savickienė, Dressler, 2007].

Актуальность исследования обусловлена лингвокультурологическим подходом к изучению семантических и структурных особенностей английских диминутивов. *Объектом* исследования являются этномаркированные диминутивные наименования лица в английском языке. В связи с этим рассмотрим определения таких ключевых терминов, как диминутивность, этноним и этническое прозвище.

Начнем с разъяснения сущности такой сложной и недостаточно изученной понятийной категории, как диминутивность. Несмотря на то, что она ассоциируется в первую очередь со славянскими и романскими языками, диминутивность также представлена в других группах языков и выражается в разных языковых формах. В широком понимании диминутивность — это «обобщенное значение малого объема, размера и т. п., обычно выражаемое посредством уменьшительных аффиксов и сопровождающееся различными эмоциональными окрасками — ласкательности, уничижительности и т. п.» [Ахманова, 2004, с. 102]. Следует отметить, что понимание диминутивности не ограничивается данной трактовкой. В силу многоплановости этого языкового явления мнения лингвистов расходятся, в связи с чем диминутивность может быть определена как грамматическая [Ефремова, Шаховский, 1990], семантико-грамматическая [Розенталь, Теленкова], семантико-прагматическая категория [Резниченко, 2000 ; Dressler, Barbaressi, 1994].

Важным аспектом изучения диминутивных единиц является описание их семантического значения. В своей работе В. Дресслер и М. Барбарези говорят о том, что диминутивы сочетают в себе три аспекта значения: денотативный, коннотативный и прагматический [Dressler, Barbaressi, 1994]. При этом важно разграничивать денотативное и коннотативное значения диминутивных единиц, чтобы не путать количественное значение с эмоционально-оценочным отношением говорящего.

Тем не менее считать малость единственно возможным денотативным значением диминутива — большое заблуждение. Действительно, «маленький размер» и «юность» являются ядерными диминутивными значениями во всех языках, но от них ответвляется множество периферийных компонентов, таких как принадлежность к женскому полу, потомок, малая степень социальной важности, сочувствие, привязанность, любовь, игривость, презрение, уменьшенное подобие, имитация и некоторые другие [Jurafsky, 1996, p. 542]. Таким образом, по наблюдению Д. Джурафски, эмоциональная реакция говорящего может быть мотивирована как малым размером референта, так и другими параметрами.

Вторым ключевым термином данной работы выступает «этноним». В традиционном смысле под этнонимом понимается название различных видов этнических общностей [Ярцева, 2002]. В рамках современного научно-исследовательского подхода этноним рассматривается как лексическая единица, в которой репрезентируется признак этнической, политической, религиозной или

территориальной идентичности [Апанасенко, 2007]. Наблюдаемую генерализацию значения указанного термина можно связать с изменениями, которые происходят в восприятии собственной идентичности представителей того или иного этнического сообщества. Как правило, каждый человек считает себя членом устойчивой группы людей, которые имеют несколько общих черт, таких как цвет кожи, вероисповедание, язык, территория, экономическая жизнь, психический склад, культура.

Этномаркированные диминутивные наименования лица являются неофициальными названиями этносов и их представителей, функционирование которых ограничено разговорной речью, где они употребляются в качестве этнических прозвищ, то есть своеобразных этнических ярлыков, которые отражают стереотипные представления о той или иной народности [Большая российская энциклопедия]. В русской традиции применяются и другие эквиваленты, например, прозвищные этнонимы, национальные прозвища, этнические клички, вторичные этнические названия. Для грубых и непристойных этнических прозвищ есть соответствующие термины — этнодисфемизмы или этнофолизмы.

Дискуссионность вопроса об отнесенности этнонимов к именам собственным или нарицательным представляется закономерной. В рамках нашего исследования диминутивные наименования лица по национальности рассматриваются как имена нарицательные, несмотря на принятое в английском языке написание таких единиц речи с заглавной буквы. Главный аргумент в пользу данного подхода заключается в том, что этнономинации не выполняют функции индивидуализации объектов.

Материал исследования отобран методом сплошной выборки из таких авторитетных словарей, как The New Shorter Oxford English Dictionary on Historical Principles [The New Shorter Oxford English Ditionary … , 2002], The Concise New Partridge Dictionary of Slang and Unconventional English [The Concise New Partridge Dictionary … , 2007], а также сети Интернет. В силу того, что один и тот же диминутив может иметь сразу несколько значений, считаем целесообразным рассматривать количество лексико-семантических вариантов, а не самих слов. Таким образом, анализу было подвергнуто 106 этномаркированных диминутивных наименований лица и 126 этномаркированных значений.

При определении критериев отбора материала мы следовали за О. Л. Бессоновой [Бессонова, 2018]. Основными критериями отбора этномаркированных диминутивных наименований лица в английском языке являются:

1. Маркеры, указывающие на этническое происхождение человека (например, a person from …, adjective + person, person of … descent, a native or inhabitant of …, (A nickname for) adjective + person).

2. Маркеры уменьшительности в дефиниции (например, child («ребенок»), girl («девочка»), youth («юноша»)).

3. Лексикографические пометы:

3.1. эмотивные (например, racially offensive, derogatory, pejorative, insulting and contemptuous term, disparaging, affectionate, humorous, jocular);

3.2. стилистические (например, strongly taboo word, ethnic slur, colloquial, slang, black slang, African American English);

3.3. пометы, указывающие на географическое местоположение (например, UK, Scot., Northern Ireland, US, North America, Austral., New Zealand, South Africa, W. Indies, Caribbean).

4. Маркеры словообразовательной деривации (например, -y (-ie, -ey), -ee, -o, -een, -kin, -let, -ette, -illo).

Методика исследования включает в себя ряд этапов, в том числе: определение критериев отбора материала; семантический анализ диминутивных единиц с помощью компонентного анализа; определение структурных способов образования диминутивов посредством словообразовательного метода; выявление тенденций, касающихся частотности проявления семантических и структурных особенностей этномаркированных диминутивных наименований лица, с помощью элементов количественного анализа; интерпретация количественных результатов исследования; выявление и описание национально-культурной специфики исследуемых этнономинаций как отражения английской языковой картины мира.

Перейдем к изложению основных результатов исследования и их обсуждению. В ходе исследования установлено, что корпус этнических прозвищ английского языка является достаточно разнородным и адресован большому количеству национальностей. Значение «национальность» зафиксировано в семантике 80 диминутивов, которые называют людей по 44 национальностям (табл. 1).

Таблица 1

Количественная характеристика диминутивных наименований лица по национальности в английском языке

Национальность	**Кол-во**	**Примеры**
Еврей	6	***sheeny*** — a Jew *(slang, offensive)*
Англичанин	5	***Pom*** — a person living in Britain, esp. in England *(derog., Australian and NZ slang)*
Шотландец	5	***Sawney*** — (a nickname for) a Scotsman *(derog.)*
Ирландец	5	***Paddy*** — (a nickname for) an Irishman *(slang, derog.)*
Китаец	4	***Chinky*** — a Chinese person *(slang, offensive)*
Японец	3	***Nip*** — a Japanese person (*dated, slang, offensive, ethnic slur)*
Австралиец	3	***Aussie*** — an Australian (*informal)*
Цыган	3	***Gippo*** — a Gypsy (*Brit., offensive, slang)*
Немец	3	***Jerry*** — a German (*British slang)*
Другие	43	***Yardie*** — a fellow Jamaican
Всего	80	

Из представленной таблицы видно, что наиболее частотными оказались диминутивы, указывающие на этническую принадлежность к евреям, англичанам, шотландцам, ирландцам, китайцам, японцам, австралийцам, цыганам, немцам. Однократно или двукратно встречаются 43 диминутива, обозначающих человека по другой национальности: американца, вьетнамца, француза, франкоканадца, египтянина, ливанца, пакистанца, австралийского аборигена, филиппинца, австронезийца, венгра, корейца, албанца, англо-австралийца, араба, аргентинца, армянина, мексиканца, голландца, грека, итальяно-американца, новозеландца (европейского происхождения), южноафриканца, тасманийца, коста-риканца, зимбабвийца, ямайца, новогвинейца, русского, родезийца, уэльсца, индийца, тихоокеанского островитянина, эскимоса.

Следует отметить, что этнические прозвища являются производными от нейтральных названий этносов, то есть этнонимов. Однако если этнонимы выполняют сугубо денотативную функцию, то этнические прозвища не только номинируют человека, но и выражают субъективно-оценочное отношение к нему. Рассмотрим привативные оппозиции, в которые вступают маркированные и немаркированные наименования лица: *Aussie* — an Australian, *Jerry* — a German, *Paddy* – an Irishman. Как видно из примеров, первый маркированный элемент информативно богаче нейтральной лексемы.

Также анализ корпуса исследования показал, что среди этномаркированных наименований есть 11 диминутивов, которые называют людей по месту проживания (табл. 2).

Результаты количественного анализа, приведенные в таблице 2, показывают, что каждый из диминутивов данной группы встречается в выборке единожды. Только *westie* (от *west* — «запад») имеет два этномаркированных лексических значения, которые сообщают информацию о проживании человека в западном районе новозеландского города Окленда или австралийского города Сиднея.

Наименования лица по месту проживания связаны с административно-территориальным делением государства, в котором живет человек (графство в Англии, штат в США, а также остров, город, район города).

Примечательно, что в английском языке такие прозвища адресованы людям, проживающим в англоязычных регионах мира или странах, имеющих контакты или долгую историю взаимоотношений с Великобританией. Англия, Шотландия, Уэльс и Северная Ирландия являются частью единого государства; Канада, Австралия и Новая Зеландия — это бывшие доминионы Британской империи; США и Великобритания тесно сотрудничают по разным направлениям деятельности с середины XX века.

Таблица 2

Количественная характеристика диминутивных наименований лица по месту проживания в английском языке

Место жительства		Кол-во	Примеры
Англия	г. Бирмингем	1	***Brummie*** — a native or inhabitant of Birmingham, England *(colloq.)*
	г. Ньюкасл	1	***Geordie*** — an inhabitant of Newcastle upon Tyne or its environs *(Brit.)*
	графство Линкольншир	1	***yellowbelly*** — a native of Lincolnshire *(US, offensive, colloq.)*
	графство Западный Йоркшир	1	***Wessie*** — A resident of WestYorkshire, primarily Leeds *(colloq.)*
Ирландия	г. Дублин	1	***Jackeen*** — 1) A Dubliner; 2) An arrogant lower-class person, especially in Dublin *(pejorative)*
Шотландия	Шетландские острова	1	***Sheltie*** — a Shetlander *(chiefly joc.)*
США	штат Арканзас	1	***Arkie*** — a resident of Arkansas; an unsophisticated rustic from the south-central US *(often used with contempt, US)*
	штат Оклахома	1	***Okie*** — A migrant agricultural worker, specifically one from Oklahoma, who had been forced to leave a farm during the depression of the 1930s. Also, a native or inhabitant of Oklahoma *(colloq., chiefly US)*
Канада	г. Ньюфаундленд	1	***Newfie*** — A Newfoundlander *(colloq., frequently derog.)*
Новая Зеландия	Западные районы Окленда	1	***westie*** — a young working-class person from the western suburbs of Auckland *(NZ English)*
Австралия	Западные районы Сиднея		***westie*** — a young working-class person from the western suburbs of Sydney *(Australian English)*
Всего		10	

В ходе исследования было установлено, что некоторые диминутивные наименования лица по месту проживания в английском языке могут соотноситься с географическими названиями или топонимами. Согласно А. Б. Тарховой, под оттопонимическими языковыми единицами понимаются такие лексемы, в состав которых входит топоним в виде отдельного слова или части слов [Тархова, 2008, с. 453]. Диминутивные наименования лица могут быть образованы от названия:

– графства (***Wessie*** от *West Yorkshire* (Уэст-Йоркшир));
– штата (***Arkie*** от *Arkansas* (Арканзас));
– острова (***Sheltie*** от *Shetland Islands* (Шетландские острова));
– города (***Brummie*** от *Birmingham* (Бирмингем)).

Как и в случае с этническими прозвищами, диминутивные наименования лица по месту проживания также являются производными от нейтральных лексем и способны вступать в привативные оппозиции: *Arkie* — an Arkansan, *Brummie* — a Birminghamian, *Newfie* — a Newfoundlander, *Okie* — an inhabitant of Oklahoma.

Кроме того, анализ английских этномаркированных диминутивных наименований лица показал, что среди них имеются 24 названия человека по принадлежности к одной из рас (негроидной, европеоидной или монголоидной). Критерием для расовой классификации служит цвет кожи человека (табл. 3).

Таблица 3

Количественная характеристика диминутивных наименований лица
по расовой принадлежности в английском языке

Расовый признак	**Кол-во**	**Примеры**
Темнокожий	16	***fuzzy-wuzzy*** — *slang (racially offensive)* a black person, esp, one with tightly curled hair, esp. (Austral) a native of New Guinea
Белокожий	7	***Charlie*** — a white person / American (*used by African Americans)*
Желтокожий	1	***yellowbelly*** — a person having a yellowish skin, esp. *(US)* a Mexican
Всего	24	

Из таблицы видно, что ведущей по объему является группа названий темнокожего человека. В дефинициях таких лексем расовый признак выражен с помощью прилагательных *black* («черный») и *brown-skinned* («смуглый»), которые могут сопровождаться другими специфическими признаками, например, *with tightly curled hair* («с плотно завитыми волосами») — еще одной характерной чертой представителей негроидной расы.

Второй по продуктивности является группа существительных, указывающих на белокожего человека. В толковании данных языковых единиц расовый признак эксплицируется в прилагательных *white* («белый») и *white-skinned* («белокожий»).

Наименьшей по численности является категория «Названия желтокожего человека». В данном случае расовый признак эксплицируется не только в атрибутивном словосочетании *having a yellowish skin* («с желтоватым оттенком кожи»), но и в самой форме слова *yellowbelly* («желтокожий»).

Примечательно, что желтый цвет кожи не обязательно указывает на принадлежность к монголоидной расе. Так, прозвищем *yellowbelly* («желтокожий») (буквально «желтопузик») в английском языке называют:

– азиатов (китайцев, японцев, корейцев) (оскорбление);
– жителей графства Линкольншир (в шутливой форме);
– мексиканцев (оскорбление);
– представителей смешанных рас (оскорбление).

Отметим, что многие диминутивные наименования лица по расовой принадлежности в английском языке содержат указание на цвет кожи не только в дефиниции, но и непосредственно в словоформе. Примеры некоторых из них мы приведем ниже:

– ***darkie*** («черномазый») (от *dark* («темный»)) — a black person;
– ***brownie*** («негритос») (от *brown* («коричневый»)) — a brown-skinned person;
– ***whitey*** («белый») (от *white* («белый»)) — a white person *(black slang, freq. derog. & racially offensive)*.

Прежде чем перейти к анализу характера оценки этномаркированных диминутивных наименований в английском языке, подчеркнем, что все слова выборки, за исключением одного наименования, являются экзоэтнонимами, то есть названиями, которые даны другими народами. Исключение составляет эндоэтноним *Yardie* («ямаец»), который служит самоназванием народа, составляющего основное население Ямайки.

Итак, отмечено преобладание отрицательно-оценочных лексем в выборке. Данное наблюдение объясняется особенностями мировосприятия говорящего с точки зрения дихотомии свой — чужой, то есть мы (хорошие) — они (плохие). Представители другого народа вызывают резко отрицательную оценку, потому что они другие и отличаются от адресанта и таких, как он, по разным параметрам (национальность, место жительства, тип внешности, родной язык, религия, культура, система ценностей). Таким образом, говорящему сложно декодировать чужой мир, который так непохож на привычные для него реалии. Традиционно все новое и непознанное воспринимается

человеком враждебно и вызывает неодобрение. Соответственно, такая оценка направлена на возвышение собственного народа и уничижение чужого этноса.

Тем не менее важно подчеркнуть, что оценочное значение этномаркированных диминутивных наименований лица может варьироваться в зависимости от:

– времени использования лексемы;
– географического положения;
– коммуникативной ситуации.

Для иллюстрации первого положения рассмотрим диминутив *darkie* («черномазый»). Данная лексема вошла в английский язык в 1775 году и изначально не имела провокативного и пренебрежительного значения, зато сейчас считается табу-словом и расовым оскорблением [Harper].

Суть второго положения станет понятна на примере австралийского варианта английского языка, в котором активно используются диминутивы как часть обычной речи. Жители Австралии полагают, что это придает разговору дружеский и совершенно неофициальный стиль. Сами они не вкладывают отрицательный посыл в диминутивные прозвища типа *Aussie* («австралиец») или *Tassie* («тасманиец»), поэтому им тяжело понять, почему, например, пакистанцы оскорбляются, когда их называют *Pak* или *Pakky*, то есть сокращениями от официального этнонима *Pakistani* («пакистанец»).

Характер коммуникативной ситуации также диктует выбор речевых средств в момент говорения. Например, если говорящий называет своего друга-шотландца диминутивом *kiltie*, вероятнее всего, такое прозвище будет воспринято им как дружеское подшучивание и не заденет чувств. В то же время, если говорящий адресует данное диминутивное наименование незнакомому шотландцу, то такое прозвище может быть расценено как слегка унизительный выпад в сторону представителя шотландского народа.

Также анализ материала исследования позволил определить основные структурные способы образования диминутивных этномаркированных наименований лица. В английском языке диминутивная семантика таких единиц выражается на уровне слова посредством усечения и суффиксации.

Усечение реализуется вследствие сокращения основы существительного, например, ***Alb*** («албанец») от *Albanian*, ***Gyp*** («цыган») от *Gypsy*, ***Jap*** («японец») от *Japanese*. Суффиксация осуществляется посредством добавления суффиксов -y, -ey, -ie, -o, -een, -illo, -ito, -ette, -let, -kin к (усеченной) основе слова: ***Jackeen*** («дублинец») (*Jack* («Джек») + -een), ***niglet*** («негритенок») (*Nigger* («негр») + -let), ***Zimbo*** («зимбабвиец») (*Zimbabwean* («житель Зимбабве») + -o)).

Остановимся на нескольких интересных случаях образования этномаркированных диминутивных наименований и рассмотрим их более детально. Диминутив *seppo* («сеппо»), используемый в австралийском английском для презрительного наименования американца, образован от словосочетания *septic tank*, которое буквально переводится на русский как «септический резервуар». Однако данная лексема образована не просто добавлением суффикса -o к усеченной основе, как может показаться на первый взгляд, так же как и смысл этого прозвища не сводится к сравнению американцев с подземным отстойником для бытовых сточных вод. На самом деле причина такого использования стилистически-сниженной лексемы кроется гораздо глубже и заключается в том, что *septic tank* рифмуется с другим оскорбительным термином *Yank*, усечением от *Yankee* («янки») (с голландского буквально «маленький Ян»), которым называют жителей Новой Англии, северных штатов или жителей США в целом. Таким образом, диминутив *seppo* служит примером английского рифмованного сленга, который отличается своей имплицитностью и экспрессивностью (*Yank* — *septic tank* → *seppo*).

В качестве второго примера приведем суффиксные диминутивы *froggie* и *kiltie*, которые выступают образными наименованиями французов и шотландцев соответственно. В первом случае образность выражена метафорическим переносом с животного на человека, поскольку в основе лексемы *froggie* лежит образ земноводного: *frog* («лягушка») → *froggie* («французишка») — a Frenchman, a Frenchwoman. Also, a French Canadian *(slang, derog., offensive)*. Однако еще в XVIII веке в основе данной лексемы лежал метонимический перенос, основанный на смежности двух понятий. Как известно, раньше лапки лягушки считались излюбленным блюдом французов, что спровоцировало ассоциации с представителями этой национальности.

Что касается диминутива *kiltie*, то здесь наблюдается метонимический перенос с предмета одежды на человека, так как в основе лексемы лежит название предмета мужской шотландской национальной одежды: *kilt* («килт») → *kiltie* («шотландец») — a person who wears a kilt *(often used as*

a humorous or slightly derogatory term for a Scot). Поскольку килт считается символом Шотландии, в английском языке появилось соответствующее прозвище для представителя шотландской нации.

Изучение структурно-семантических и лингвокультурологических особенностей материала исследования позволяет сделать вывод о том, что этномаркированные диминутивные наименования лица выступают вторичными лексическими средствами, которые синонимически соотносятся с нейтральным фондом английского языка. Такие маркированные языковые единицы выражают преимущественно отрицательную оценку благодаря уменьшительным суффиксам, которые наделяют названия лица эмоционально-экспрессивными окрасками уничижения и презрения.

Список источников

1. Апанасенко Э. Г. Россия — Восток — Запад в зеркале русского этнонима // Россия — Восток — Запад. Проблемы межкультурной коммуникации : материалы 3-й Междунар. науч. конф. — Ч. 1. — Владивосток : Изд-во ДВГУ, 2007. — С. 55–58.
2. Баринова А. О. Этничность в англоязычной картине мира (на материале лексикографии и корпусов) : моногр. — 2-е изд., стер. — М. : ФЛИНТА, 2015. — 168 с.
3. Большая российская энциклопедия. — URL : https://bigenc.ru/ (дата обращения: 22.06.2022)
4. Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка. — URL : http://www.efremova.info/ (дата обращения: 22.06.2022).
5. Звонарева Ю. Н. Прагматические аспекты употребления диминутивности в английском языке // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. — 2012. — Вып. 3. — С. 513–516.
6. Исакова С. Ш. Средства выражения категории диминутивности в английском и русском языках // Вопросы филологии. — 2006. — Вып. 5. — С. 113–117.
7. Кубрякова Е. С. Типы языковых значений: семантика производного слова. — М. : Ленанд, 2018. — 208 с.
8. Резниченко Л. Ю. Функционально-прагматические особенности диминутивов в английском, немецком и русских языках // Res philologica: ученые записки Северодвинского филиала Поморского государственного университета им. М. В. Ломоносова. — Архангельск : Поморский гос. ун-т, 2000. — Вып. 2. — С. 43–45.
9. Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. — URL : http://rus-yaz.niv.ru/doc/linguistic-terms/index.htm (дата обращения: 22.06.2022).
10. Тархова А. Б. Словообразование на базе топонимов и этнонимов в английском языке // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. — 2008. — № 2. — С. 279–283.
11. Шаховский В. И. Эмотивная семантика слова как коммуникативная сущность // Коммуникативные аспекты значения. — Волгоград : Волгоградский гос. пед. ун-т, 1990. — С. 29–40.
12. Ярцева В. Н. Лингвистический энциклопедический словарь. — М. : Большая рос. энцикл., 2002. — 709 с.
13. Bybee J. Natural morphology: the organization of paradigms and language acquisition // Thom Huebner and Charles A. Ferguson (eds.): Crosscurrents in Second Language Acquisition and Linguistic Theories. — Philadelphia : Benjamins (Language Acquisition & Language Disorders), 1991. — Pp. 67–91.
14. Byessonova O. Evaluative Designations of Person in Non-cognate Languages // Language in the New Millennium: Applied-linguistic and Cognitive-linguistic Considerations / Agnieszka Uberman, Marta Dick-Bursztyn (eds.). — Berlin : Peter Lang, 2018. — (Studies in Linguistics, Anglophone Literatures and Cultures, vol. 11). — Pp. 77–93.
15. Dressler W., Mayerthaler W., Panagl O.,Wurzel W. U. Leitmotifs in Natural Morphology. — Amsterdam : Benjamins, 1987. — Vol. 10. — 168 p.
16. Dressler W., Merlini Barbaresi L. Morphopragmatics: Diminutives and Intensifiers in Italian, German, and Other Languages. — Trends in linguistics. Studies and monographs 76. — Berlin ; New-York : Mouton de Gruyter, 1994. — 682 p.
17. Gillis S. The Acquisition of Diminutives in Dutch // Studies in the Acquisition of Number and Diminutive Marking. — Antwerpen : Univ. Antwerpen, Univ. Instelling, Dep. Germaanse, Afd. Linguistiek, 1997. — Pp. 165–179.
18. Grandi N. Renewal and innovation in the emergence of Indo-European evaluative morphology // Diminutives and Augmentatives in the Languages of the World. Lexis: e-J. Engl. Lexicology 6 ; eds. Lívia Körtvélyessy and Pavol Stekauer. — 2011. — Pp. 5–25.
19. Harden T. Gebrauch und Funktion von Diminutiv- und Augmentativformen im Portugiesischen und Deutschen // Linguistica contrastiva. Deutsch versus Portugiesisch — Spanisch — Französisch / H. Lüdtke, J. Schmidt-Radefeldt (eds.). — Tübingen : Narr, 1997. — Pp. 135–150.

20. Harper D. Harper Douglas Online Etymological Dictionary of the English language. — URL : http://www.etymonline.com/ (дата обращения: 22.06.2022)

21. Jurafsky D. Universal Tendencies in the Semantics of the Diminutive // Language. — 1996. — Vol. 72, no. 3. — 1996. — Pp. 533–578.

22. Leech G. Semantics. The Study of Meaning. — 2nd ed. — London : Penguin, 1981. — 388 p.

23. Savickienė I., Dressler W. The acquisition of diminutives: a cross-linguistic perspective. — Amsterdam : Benjamins, 2007. — 352 p.

24. Schneider K. P. Diminutives in English. — Max Niemeyer Verlag Gmbh, Tübingen, 2003. — 266 p.

25. The Concise New Partridge Dictionary of Slang and Unconventional English. — Routledge, 2007. — 740 p.

26. The New Shorter Oxford English Dictionary on Historical Principles. — Oxford : Oxford University Press, 2002. — 3750 p.

27. Wheeler M. W. On the Hierarchy of Naturalness Principles in Inflectional Morphology // Journal of Linguistics. — 1993. — Vol. 29, no. 1. — Pp. 95–111.

28. Wierzbicka A. Cross-cultural Pragmatics: The Semantics of Human Interaction. — Walter de Gruyter, 2003. — Language Arts & Disciplines. — 502 p.

References

1. Apanasenko E. G. Russia — East — West in the mirror of Russian enthnonym. *Rossiya — Vostok — Zapad. Problemy mezhkul'turnoj kommunikacii: materialy 3 Mezhdunarю nauchю konfю* [Russia — East — West. Problems of intercultural communication: Materials of the Third International Scientific Conference]. Vladivostok, Far Eastern National University Press Publ., 2007, Pt. 1, pp. 55–58. (In Russian).

2. Barinova A. O. *Etnichnost' v angloyazychnoj kartine mira (na materiale leksikografii i korpusov)* [Ethnicity in the English language picture of the world (on the material of lexicography and corpora)]. Moscow, FLINTA Publ., 2015, 168 p. (In Russian).

3. *Bol'shaya rossijskaya enciklopediya* [The Great Russian Encyclopedia]. Available at: https://bigenc.ru/ (accessed 22.06.2022). (In Russian).

4. Efremova T. F. *Sovremennyj tolkovyj slovar' russkogo yazyka* [The Modern Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Available at: http://www.efremova.info/ (accessed 22.06.2022). (In Russian).

5. Zvonareva Yu. N. Pragmatic aspects of the use of diminutivity in English. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta Gumanitarnye nauki* [Izvestiya Tula State University. Humanities]. 2012, iss. 3, pp. 513−516. (In Russian).

6. Isakova S. Sh. Means of expressing the category of diminutiveness in English and Russian. *Voprosy filologii* [Issues of Philology]. 2006, Iss. 5, pp. 113−117. (In Russian).

7. Kubryakova E. S. *Tipy yazykovyh znachenij: Semantika proizvodnogo slova* [Types of linguistic meanings: Semantics of derived words]. Moscow, Lenand Publ., 2018, 208 p. (In Russian).

8. Reznichenko L. Yu. Functional and Pragmatic Features of Diminutives in English, German and Russian. *Res philologica: uchenye zapiski Severodvinskogo filiala Pomorskogo gosudarstvennogo universiteta im. M. V. Lomonosova* [*Res philologica: Scientific notes of the Severodvinsk branch of the Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov*]. Arhangelsk, Northern (Arctic) Federal University Publ., 2000, iss. 2, pp. *43−45*. (In Russian).

9. Rozental' D. E., Telenkova M. A. *Slovar'-spravochnik lingvisticheskih terminov* [Dictionary-Handbook of Linguistic Terms]. Available at: http://rus-yaz.niv.ru/doc/linguistic-terms/index.htm (accessed 22.06.2022). (In Russian).

10. Tarhova A. B. Word-formation based on toponyms and ethnonyms in English. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk* [Izvestiya Samara Scientific Center of Russian Academy of Science]. 2008, iss. 2, pp. 279−283. (In Russian).

11. Shahovskij V. I. Emotional semantics of words as communicative essence. *Kommunikativnye aspekty znacheniya* [Communicative aspects of meaning]. Volgograd, Volgograd State Pedagogical University Publ., 1990, pp. 29−40. (In Russian).

12. Yarceva V. N. *Lingvisticheskij enciklopedicheskij slovar'* [Linguistic Encyclopedic dictionary]. Moscow, The Great Russian Encyclopaedia Publ., 2002, 209 p. (In Russian).

13. Bybee J. Natural morphology: the organization of paradigms and language acquisition. Thom Huebner and Charles A. Ferguson (eds.): *Crosscurrents in Second Language Acquisition and Linguistic Theories*. Philadelphia, Benjamins (Language Acquisition & Language Disorders), 1991, pp. 67−91.

14. Byessonova O. Evaluative Designations of Person in Non-cognate Languages. *Language in the New Millennium: Applied-linguistic and Cognitive-linguistic Considerations.* Agnieszka Uberman, Marta Dick-Bursztyn (eds.). Berlin, Peter Lang, 2018. (Studies in Linguistics, Anglophone Literatures and Cultures, vol. 11). Pp. 77−93.

15. Dressler W., Mayerthaler W., Panagl O., Wurzel W. U. *Leitmotifs in Natural Morphology*. Amsterdam, Benjamins, 1987, vol. 10, 168 p.

16. Dressler W., Merlini Barbaresi L. *Morphopragmatics: Diminutives and Intensifiers in Italian, German, and Other Languages.* Trends in linguistics. Studies and monographs 76. Berlin, New-York, Mouton de Gruyter, 1994, 682 p.

17. Gillis S. The Acquisition of Diminutives in Dutch. *Studies in the Acquisition of Number and Diminutive Marking*. Antwerpen, Univ. Antwerpen, Univ. Instelling, Dep. Germaanse, Afd. Linguistiek, 1997, pp. 165−179.

18. Grandi N. Renewal and innovation in the emergence of Indo-European evaluative morphology. *Diminutives and Augmentatives in the Languages of the World*. Lexis: e-J. Engl. Lexicology 6, eds. Lívia Körtvélyessy and Pavol Stekauer, 2011, pp. 5−25.

19. Harden T. Gebrauch und Funktion von Diminutiv- und Augmentativformen im Portugiesischen und Deutschen. *Linguistica contrastiva. Deutsch versus Portugiesisch — Spanisch — Französisch.* H. Lüdtke, J. Schmidt-Radefeldt (eds.). Tübingen, Narr, 1997, pp. 135−150.

20. Harper D. *Harper Douglas Online Etymological Dictionary of the English language*. Available at: http://www.etymonline.com/ (accessed 22.06.2022).

21. Jurafsky D. Universal Tendencies in the Semantics of the Diminutive. *Language*. 1996, vol. 72, no. 3, 1996, pp. 533−578.

22. Leech G. *Semantics. The Study of Meaning*. 2nd ed., London, Penguin, 1981, 388 p.

23. Savickienė I., Dressler W. *The acquisition of diminutives: a cross-linguistic perspective*. Amsterdam, Benjamins, 2007, 352 p.

24. Schneider K.P. *Diminutives in English*. Max Niemeyer Verlag Gmbh, Tübingen, 2003, 266 p.

25. *The Concise New Partridge Dictionary of Slang and Unconventional English*. Routledge, 2007, 740 p.

26. *The New Shorter Oxford English Dictionary on Historical Principles*. Oxford, Oxford University Press, 2002, 3750 p.

27. Wheeler M. W. On the Hierarchy of Naturalness Principles in Inflectional Morphology. *Journal of Linguistics*. Cambridge University Press, 1993, vol. 29, no. 1, pp. 95−111.

28. Wierzbicka A. *Cross-cultural Pragmatics: The Semantics of Human Interaction*. Walter de Gruyter, 2003, Language Arts & Disciplines, 502 p.

Информация об авторе

Ососкова Анна Сергеевна **—** аспирант кафедры английской филологии Донецкого национального университета.

Information about the author

Ososkova, Anna — Postgraduate student of the English Philology Department, Donetsk National University.

Статья поступила в редакцию 25.06.2022;
одобрена после рецензирования 27.07.2022;
принята к публикации 27.07.2022.

Submitted 25.06.2022;
approved after reviewing 27.07.2022;
accepted for publication 27.07.2022.

РАЗДЕЛ III

ДЕТСКИЙ БИЛИНГВИЗМ В ДИНАМИКЕ ЕГО ФОРМИРОВАНИЯ

Иностранные языки в высшей школе. 2022. № 3 (62). С. 97–103.
Foreign Languages in Tertiary Education. 2022;3(62):97–103.

Научная статья
УДК 81'246.2
DOI: 10.37724/RSU.2022.62.3.011

Ранний детский билингвизм: поиск подходов к исследованию

Светлана Юрьевна Потапова
Центр немецкого языка (партнер Гёте-Института), Ярославль, Россия
potapova@mubint.ru

Аннотация. Одновременное владение двумя и более языками, дающее возможность использовать их практически в любой коммуникативной ситуации, получившее название билингвизм, нуждается в пристальном внимании со стороны представителей многих научных дисциплин. Вместе с тем непосредственные участники экспериментов по билингвальному воспитанию и обучению детей в раннем возрасте в лице родителей и педагогического сообщества ждут четких научных рекомендаций лингводидактического свойства для осуществления эксперимента с максимальной эффективностью. Попытка рассмотреть явление билингвизма комплексно, представить его возможные классификации и показать подходы к изучению данного явления позволит, с нашей точки зрения, внести определенную лепту лингвиста в изучение раннего детского двуязычия и представить в общих чертах перспективу возможного развития билингвального эксперимента.

Ключевые слова: ранний детский билингвизм, многоязычие, дети-билингвы, билингвология, биэтническая семья, бикультурал.

Для цитирования: Потапова С. Ю. Ранний детский билингвизм: поиск подходов к исследованию // Иностранные языки в высшей школе. 2022. № 3 (62). С. 97–103. DOI: 10.37724/RSU.2022.62.3.011.

Original article

Bilingualism in Early Childhood: Approaches to Research

Svetlana Yu. Potapova
German Language Center (Partner of the Goethe Institute), Yaroslavl, Russia
potapova@mubint.ru

Abstract. Bilingualism is simultaneous command of two or more languages allowing their use in almost any communicative situation. This phenomenon requires the attention from representatives of many scientific disciplines. At the same time, parents and the pedagogical community as the direct participants of experiments on bilingual education and early childhood education are waiting for clear scientific recommendations to highlight the linguodidactic peculiarities of applying authentic materials in the teaching process to carry out the experiment with maximum efficiency. The main goal of this article is to make an attempt to consider the phenomenon of bilingualism comprehensively, present its possible classifications and show approaches to the study of this phenomenon. It will make a certain contribution of a linguist for the study of early childhood bilingualism and draw, in general terms, the prospect of possible development of a bilingual experiment from our point of view.

Keywords: early childhood bilingualism, multilingualism, bilingual children, bilinguology, bi-ethnic family, bicultural.

© Потапова С. Ю., 2022

For citation: Potapova S. Yu. Bilingualism in Early Childhood: Approaches to Research. *Inostrannye yazyki v vysshej shkole* [Foreign Languages in Tertiary Education]. 2022; 3(62): 97–103. (In Russ.). DOI: 10.37724/RSU.2022.62.3.011.

Стремление владеть несколькими иностранными языками можно рассматривать как устойчивый тренд образовательной парадигмы XXI века. Знание ряда языков свидетельствует не только об уровне образованности человека, но и является его безусловным конкурентным преимуществом на рынке труда, а значит, предпосылкой его жизненного успеха и благополучия. В последние годы в России наметилось стремление к раннему изучению детьми иностранного языка, что заставляет ученых в очередной раз задуматься о проблемах би- и полилингвизма в целом и детского многоязычия в частности.

Проблема двуязычия и многоязычия интересовала исследователей разных стран и континентов давно, но, как это ни покажется странным, для обозначения явления владения одним или несколькими иностранными языками не в полной мере разработан понятийный аппарат, не существует устоявшегося и авторитетного мнения в отношении того, в какой степени необходимо владеть иностранным языком, чтобы рассматривать человека как билингва, и т. д.

Вместе с тем образовательное сообщество и родители ждут ответа от ученых о влиянии раннего билингвизма на развитие когнитивных и творческих способностей, речи и личности самого ребенка, а также нуждаются в конкретных рекомендациях в отношении особенностей и методов эффективного овладения иностранным языком в раннем возрасте. В данной статье предпринята попытка разобраться в подходах к изучению явления дву- и многоязычия с целью дальнейшего осмысления и выработки рекомендаций лингводидактического плана, призванных оказать практическую помощь родителям и родственникам детей, живущих в многоязычных семьях, в плане выработки сроков начала эксперимента, стратегий, распределения языковых ролей и т. д.

Для того чтобы показать сложность и масштабность поставленной задачи, следует коротко описать участников лингвистического эксперимента, являющихся членами семьи автора данной статьи. Мать: русская, родившаяся в России, проживающая около 20 лет в Германии, профессионально владеющая немецким и английским языками на уровне C2 (кандидат филологических наук по специальности «Германские языки»), а также французским на уровне A2. Отец: немец по отцу и француз по матери, родившийся в Германии и выросший в условиях полного двуязычия, всю жизнь разговаривая с матерью только на французском, а с отцом — только на немецком, воспринимая оба языка как родные; владеет также английским на уровне C2. Дети: мальчик и девочка, двойняшки, родившиеся в Германии в конце 2018 года (на момент описания эксперимента им исполнилось 3,5 года). Отец детей с момента их рождения говорил с ними первоначально только на немецком языке, позднее, в силу ряда причин, когда детям было по 2,5 года, перешел на французский, изредка используя для общения немецкий язык. Мать последовательно общается с детьми только по-русски, на русском происходит коммуникация с бабушкой и дедушкой из России (длительное время при личных встречах, регулярно по скайп-связи). Между собой родители детей говорят по-немецки, общение с другими детьми-сверстниками в Германии практически отсутствует. Бабушка-француженка говорит с сыном и внуками только на французском (главным образом, по скайпу), дедушка-немец — только на немецком. Общение на названных языках (русском, немецком, французском) в указанных комбинациях практикуется с момента рождения детей до настоящего времени. Эксперимент будет усложнен, так как в ближайшее время дети отправятся в немецкий детский сад в Германии. Совершенно очевидно, что многоаспектность исходной ситуации предполагает уточнение множества вопросов и поиск конкретных ответов и практических рекомендаций в плане возникновения возможных сценариев развития ситуации.

Разумеется, в данном случае будет важно мнение представителей всех отраслей знаний, причастных к проблемам билингвизма: психологов, социологов, педагогов и т. д. Наша задача — более скромная: максимально изучить сугубо лингвистическую сторону вопроса и представить некую классификацию понятия «билингвизм/полилингвизм», в которой получат освещение разные сферы этого лингвокультурного феномена, что будет способствовать получению участниками би- и полилингвального обучения теоретических и практических сведений, важных для достижения максимально эффективного результата в деле освоения нескольких языков. В теоретическом

плане наши размышления призваны внести определенный вклад в дальнейшую разработку комплекса лингвистических и лингводидактических проблем раннего детского билингвизма; в уточнение некоторых аспектов взаимодействия языка и культуры; в выявление особенностей социализации многоязычного ребенка в мультикультурном или монокультурном окружении.

Прежде всего, считаем необходимым определиться в отношении собственной позиции к понятию «билингвизм» в целом и «детский билингвизм» в частности. В современных российских и зарубежных исследованиях существует множество трактовок данного понятия, разнящихся по всевозможным параметрам, начиная от степени владения языками, включая уровень их усвоения, заканчивая сферами их применения, и т. д. Не имея намерения перечислять различные точки зрения, которые нам не близки, остановимся на работах ученых, чьи взгляды на проблему представляются наиболее убедительными.

Наряду с неослабевающим вниманием к проблемам многоязычия со стороны отечественных ученых таких отраслей знаний, как психология, этнология, социология, педагогика, в последние годы выкристаллизовывается интерес к чисто лингвистической стороне вопроса, что подтверждается появлением солидных публикаций в виде монографий и диссертационных исследований. В определенной степени можно говорить о создании научной школы возрастной билингвологии на базе Череповецкого государственного университета, где написаны несколько самых крупных работ по проблемам детского полилингвизма. В первую очередь хочется выделить исследования, проводимые родоначальником этой научной школы, доктором филологических наук, профессором Г. Н. Чиршевой, поставившей эксперимент обучения английскому языку своего сына с момента его рождения, когда отец (В. П. Коровушкин, профессор, известный ученый в сфере английского языка) говорил с сыном только по-английски, а мать, как следует из сказанного выше, видный ученый англист, — только на русском языке [Чиршева, 2000, 2009, 2012] . Позднее ее сын, с участием которого и проводился эксперимент, защитил кандидатскую диссертацию по данной проблематике [Коровушкин, 2014]. По многочисленным публикациям, которые нам встретились, можно высказать предположение, что проблемами раннего детского двуязычия активно занимаются также исследователи в Санкт-Петербурге, где на базе Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена регулярно проводятся научные конференции по обозначенной проблематике.

Полилингвизм представляет собой достаточно разветвленное явление, которое, на наш взгляд, удачно описано в виде подробной классификации в «Словаре терминов межкультурной коммуникации» [Словарь терминов … , 2013], где билингвизм различают по следующим параметрам:

- способ и возраст усвоения второго языка;
- порядок овладения языками;
- соотношение языков;
- уровень использования языков;
- активность использования языков;
- взаимовлияние языков.

Важно подчеркнуть, что детский билингвизм может развиваться как в естественной ситуации, так и в условиях искусственного билингвального общения. Естественный билингвизм предполагает стихийное, бессознательное овладение языком, достигаемое в результате непосредственного взаимодействия с носителем языка, чаще всего в языковой среде. Для такого вида двуязычия, которое нас и интересует, типично освоение языка не на основе опоры на языковые законы, а на базе непрерывной практики речевого общения с носителем языка при отсутствии специально поставленной цели в обучении языку. Естественный билингвизм может складываться стихийно или сознательно, что зависит, в первую очередь, от отношения родителей к становлению билингвизма ребенка, их желания контролировать этот процесс, и от того, насколько последовательно они реализуют выбранную стратегию.

С нашей точки зрения, об истинном одновременном билингвальном речевом развитии можно говорить лишь в том случае, когда ребенок с рождения погружен в билингвальную среду, *осваивая и воспринимая оба языка как первые и родные*.

При отсутствии осознанного и продуманного подхода со стороны родителей объемы, в которых ребенок получает усваиваемые им языки, вряд ли будут одинаковыми, что негативно повлияет на сбалансированность его языковой компетенции. Попутно отметим, что противопоставление стихийности и сознательности формирования актуально и для искусственного билингвизма. В случае, когда не учитываются возрастные и индивидуальные особенности обучаемых, то есть при стихийном формировании искусственного билингвизма, его становление может оказаться под угрозой.

Овладение несколькими языками на уровне носителя имеет ряд классификаций, но одной из наиболее убедительных нам представляется та, в основу которой положены возраст и механизм усвоения языка, когда можно говорить о следующих видах билингвизма:

– *ранний (врожденный, натуральный, естественный),* возникающий в том случае, если два языка присутствуют в жизни ребенка с рождения (например, в смешанных многонациональных семьях, когда отличаются языки матери и отца, или в семьях с эмигрантским прошлым, когда язык, используемый внутри семьи, отличается от языка общения с окружающими в социуме);

– *поздний (приобретенный),* возникающий как усвоение иностранного языка как второго родного в более позднем возрасте (например, у детей из эмигрантских семей, которые в новой стране погружаются в языковую среду, осваивая новый инструмент коммуникации непосредственно в ином социально-культурном окружении).

Разумеется, можно предположить и иные сценарии, порождающие детское двуязычие (например, намеренное привлечение к воспитанию малыша иностранной няни), что также позволяет говорить о естественном билингвизме, поскольку овладение лексикой и грамматикой иностранного языка происходит не посредством учебных пособий, а через социально-культурные каналы.

Для нашего эксперимента важно учитывать то обстоятельство, что двуязычие у ребенка не имеет незыблемого, константного состояния. Уровень владения языками может меняться в зависимости от наличия или отсутствия языковой практики, а также от ее регулярности и равномерности в отношении разных языков, исходя из чего некоторые ученые (подробнее см.: [Куфтяк, Ханухова, Пойманова, 2019, с. 35]) различают следующие *типы возможного изменения уровня владения* одним из языков:

1) языковая аттриция — ухудшение навыков владения одним из языков;
2) фоссилизация — один язык находится в состоянии стагнации;
3) смена языка — один из языков выходит из сферы употребления билингвом;
4) языковая смерть — билингв полностью забывает какой-либо язык, соответственно, его использование прекращается;
5) ревитализация — возрождение употребления языка после одного или нескольких (из первых четырех этапов) изменений уровня владения;
6) модернизация — владение вторым языком выходит на новый уровень.

Можно согласиться с определением Г. Н. Чиршевой, что «детский билингвизм представляет собой овладение ребенком двумя языками в такой степени, которая обеспечивает успешность коммуникации в соответствии с его возрастными особенностями» [Чиршева, 2012, с. 76]. Этот же исследователь справедливо отмечает, что для описания и анализа каждого конкретного случая детского двуязычия важно принимать во внимание многие сопутствующие и влияющие на процесс усвоения языков факторы, поскольку билингвизм, как и все динамические процессы, зависит от условий, в которых он протекает. Например, в качестве идеального, но крайне редкого случая билингвизма можно рассматривать прецедент, когда индивид владеет обоими языками в одинаковой степени и может использовать их во всех жизненных ситуациях. Идеальную степень называют также *сбалансированным билингвизмом*, чему противопоставляется *несбалансированный (доминантный) билингвизм*, при котором компетенция в некоторых сферах в одном из языков превышает уровень обладания той же степенью компетенции в другом языке.

Важно отметить, что для детей особенно типично колебание сбалансированности языковой компетенции во времени. Это подтверждает пример, приведенный П. В. Коровушкиным из широко известной, ставшей классической работы Вернера Леопольда, в которой ученый анализирует языковое развитие своей дочери, одновременно усваивавшей немецкий язык от отца и английский язык от матери. До пяти лет компетенция в английском языке была выше, поскольку девочка росла в англоязычном окружении и слышала немецкий язык только от папы, однако после того, как

в возрасте пяти лет она провела полгода в Германии, ее английский оказался почти полностью утерян; впрочем, он быстро восстановился, когда девочка вернулась в Америку, а немецкий снова начал ослабевать. Мы поддерживаем мнение П. В. Коровушкина о том, что труды Вернера Леопольда «для любого билингволога, занимающегося изучением одновременного усвоения двух языков ребенком, это действительно классика. Вернер Леопольд в течение 12 лет осуществлял тщательное, детальное и глубокое лонгитюдное исследование всех аспектов развивающегося в его семье билингвизма двух дочерей, при этом сам был и исследователем, и участником этого процесса. Он выбрал вполне обычный вариант реализации принципа “один человек — один язык” (родители в присутствии ребенка разговаривают друг с другом только на том языке, на котором общаются с ребенком), продумав все особенности и последствия его применения. При этом, будучи авторитетным ученым-лингвистом, специалистом в области детской речи, он внес плодотворные идеи, помогающие лучше понять процессы освоения языков ребенком на всех лингвистических уровнях. Его четырехтомный труд стал революционным для возрастной билингвологии, открыв значимость исследований детского билингвизма для науки» [Коровушкин, 2014, с. 14].

Выше мы уже обращали внимание на то, что в случае с билингвизмом необходимо поддерживать постоянную коммуникативную активность, которая предполагает, что для билингва важно не только владеть несколькими языками, но и регулярно использовать их. При этом особое значение имеют два аспекта: *темпоральный,* учитывающий время общения на каждом из языков, и *функциональный*, предполагающий различные сферы использования языка. С учетом объема времени и охватываемых каждым языком аспектов коммуникации билингвы делятся на *активных* и *пассивных.*

Некоторые занимающиеся вопросами детского билингвизма зарубежные авторы (например, [Hamers, Blanc, 1995]) предлагают делить билингвизм на *детский* (до 10–11 лет), *подростковый* (от 11 до 17 лет) и *взрослый* (после 17 лет). Дополнительно они выделяют *младенческий* (до 1 года) и *детский билингвизм* (от 1 года до 12 лет). В пределах детского билингвизма рассматривается *ранний преддошкольный* (от 1 до 3 лет), *дошкольный* (от 3 до 7 лет) и *начальный школьный* (от 7 до 12 лет) периоды.

Для учета всех параметров владения языком необходимо иметь в виду и *форму использования языка* (устная или письменная). На основании этого критерия речь может идти о ребенке *биграмотном* (biliterate, biliteral and biscriptal), если он умеет читать и писать на обоих языках. Если ребенком освоен навык чтения, но пока не освоен навык письма, его можно назвать *рецептивно*, но *непродуктивно биграмотным.*

Для дальнейшего описания нашего эксперимента важно обратить внимание на то, что существуют *моноэтнические* и *биэтнические билингвы*. В первом случае оба родителя владеют одним языком как родным, а вторым, которому и обучают ребенка дополнительно, как иностранным (пусть даже на самом высоком уровне). Во втором случае речь идет о том, что *каждый из родителей говорит с ребенком на своем родном языке.* С достаточной степенью вероятности можно предположить, что моноэтнические билингвы не смогут до конца избавиться от акцента на иностранном языке, так как осваивали язык не с носителем этого языка, а биэтнические дети овладеют безакцентной речью на обоих языках.

Детский билингвизм наиболее гармонично развивается в биэтнических (смешанных) семьях, потому что тогда усваивается не только сам язык, но *другая культура*, подразумевающая такие сферы, как книги, кинофильмы, нравы и обычаи, традиции и т. д. В *биэтнической семье* ребенок становится как *билингвом,* так и *бикультуралом*; в моноэтнической семье ребенок может стать билингвом, но, скорее всего, останется монокультуралом.

На основании сказанного сделаем некоторые общие выводы:

1. Для того чтобы воспитать ребенка полноценным билингвом, необходимо общаться на каждом из двух языков практически в равном объеме. Совершенно очевидно, что достичь такого баланса на практике чрезвычайно трудно, что ведет к тому, что один язык становится доминантным, а второй — более слабым. Вопрос о том, какую степень сбалансированности темпорального фактора можно считать достаточной для равноценного освоения языка на уровне родного, пока не получил четкого ответа в среде ученых-билингвологов. Наряду с темпоральным параметром важно соблюдение и другого показателя — функционального, подразумевающего коммуникативную активность ребенка в той или иной сфере, когда недостаточная востребованность одного из языков

в определенных сферах общения может привести к ослаблению уровня владения данным языком, к снижению или утере мотивации его использования.

2. В случае явного отставания или доминирования одного из языков следует обратить внимание именно на два указанных выше параметра (темпоральность и функциональность) и предпринять меры корректировки лингводидактического характера (увеличить время, затрачиваемое на один язык, и искусственно расширить сферу его функционального использования). На определенных этапах эксперимента может возникнуть состояние только пассивного использования одного из языков, что связано с ослаблением темпорального или функционального показателей, но при этом ребенок продолжает использовать язык как средство познания окружающей действительности.

3. По нашим наблюдениям, в научных публикациях по данной сфере наметилась тенденция, свидетельствующая о том, что проблема раннего детского би- и трилингвизма в большей степени интересует отечественных исследователей, проживающих вне пределов России. При этом для некоторых случаев характерно, что в таком эксперименте принимает участие уже не первое поколение, что позволяет поделиться накопленным опытом.

4. Большинством специалистов в области билингвизма поддерживается мнение о том, что наиболее эффективным является принцип «один человек — один язык», что на практике возможно не во всех ситуациях общения. Это, например, наблюдается в описанном нами случае, когда родители общаются между собой на третьем (немецком) языке, так как супруг не владеет русским (показательно, что он является настоящим билингвом и осознает просчет в своей тактике поведения). В этой связи можно попутно заметить, что в перспективе необходимы исследования, где будет отражен интроспективный взгляд билингва на свое собственное двуязычное развитие, на лингвокультурную историю своей семьи.

5. Как показывают научные исследования, именно биэтнические (смешанные) семьи создают оптимальную этнолингвистическую и социокультурную атмосферу для формирования билингвальной (или полилингвальной) и поликультурной личности ребенка.

Мы убеждены, что каждый всесторонне и детально описанный опыт билингвального эксперимента будет интересен и практически полезен родителям и участникам образовательного процесса, а также внесет определенный вклад в общее развитие отечественной науки в сфере многоязычия.

Список источников

1. Коровушкин П. В. Лексикон билингвального ребенка в условиях одновременного освоения русского и английского языков в моноэтнической семье : дис. … канд. филол. наук : 10.02.19. — Череповец, 2014. — 200 с.

2. Куфтяк Е. В., Ханухова Л. М., Пойманова Е. В. Билингвизм у детей: влияние на когнитивно-коммуникативное развитие и инструменты измерения // Современное дошкольное образование. — 2019. — № 2 (92). — С. 30–39.

3. Словарь терминов межкультурной коммуникации / И. Н. Жукова, М. Г. Лебедько, З. Г. Прошина, Н. Г. Юзефович ; под ред. М. Г. Лебедько и З. Г. Прошиной. — М. : Флинта : Наука, 2013. — 632 с.

4. Чиршева Г. Н. Введение в онтобилингвологию. — Череповец : ЧГУ, 2000. — 196 с.

5. Чиршева Г. Н. Лингводидактические проблемы детского билингвизма : учеб. пособие. — Череповец : ЧГУ, 2009. — 77 с.

6. Чиршева Г. Н. Детский билингвизм: одновременное усвоение двух языков. — СПб. : Златоуст, 2012. — 488 с.

7. Hamers J. F., Blanc M. H. A. Bilinguality and bilingualism / transl. from French. — Cambridge : Cambridge University Press, 1995. — 324 p.

References

1. Korovushkin P. V. *Leksikon bilingval'nogo rebenka v usloviyah odnovremennogo osvoeniya russkogo i anglijskogo yazykov v monoetnichneskoj sem'e* [Lexicon of a bilingual child in the conditions of simultaneous development of Russian and English languages in a monoethnic family]. PhD dissertation (philology), 10.02.19. Cherepovets, 2014, 200 p. (In Russian).

2. Kuftyak E. V., Hanuhova L. M., Pojmanova E. V. Bilingualism in children: impact on cognitive-communicative development and measurement tools. *Sovremennoe doshkol'noe obrazovanie* [Modern preschool education]. 2019, no. 2 (92), pp. 30–39. (In Russian).

3. *Slovar' terminov mezhkul'turnoj kommunikacii* [Intercultural communication dictionary]. I. N. Zhukova, M. G. Lebed'ko, Z. G. Proshina, N.G. Yuzefovich; ed. by M. G. Lebed'ko & Z. G. Proshinoj. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 2013, 632 p. (In Russian).

4. Chirsheva G. N. *Vvedenie v ontobilingvologiyu* [Introduction to Ontobilingual Studies]. Cherepovets, Cherepovets State University Publ., 2000, 196 p. (In Russian).

5. Chirsheva G. N. *Lingvodidakticheskie problemy detskogo bilingvizma* [Linguodidactic Issues of Child Bilingualism]. Cherepovets, Cherepovets State University Publ., 2009, 77 p. (in Russian)

6. Chirsheva G. N. *Detskij bilingvizm: odnovremennoe usvoenie dvuh yazykov* [Child Bilingualism: Simultaneous Assimilation of Two Languages]. St. Petersburg, Zlatoust Publ., 2012, 488 p. (In Russian).

7. Hamers J. F., Blanc M. H. A. Bilinguality and Bilingualism. Transl. from French. Cambridge, Cambridge University Press, 1995, 324 p.

Информация об авторе

Потапова Светлана Юрьевна — доктор филологических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, директор Центра немецкого языка (партнера Гёте-Института).

Information about the author

Potapova, Svetlana — Ph. D., Doctor of Philology, Professor, Merited Educator of Tertiary Education of the Russian Federation Director of German Language Centre (Partner of Goethe-Institute).

Статья поступила в редакцию 27.06.2022;
одобрена после рецензирования 20.07.2022;
принята к публикации 23.07.2022.

Submitted 27.06.2022;
approved after reviewing 20.07.2022;
accepted for publication 23.07.2022.

Требования к публикациям и правила представления рукописей авторами

(The Requirements for publication are also available in English at: http://fljournal.rsu.edu.ru/en/)

Учредитель — Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина».

Журнал «Иностранные языки в высшей школе» выходит с 2004 года с периодичностью (с 2009 года) — один раз в три месяца.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) 20 марта 2018 года. ***Регистрационный номер ПИ № ФС 77-72456.***

Подписной индекс журнала — № 55170 в каталоге «Объединенный каталог Пресса России».

Журналу присвоен международный стандартный серийный номер (ISSN) 2072-7607.

Журнал с 1 декабря 2015 года ***входит в перечень рецензируемых научных изданий***, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций по филологии (языкознание) на соискание ученой степени кандидата наук и на соискание ученой степени доктора наук.

Публикации бесплатны, при этом учредитель ограничивает количество печатных экземпляров, обеспечивая только обязательную рассылку и рассылку по подписке. Авторам бесплатно высылается электронный макет журнала, подготовленный к отправке в НЭБ (РИНЦ). Желающие приобрести печатный экземпляр могут заблаговременно оформить подписку на соответствующий квартал.

Журнал принимает статьи по методике преподавания иностранных языков, если они содержат лингвистическую составляющую: «исследование особенностей использования сопоставлений на разных уровнях, выявление особенностей восприятия, употребления, типичных лингвокультурных ошибок и особенностей использования в разных языковых общностях» (см. «Паспорта научных специальностей»: http://vak.ed.gov.ru/316).

Значительное внимание уделяется проблемам теории и практики перевода, в том числе художественного перевода.

Список специальностей научных статей, публикуемых в журнале «Иностранные языки в высшей школе»

Индекс	*Специальности*	*Науки*
10.02.20	Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание	филологические
10.02.19	Теория языка	филологические
10.02.04	Германские языки	филологические
10.02.05	Романские языки	филологические

В соответствии с новой номенклатурой научных специальностей от 24.02.2021 — специальности 5.9.8 и 5.9.6.

В журнале публикуются статьи российских и зарубежных авторов на русском языке или на английском как языке межнационального общения. В порядке исключения возможна публикация на других ведущих европейских языках — немецком или французском.

Условия и порядок приема публикаций

1. Редакционный совет принимает к публикации статьи, отличающиеся высокой степенью научной новизны, теоретической и практической значимости и соответствующие тематике журнала. Научные статьи направляются на независимую экспертизу и при положительном заключении, являющемся основанием для публикации, включаются в очередной номер журнала в порядке поступления.

2. К публикации принимаются научные статьи, соответствующие этическим принципам опубликования научных работ (см. раздел на сайте www.fljournal.rsu.edu.ru «Этика научных публикаций»).

3. Авторами статей могут быть ученые-исследователи, докторанты, аспиранты, соискатели.

4. Для аспирантов и соискателей кандидатских диссертаций обязательно наличие отзыва научного руководителя.

5. Сведения об авторах представляются на русском и английском языках:

- фамилия, имя, отчество автора (полностью; буква «ё» не должна заменяться на «е»);
- ученая степень, звание, должность, место работы без сокращений (с точным, официальным названием кафедры, вуза, страны); для аспиранта либо соискателя — место учебы (кафедра, вуз), отрасль науки и специальность предполагаемой защиты;
- наличие правительственных званий, относящихся к профессии (например, заслуженный работник высшей школы РФ);
- приблизительное количество научных публикаций (монографий, учебно-методических пособий, статей);
- основные направления научных исследований;
- средства оперативной связи в процессе подготовки статьи к печати: личная электронная почта, мобильный телефон, при наличии — WhatsApp (личные данные, кроме электронной почты, в журнале не публикуются).

6. Статьи должны быть оформлены в строгом соответствии с техническими требованиями.

7. Статьи присылаются по электронной почте на адрес e.ustinova@365.rsu.edu.ru и/или e.ustinova.rsu@yandex.ru. Отзыв научного руководителя (для аспирантов и соискателей) присылается по почтовому адресу: 390000, Рязань, ул. Свободы, д. 46, Рязанский государственный университет, Институт иностранных языков, Устиновой Елене Сергеевне. Электронный вариант отзыва научного руководителя присылается вместе со статьей как приложение в формате, воспроизводящем подпись и печать.

8. Окончательное решение о приеме научной статьи к публикации принимается редакционным советом журнала «Иностранные языки в высшей школе». Извещение о решении редакционной коллегии направляется автору.

Требования к оформлению статей

1. *Индекс УДК*. Для публикации статье должен быть присвоен классификационный индекс универсальной десятичной классификации.

2. *Название статьи* (на русском и английском языках) пишется строчными буквами, с использованием заглавных только там, где это необходимо, по возможности без аббревиатур и сокращений.

3. *Аннотация* (на русском и английском языках) объемом 100–300 слов, по возможности без аббревиатур и сокращений. Аннотация должна отражать цель исследования, его новизну, суть авторского видения проблемы, основные положения, выдвигаемые автором, и результаты. Англоязычная аннотация может представлять собой перевод русскоязычной аннотации, но может быть и более развернутой, чтобы создать у читателей, не владеющих русским языком, более полное впечатление о сути исследования и его результатах.

4. *Ключевые слова* (на русском и английском языках). Ключевые слова должны отражать основное содержание статьи, по возможности не повторять термины заглавия и аннотации, использовать термины из текста статьи, а также термины, определяющие предметную область и включающие другие важные понятия, которые позволяют облегчить и расширить возможности нахождения статьи средствами информационно-поисковой системы. Минимальный объем — 10 ключевых слов; ключевое словосочетание не должно превышать 5 слов. Ключевые слова и словосочетания разделяются точкой с запятой (;). Недопустимо использование любых аббревиатур и сокращений.

5. *Текст статьи*. Рекомендуется деление статьи на основные части с помощью подзаголовков. Все аббревиатуры и сокращения должны быть развернуты при первом использовании. Недопустимо использование расставленных вручную переносов. Объем статьи с учетом информативности текста может варьироваться от 0,3 до 1,0 авторского листа, или от 12 до 40 тыс. знаков. В зависимости от материала произведения 1 авторский лист равен: для прозаического текста — 40 тыс. печ. знаков, для стихотворного текста — 700 строк, для изобразительного материала — 3 тыс. см^2 площади изображений. Текст статьи следует оформлять в 1,5 интервала при шрифте 14 Times New Roman стилем «Строгий» Microsoft Office Word. Редакционный совет оставляет за собой право сокращать статью (по согласованию с автором) или рекомендовать автору расширить статью.

6. *Таблицы и рисунки.* Каждый рисунок должен быть пронумерован, подписан и сгруппирован (то есть не «разваливаться» при перемещении и форматировании). Таблицы и рисунки должны иметь порядковую нумерацию, при этом нумерация рисунков и таблиц ведется раздельно. В тексте статьи на таблицы и рисунки обязательно должны быть отсылки.

7. *Список использованной литературы (источников)* оформляется в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

7.1. Чтобы все авторы публикации были учтены в системе цитирования, в библиографическое описание необходимо вносить всех авторов.

7.2. Недопустимо сокращать название статьи, книги, отечественного журнала, кроме тех случаев, когда сокращение имеется в предписанном источнике информации. Название англоязычных журналов следует приводить в соответствии с общепринятыми сокращениями.

7.3. В периодических или продолжающихся изданиях указывается текущий номер и (в скобках) валовой, то есть номер с момента основания издания.

7.4. Во всех случаях, когда у цитируемого материала есть цифровой идентификатор (Digital Object Identifier — DOI), его необходимо указывать в самом конце библиографической ссылки. В этом случае электронный адрес опускается.

8. *Библиографическая ссылка* оформляется в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка».

8.1. Приветствуется наличие ссылок на иноязычные публикации зарубежных исследователей.

8.2. При ссылках на электронные ресурсы следует указывать дату обращения.

8.3 Ссылки на Википедию недопустимы.

9. *References.*

9.1. Список использованной литературы на латинице (References) составляется в порядке, полностью идентичном русскоязычному варианту.

9.2. При описании изданий без авторов (коллективных монографий, сборников, материалов конференций) указывается отв. редактор (под редакцией), но не более двух.

Ниже приведены примеры описания использованных источников (литературы) и References.

Книги, монографии

Список литературы	References
Несколько авторов	
Железняк Ю. Д., Петров П. К. Основы научно-методической деятельности в физической культуре и спорте : учеб. пособие для вузов. — Ростов н/Д : Академия, 2002. — 264 с.	Zheleznyak Iu. D., Petrov P. K. *Osnovy nauchno-metodicheskoy deyatel'nosti v fizicheskoy kul'turei sporte* [Bases of scientific and methodical activity in physical culture and sport]. Rostov-on-Don, Academy Publ., 2002, 264 p. (In Russian).

Периодические издания (статьи из журналов, сборников научных трудов, материалов конференций)

Список литературы	References
Несколько авторов	
Загайнов С. С., Митчелл П. Д. История развития военных словарей-разговорников как малого литературного жанра // Вестник Тамбовского университета. Сер. «Гуманитарные науки». — 2016. — Т. 21, вып. 11 (163). — С. 46–51. DOI : 10.20310/1810-0201-2016-21-11(163)-46-51.	Zagaynov S. S., Mitchell P. D. The history of the development of military phrase books as a small literary genre. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya "Gumanitarnye nauki"* [Tambov University Review. Series "Humanities"]. 2016, vol. 21, no. 11 (163), pp. 46–51. (In Russian). DOI: 10.20310/1810-0201-2016-21-11(163)-46-51.

Материалы конференций	
Калинина Т. Л., Щекочихина С. В. Особенности перевода парадоксов на материале перевода пьес О. Уайльда // Язык в различных сферах коммуникации : материалы Междунар. науч. конф. / под ред. Т. Ю. Игнатович. — Чита : Забайкал. гос. ун-т, 2014. — С. 233–236.	Kalinina T. L., Shchekochihina S. V. Translation of Paradoxes in O. Wilde's plays. Ignatovich Yu. (ed.) *Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii "Yazyk v razlichnyh sferah kommunikacii"* [Papers of the International scholarly conference "Language in Various Spheres of Communication"]. Chita, Zabaikal'sky State University Publ., 2014, pp. 233–236. (In Russian).

Электронные ресурсы

Список литературы	References
Электронный журнал	
Рыбаков С. Ю. Проблема духовности в педагогическом аспекте // Теория и практика общественного развития. — 2014. — № 16. — URL : http://teoriapractica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2014/16/pedagogics/rybakov.pdf (дата обращения: 10.09.2016).	Rybakov S. Iu. The problem of spirituality in the context of education. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [The Theory and Practice of Social Development]. 2014, vol. 16. (In Russian). Available at: http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2014/16/pedagogics/rybakov.pdf (accessed 10.09.2016).

Направляя статью для публикации в журнале «Иностранные языки в высшей школе», автор тем самым дает согласие на ее размещение на сайте РГУ имени С. А. Есенина, а также в Российской научной электронной библиотеке на условиях открытого бесплатного полнотекстового доступа.

Электронные адреса и контактные телефоны:
e.ustinova@365.rsu.edu.ru; (4912) 21-57-23; (4912) 97-15-15 (доб. 1030).

Иностранные языки в высшей школе

Научный журнал
Выпуск 3 (62)

2022

Главный редактор
Колкер Яков Моисеевич

Редакторы иностранного текста:
Е. С. Устинова (английский язык)
А. Г. Никитюк (итальянский язык)
М. А. Бредис (латышский язык)
Ван Цзиньлин (китайский язык)
Н. К. Костина (французский язык)

Редактор Н. И. Тангаева
Технический редактор Д. А. Филатов

Дата выхода в свет 26.09.2022. Цена свободная.
Гарнитура SimSun, Times New Roman.
Бумага офсетная. Печать цифровая. Формат 60x84 1/8.
Усл. печ. л. 12,55. Уч.-изд. л. 10,0. Заказ № 50. Тираж 150 экз.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина»

Адрес издателя:
390000, г. Рязань, ул. Свободы, 46

Адрес типографии:
Редакционно-издательский центр РГУ имени С. А. Есенина
390023, г. Рязань, ул. Ленина, 20а